

ТРИ РЕКА

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты
до нашего времени

Исторический сборник
под редакцией
В. В. Калаша

I
ТОМ

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты
до нашего времени

В шести томах

XVII ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVII ВЕК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

РСК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

МОСКВА 2006

УДК 947
ББК 63.3(0)5
Т67

Т67 **Три века:** Россия от Смуты до нашего времени:
В 6 т. Т. 1. – М.: Юнвес, 2006. – 352 с.: ил.

ISBN 5-296-00083-8

Настоящее издание посвящено 300-летию юбилею дома Романовых. Оно охватывает три века русской истории.

Первый том содержит описание Московского государства первой половины XVII века.

УДК 947
ББК 63.3(0)5

ISBN 5-296-00083-3

© Юнвес, 2005

XVII ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Смута — естественный водораздел русской истории. До нее — Русь Московская, домостроевская, «азиатская»; после нее — Россия новая, европейская. Глубокий внутренний кризис подготовлялся веками. Вскрывшись наружу, он проявился во всех областях общественной и государственной жизни, наложил яркую печать на быт политический и экономический, глубоко отразился в народной психологии, подготовив «век мятежей» и «канун реформ», окончательно вдвинув Россию в круг европейских держав.

Это дает нам право принять ее за исходный пункт для настоящего издания. Цель его — подвести спокойные, объективные итоги трехвековому развитию новой России, во всех наиболее существенных областях ее политической и социальной жизни, с поворотного момента «великой разрухи Московского государства» до нынешних мучительных потуг государственного и общественного обновления. В переживаемый нами переходный момент, когда жизнь сдвинулась со своих старых устоев и не нашла еще новых, такой ретроспективный взгляд особенно важен: он сдерживает излишний пессимизм, подымает веру в пластические процессы жизни и творческие силы народа, дает бодрящие просветы в будущее.

Научная разработка русской истории идет своим чередом: накаплиются груды сырых материалов, исследований, доступных только специалистам, хотя их популяризация имеет

большое значение и для исторического воспитания широких слоев общества. Материал настолько умножился и разросся, что обработка его не под силу одному человеку: она может быть только задачей коллективного труда, в основе которого, с некоторыми частичными, несущественными колебаниями, вызываемыми самым фактом коллективности, должно лежать единство научного метода, исторического миросозерцания. Думаем, что в настоящем издании такое единство будет достигнуто принадлежностью его главных сотрудников к московской исторической школе В. О. Ключевского и, столь близкой к ней по духу своих научных работ, петербургской школе проф. С. Ф. Платонова.

Статьи будут иллюстрированы соответствующими историческими картинками наших художников, портретами деятелей, видами, снимками с бытовых предметов, связанных с разными крупными моментами нашего прошлого. В общественных и частных хранилищах до сих пор еще скрыто много художественных сокровищ, часто неизвестных даже специалистам. Извлечение и опубликование их было одной из главнейших задач редакции издания. На их соответствие тексту будет обращено особенно большое внимание. К тем статьям, которые по самому характеру своих тем не могут быть иллюстрированы, будут приурочены иллюстрации, относящиеся к данной эпохе вообще, а не к одной какой-нибудь определенной области ее жизни.

При выработке программы редактор имел возможность воспользоваться компетентными советами М. М. Богословского, С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова. В подборе иллюстраций ему много помогли заведующие и хранители Румянцевского и Исторического музеев, Московского главного архива Министерства иностранных дел, Публичной библиотеки, Синодальной типографии, Музея императора Александра III. Всем этим лицам приносим свою искреннюю, глубокую благодарность.

В. К.

Москва. 17 марта 1912 г.

ТРИ СТОЛЕТИЯ

Не случайность юбилейного срока выделяет обзор истории России за истекшие три столетия в самостоятельную и цельную задачу. Углубленное изучение истории Московского государства в новейшей историографии, недавно потерявшей своего патриарха — В. О. Ключевского, принципиально изменило прежде господствовавшую общую схему русской истории. По традиции, идущей от общественных настроений начала XVIII в., над обыденным историческим мышлением и в наши дни имеет большую силу противопоставление новой, Петровской России старой, Допетровской, Московской Руси. Но удельный вес этой привычной антитезы значительно изменился в научной концепции русского исторического процесса. Со времени «Публичных чтений о Петре Великом» С. М. Соловьева внимание исследователей направлено на тесную связь основных течений русской государственной, общественной и культурной жизни XVII в. с явлениями эпохи петровских преобразований и XVIII в. вообще. Не без борьбы уступило давнее воззрение на реформы Петра Великого, как на

революционную бурю, сломившую старые традиции, чтобы насильственно повернуть русскую жизнь на новые, чуждые пути развития, — другому, более органическому пониманию судеб московской старины и происхождения «новшеств» XVIII в. Результаты работы великого преобразователя предстали, как завершение вековых исканий национальной жизни, как разрешение — в меру сил данной эпохи — ранее поставленных задач. Ими, в непрерывной эволюции исторической жизни, завершались, достигая исторически-обусловленной отчетливости и относительного осуществления, искания и усилия XVII столетия, этой «критической» эпохи русской истории, полной брожения взбудораженных в крайнем напряжении национальных сил. Понятие «перелома» от «Древней Руси» к новой России изменилось по содержанию, хронологически передвинулось и расширилось. Прежняя схема строила это понятие на взаимном отношении, непримиримой противоположности и упорной борьбе традиций национальной самобытности и туго проникавших на Русь иноземных, западноевропейских культурных влияний. Новая кладет в основу различения исторических эпох и периодов изменения в основных элементах самого строя народно-государственного целого: территории и этнографического состава, государственной организации и социальных отношений. С этой точки зрения колыбель новой России не столько в Петровской реформе, сколько в сложном и глубоком кризисе, какой пережило Московское государство в начале XVII века. Потрясенное в самых основаниях своего быта, государство это вышло из событий Смутного времени с безвозвратно разрушенными старыми устоями. Тяжкий труд над восстановлением рухнувшего политического здания выпал на долю новой династии и новых социальных сил. Московское государство XVII в. строится в иных условиях, чем те, в каких жила Москва Рюрикови-

чей. Значительно сложнее и напряженнее стали его международные отношения. Борьба за существование приняла с роковой неизбежностью наступательный характер, и Москва XVII в., в стремлении прочно обеспечить национальную безопасность, расширяет свои владения далеко за пределы великорусской территории. Московское государство в течение столетия перестало быть государством великорусским, переросло прежние национальные грани, выросло в империю всероссийскую. Его внутренняя жизнь, его культура творятся отныне при крупном и содержательном, часто руководящем, участии сил малорусских. Украинский юг несет в общую сокровищницу русского развития свое особое культурное наследство, свой темперамент, свои дарования. Ему Россия XVII—XIX вв. обязана многими деятелями на всех поприщах государственной и общественной работы. В деле усвоения новых источников и приемов просвещения, обновленного по содержанию и форме в течение XVII и XVIII вв., а частью и позднее, значение этого южнорусского элемента было весьма велико и устойчиво. И культурная жизнь трех последних столетий является поистине созданием и достоянием всех ветвей русской народности, хотя и сложившимися на великорусской основе.

Переход восстановления государства в его перестройку на более широкой территориальной и этнографической базе совершился в течение XVII в. Под властью первых Романовых сложились и те основные черты русского государственного и социального строя, которые господствуют до освободительных реформ Александра II. Как бы ни были значительны изменения в жизни русской со второй четверти XVII до 60-х гг. XIX столетия, основные черты эти объединяют весь указанный исторический период в одно целое, которое можно назвать Россией «старого порядка». Его устои: абсолютизм верховной власти, с сильным развитием личного начала

в верховном управлении, и господствующее положение дворянства, подавлявшего как интересы других разрядов населения, так и действительную силу самой государственной власти,— созданы XVII в. и развивались в следующие два столетия, как его наследие. Основы русского государственного права и социально-политического строя, выработанные в царствование царя Алексея, пошатнулись только в эпоху реформ 60-х гг. Настало время нового строительства, сильно затрудненного развалинами старого здания; новый, «переходный», «критический» период затянулся на полстолетия, представляя для нас жгучую современность. Борьба старого с новым в русской государственной и общественной жизни, начатая освобождением крестьян, далеко не закончена. Новейшее преобразование России в конституционное государство осуществляется с такими судорожными колебаниями, с такой медленной и тяжелой постепенностью, что не могло еще дать плодов возрождения на новых началах русской народной жизни и культуры. Исход этого, переживаемого нами, процесса откроет новый великий период русской истории. На заре его — естественно и плодотворно оглянуться сознательным взором назад, на прожитое историческое прошлое.

А. Е. Пресняков

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

I. ИТОГИ «ВЕЛИКОЙ РАЗРУХИ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XVII В.

С конца XV столетия в судьбах Восточной Европы совершается переворот глубокого исторического значения. На сцену истории Европы выступает новая крупная политическая сила, Московское государство. Объединив под своей властью всю Северо-Восточную Русь и сбросив с себя татарскую зависимость, Москва напряженно работает над закреплени-ем добытых политических результатов и во внутренних и во внешних отношениях. Тяжелы были условия этого государственного строительства. Молодое государство возникло в северной части Восточно-Европейской рав-

нины. Опираясь в тылу на утрюмые побережья Северного моря, оно на юге, западе и востоке имело открытые границы и враждебных соседей. Борьба за территориальное и национально-государственное самоопределение восточного славянства ставила чрезвычайно сложные задачи и требовала крайнего напряжения. Развивая необходимые для этого силы, Москва непрерывно расширяет территориальную базу своей государственности. На восточных и южных окраинах продолжается извечное колониционное движение, этот основной нерв русского исторического процесса. Остановленное внешними условиями в эпоху татарского ига, оно обратилось на два столетия внутрь занятых земельных пространств, усиливая и углубляя их хозяйственную разработку. Концентрация великорусских сил создала возможность политического объединения, необходимого для обеспечения внешних условий их развития. Не только у суровой природы приходилось великорусскому племени отвоевывать шаг за шагом культурную почву: лесные пространства северо-востока были заняты финскими племенами, а в Поволжье над инородческим населением господствовали татарские царства. В период образования Московского государства, XV и XVI вв., возрождается с новой силой колонизация новых обширных земель, наступление великороссов к востоку, на Урал и за него, в глубь Сибири, в область Казанского царства и на юге, до Каспия. Падение татарских царств на Волге выдвинуло значение, как главного врага Москвы, Крымского ханства. Великорусское племя тянется к югу, от старой границы по реке Оке в бассейн Дона, захватывая все южнее и южнее плодородные пространства Восточно-Европейской равнины. Широко развернулась во вторую половину XVI в. народная и государственная энергия великороссов. Заняты вновь обширные пространства. Требовалось много сил и средств для их усвое-

ния народно-хозяйственной культуре и московской государственности. Притом историко-географические условия делали невозможной остановку в этом расширении территории. Они ставили новые широкие задачи: стремление на юг, к Черному морю, где некогда началась историческая жизнь русского славянства, отброшенно-го затем к северу враждебными азиатскими силами, и еще более далекое стремление к востоку в необъятные области Сибири, до крайнего ее предела на Великом океане, и в Среднюю Азию, разрушавшую своим напором возможность утверждения гражданственности и мирного экономического труда в богатых областях Поволжья и Приуралья. На западе борьба за финский северо-запад со шведами, за Балтийское побережье — с ливонскими немцами обусловлена была тягой к морю, утверждение на берегах которого манило политическими и торговыми выгодами. С этой борьбой за Балтийское побережье, как и с крымской политикой московских государей и с распространением их власти и русской колонизации в южном направлении, сплетались русско-польские отношения. Давнее соперничество московских Даниловичей с Гедиминовым родом и Ягеллонами из-за русских областей, лежавших на запад от Москвы, вызывало почти непрерывную борьбу на западной границе, крайне неустойчивой, неопределенной и неопределимой без решительного столкновения двух государственных организаций, одинаково нуждавшихся в этих спорных русских областях для обеспечения своей политической силы и безопасности.

Международное положение Московского государства было крайне сложным и напряженным. Народная жизнь и правительственная политика орудовали такими пространствами, что для разрешения задач, навязанных историко-географическими условиями, требовался огромный запас сил и средств, явно превышавший их на-

личный состав. Слабо населенное и подавленное тяготью борьбы с природой и с враждебными соседями, охватившими его удушливым кольцом открытых и трудных для защиты границ, а потому культурно-отсталое, Московское государство XVI в. образовалось и окрепло только ценою крайнего напряжения. Вечная трагедия русской истории — несоответствие народных сил огромным и все возрастающим национально-государственным потребностям — определила особенности его внутреннего строя. Московский центр господствовал над обширной страной с чрезвычайно разбросанным населением, со слабо развитой материальной и духовной культурой. Обеспечить средства, нужные для «государева дела», центральная власть могла, только сосредоточивая в своих руках распоряжение всеми личными и хозяйственными силами населения. Развитие не ограниченного никакими пределами самодержавия стало неизбежной тенденцией политического строительства московских государей. Частные и местные политические силы предстояло переработать в покорные орудия единодержавной власти или заменить их иной системой управления. Власть московских государей идет к этой цели, сокрушая остатки удельных порядков, политические привилегии крупного — княжеского и боярского — землевладения и развивая управление приказное. Но на создание такой административной системы, которая одна только могла бы вполне осуществить абсолютизм верховной власти, т. е. бюрократического управления, не хватало ни средств, ни организационного умения. Упраздняя уделы, московский государь объединил в руке своей вотчинную власть удельных князей и стал единым вотчичем на всех государствах Российского царства, но в государевом деле своем продолжал опираться на феодальные силы крупного землевладения, сохранившего в значительной степени политический характер благодаря державным

правам служилых князей и бояр по отношению к населению их вотчин. Эти права и местнические привилегии сохраняли за боярством характер правительственного класса, окружавшего верховного государя над всеми государями русской земли, как единственное его орудие в делах правления. Но в XVI в. московские государи уже стремятся устранить самостоятельное социально-политическое значение своих аристократических слуг, стеснявшее развитие самодержавной власти. Грозный завершил это дело по стопам отца и деда и, в то же время, сделал попытку отказаться от системы кормлений, отдававшей управление в руки того же боярства. Все местное управление — финансовое и судебнополицейское — передано местным обществам, как обязанность, которую они должны осуществлять через своих выборных, и как льгота, окупаемая особым оброком. Земское самоуправление это построено было на старых навыках народной жизни. И при наместниках — кормленщиках вся действительная работа по охране общественного порядка и безопасности, низший суд, сбор государевых доходов и наместничьих кормов лежали на волостных крестьянских общинах с их выборными. Предоставляя излюбленным старостам и судьям все функции наместничьего управления, правительство лишь распространило на них и расширило значение этого порядка. Легкость, с которой, по-видимому, реформа вошла в жизнь, показывает, как поверхностно лежала на жизни страны система наместничеств: ее значение было скорее политическим, чем административным. Средневековые агенты правительственной власти мало входили в текущую жизнь, мало управляли; с другой стороны, аристократический характер среды, из которой выходили бояре-наместники, ее притязания и традиции делали ее непригодной для цели московских государей — обеспечить себе полновластное распоряжение силами и средствами страны. Для этого

предстояло бы приблизить органы царской власти к населению, ввести их в волостную среду, осуществляя тем самым на деле — в духе данной эпохи — вотчинный характер власти и управления. В первой половине XVI в. возникла должность, которой, казалось бы, предназначено судьбой сыграть крупную роль в таком «окняжении волости». Обширность территории и разбросанность населения, жизнь которого замыкалась в местных мирах при слабо развитых внутренних сношениях, делали непосильной для Москвы XVI в. такую организационную работу, которая создала бы для всей страны прочную административную сеть прямых орудий центральной власти. И эта власть пошла иным путем, возлагая местные задачи государственного управления на ответственную самодеятельность общественных организаций. Сохранив за волостными общинами, как и за городскими — посадскими мирами, их прежнее значение, она передала местным всесословным обществам «губное» дело охраны общественной безопасности, возложила на подвластных наместничьему управлению все его функции, организовала для сбора косвенных доходов и нужд казенного хозяйства финансовую службу столичного купечества и провинциального торгового люда. Организация служилого класса для обеспечения военных нужд государства создала уездные группы служилых людей с постатейным их делением. Целям централизации финансового и военного управления служило сосредоточение в столице лучших сил тяглого и служилого населения. Правительство переводило в Москву наиболее «прожиточных» провинциальных торговых людей, пополняя ими разряд гостей, гостиную и суконную сотни, из которых брало исполнителей своих хозяйственных поручений; стягивало к центру и верхи служилого люда для постоянной службы «по московскому списку» или для периодического «годования» в столице,

«из городов выбора». Этим, бывшим всегда под рукой, личным составом оно пользовалось для посылок в провинцию с разнообразными поручениями, временными или более постоянными — должностными. Часто ощущаемый недостаток личных сил, нужных для «государева дела», заставлял передвигать их из одной области в другую, ослабляя тем самым их местные связи и вырабатывая сосредоточение в распоряжении центра всех наиболее значительных общественных элементов. При таком строе государственной жизни правительство могло обходиться сравнительно упрощенной административной системой, приспособленной для эксплуатации на государственные нужды личных и экономических средств страны, но не пригодной для более сложных и творческих задач управления. Оно могло держать постоянных агентов лишь в некоторых местностях для специальных целей, как воевод, городских приказчиков и т. п., обходясь в остальном работой на правительственные потребности общественных групп и их выборных, или временными посылками своих слуг для выполнения срочных поручений.

Строю управления, создавшемуся в Московском государстве второй половины XVI в., соответствовал весьма напряженный уклад социальных отношений. Слабость экономических средств страны, недостаточно заселенной и культурно бедной, обусловила стремление власти овладеть всеми элементами национального капитала, какие были налицо, подчиняя пользование ими потребностям государева тягла и военного дела. В этом стремлении она развивала свое безграничное господство над подвластным населением — в формах вотчинного самодержавия, сводя государственно-правовое положение населения к двум категориям: тяглового класса «государевых сирот» и служилого «государевых холопов». Предстояло весь общественный и частный быт населения

определить, как функцию «государева дела», тягла и службы. Конкуренция власти самодержца, вотчича всех государств Российского царства, со стороны державных прав крупных землевладельцев, княжат и бояр, была устранена в эпоху опричнины Грозного. Его политика подвела итоги крушению землевладельческой аристократии в тисках московского объединения и сделала навсегда невозможной ее самостоятельную политическую роль в государстве. В XVII в. боярство перешло разбитым, и в его среде занял уже сильную позицию новый элемент — боярство, возвышенное милостью царскою, придворными связями и служебной карьерой. Это боярство — лишь верхний слой служилого класса, связанный интересами и традициями с политикой московских государей гораздо теснее, чем с какими-либо «удельными» преданиями и притязаниями. К нему примыкали высшие разряды дворянства — служилые люди московских чинов, столичные, — и верхи провинциального общества, дворяне и дети боярские «больших статей», а далее — служилые «меньших статей» и мелкий люд, привлеченный на государеву службу «по прибору». Экономически вся эта система опиралась на сельское хозяйство служилых землевладельцев, живших и служивших с земли. Организация службы требовала большой гибкости в распределении земельного капитала и создала систему поместного верстанья, претворив и вотчинное право в разновидность условного служилого владения. Для тяглового крестьянства средневековое воззрение, что вся земля государева, стало приобретать житейски реальное и роковое значение в широкой раздаче черных волостных земель служилым людям. Издавна стали волости терять свои угодья и пустыри в пользу крупного землевладения, княжеского, монастырского и боярского. Теперь и те земли, на которых поставлено было крестьянское хозяйство, земли населенные, массою переходят в

частное поместное и вотчинное владение. Исторически юный государственный Левиафан подчиняет себе все частные права и интересы, становясь крупнейшим фактором социального строительства. Ломке имущественных отношений, принявшей в эпоху Грозного столь бурный характер, соответствовало проведение в жизнь представления обо всем населении, как всецело зависимом от государя-вотчинника. Эту новую — государственную, по значению и целям — зависимость сознание той эпохи осмысляло по аналогии с положением несвободных слуг-холопов и «сирот» древнейшего слоя несвободного сельского населения княжих вотчин. По мере роста Московского государства постепенное ограничение вольностей служилых людей и крестьян завершилось отрицанием «воли» слуг вольных и крестьянского перехода. Служба и тягло легли тяжким бременем на население, пригнетая развитие его материального благосостояния, гражданского быта и культуры. А возрождение в дни Грозного широкого колонизационного движения расшатывало социально-экономические основы еле сложившегося строя, манило крестьян и посадских тяглецов на новые окраины возможностью более вольной трудовой жизни. Волны переселенческого движения снова раскинули население на обширные пространства, и с заселением новозанятых областей центральные земли государства подверглись ощутительному запустению и пережили тяжкий кризис всего уклада своего быта и хозяйства. Этот кризис, колебавший самые основы военно-служилой и финансовой системы, обострял до крайней степени элементы социальной борьбы, антагонизм крупного и мелкого землевладения, закрепощаемой трудовой массы народной и владельцев населенных земель, окраин, еще не втянутых в суровые условия московского порядка, и творившего этот порядок центра.

Внешние результаты, добытые Московским государством во вторую половину XVI в., были огромны. Москва, победительница восточных царств и грозный враг литовского соседа, вступила сильной державой в круг европейских политических отношений. На далекую Московию обращено внимание европейского политического мира, и он мечтает ввести ее в свою систему, использовать ее силы для борьбы с Турецкой империей, с грозно наступавшим мусульманством. Извне она представлялась мощной, а ее отчужденность от Запада по культуре и религии казалась преодолимой. На деле Московское государство, с одной стороны, заканчивало XVI столетие в состоянии глубокого надрыва, экономического кризиса и социально-политического расстройств, а с другой — выработало в борьбе за существование своеобразную национальную культуру с резко определившимися чертами религиозного и общественного быта и крепко держалось за эту свою «самобытность»,

необходимую, как одно из условий национально-политической независимости. Государству этому предстояла напряженная борьба за утверждение своего дальнейшего национального существования и развития. Предстояло укрепить на более широком фундаменте результаты, добытые государственным строительством предыдущих столетий, преодолеть внутренний надрыв и разлад своих сил в

Патриарх Гермоген

дальнейшей организационной работе, разрешить ряд сложных боевых вопросов своего международного положения, неотложных для обеспечения национальной безопасности. Старой Москве эти задачи оказались уже не по силам, и русская государственность справилась с ними, только пройдя через тяжелое, болезненное испытание Смутного времени и постепенно перестроившись на новых, расширенных и усложненных основаниях.

Начало великой Смуте, потрясшей Московское государство в начале XVII в., положено правительственным кризисом, который, нарастая с последних лет жизни и правления Ивана Грозного, разразился бурными событиями самозванщины и острой борьбы за верховную власть по прекращении старой династии. Первых его проявлений надо искать в политике Грозного, когда царь Иван «смяте люди вся» тем, что «всю землю яко секирою на полы разсече», на земщину и опричнину. Кровавые казни, бурные и случайные опалы, разорение дотла целых семейных и родовых боярских гнезд, избиеие многих людей, «их же имена Ты, Господи, веси», кощунство и жестокий разгул дворцового обихода, а, с другой стороны, «пересмотр» служилых людей и земель, ломавший сложившиеся отношения, беспорядочно и суетливо перебрасывающий землевладельцев из одной местности в другую и разрушавший старинные хозяйства, чтобы создать новые в иных условиях и непривычной обстановке, — все это тяжелым кошмаром пролетело над русской общественной жизнью.

Привычный уклад московской жизни казался разбитым и поруганным до основания, традиции — оборванными, «благоуоставления законные» и добрые обычаи — превращенными на «новосопротивные». Крушение политики Грозного на западной границе в несчастном исходе Ливонской войны было результатом и показателем глубокого внутреннего потрясения страны. Пошат-

нулась вера Москвы в свои силы, и московский книжник в тревожном предчувствии все чаще останавливался на мысли, что близок, должно быть, конец сего мира, что близко падение родного Третьего Рима, которому, по преданию, назначено быть последней столицей истинно христианского царства. Наблюдательные современники отметили симптомы смуты в общественном сознании, упадок правительственного авторитета, когда «в повинующихся робех естественный страх к покорению владык оскудеваше, исчезая», и нарастало угнетенное, малодушное настроение общества, «всего мира безумное молчание».

Переход скипетра в слабые руки Федора Ивановича, вспышки борьбы за правительственную власть вокруг его престола, сгубившие последний, хоть и сомнительной законности, отпрыск «царского корени» — углицкого царевича, необычная карьера правителя Годунова, неизбежность, а затем наступление конца династии «прирожденных государей» были моментами агонии старой московской власти, государства «собрателей земли русской».

С прекращением владетельной линии Даниловичей все государства Московского царства остались без законного вотчича. Факт этот поставил московскому политическому творчеству новую и мудреную задачу: создать авторитетный правительственный центр, отрешившись от векового представления, что носитель верховной власти обладает ею по «прирожденному», наследственному от прародителей праву. Вотчинный характер власти московских государей сросся в понятиях московского общества с незыблемостью их авторитета, как один из признаков ее законности и «богоустановленности». Эта вотчинность власти была принципиальным основанием единства Московского царства, возникшего путем объединения в руках московских государей вотчин от-

дельных линий Рюрикава дома, великих и удельных княжений.

Прошлая история не ставила вопроса о значении национально-государственного единства, независимом от вотчинного права московской династии, и тем более не выработала форм его самостоятельного воплощения, помимо личной власти государя, великого князя всея Руси. И долго боролась русская политическая жизнь с этой проблемой, колеблясь «семо и овамо». В годы Смуты наблюдаем различные попытки обосновать тот или иной выход из создавшегося положения.

По смерти царя Федора и отречении царицы Ирины Годунов сумел перенести вопрос о своей кандидатуре на царство со скользкой почвы борьбы и соглашения придворных кружков на обсуждение совета всех чинов государства. В период междуцарствия, наступившего с пострижением в монастырь царицы Ирины Федоровны, дела правления остались в ведении учреждений, из коих слагалась московская администрация, с Боярской думой и «начальным человеком» — патриархом во главе. Годунов сумел оценить, что в данный момент действительная власть находится у тех сил, на строй которых опиралось царское управление страной, и обратился к ним, как единственному реальному политическому фактору.

Царем Бориса избрали и поставили, по общему совету, патриарх со всем причтом церковным, Освященным собором, с царским синклитом бояр и окольных, с воеводами и всем воинством, с гостями, торговыми и черными людьми, — всею землею «от конец до конец всех государств Российского царствия». К важному политическому акту, решению судьбы престола, призван был собор лиц, по должностному положению руководивших отбыванием службы и тягла соответственных групп населения, носителей сложившейся при Грозном системы управления. Собор признал царем Бориса, ссылаясь на

его правительственные заслуги и на поручение ему забот о царстве по завету царя Ивана царем Федором: правящие силы возвели на престол своего испытанного руководителя, давнего главу правительственной работы. Что можно было противопоставить такому избранию? Казалось, что Борису суждено положить начало новой династии; земля присягнула ему и его потомству. Но соперники Годунова выдвинули против него иную идею. Вскрывая слабую сторону его воцарения, они стали искать представителя прав на престол, не зависящих от «многомятежного человеческого хотения». Соборному избранию решили противопоставить собственное право иного кандидата. В этом смысле мелькнула курьезная кандидатура на престол Симеона Бекбулатовича, сидевшего, по фантазии Грозного, на великом княжении всея Руси во дни опричнины и разжалованного позднее в великие князья тверские. Эта же идея породила силу и значение самозванщины.

Толки о возможности появления подставного царевича Дмитрия возникли, по-видимому, еще в связи с интригами против избрания Бориса в 1598 г.: Годунову приписывали такую мысль, в случае неудачи его кандидатуры. Но через два года стал грозным призраком «прирожденного» претендента на престол для самого Бориса. Легенда одержала победу над действительностью тем, что смутила общественное сознание призраком легитимизма, и дала, в то же время, опасное знамя в руки всех элементов населения, недовольных своим положением.

Выродившись в предлог для социальной борьбы, самозванство сразу потеряло свой первоначальный политический смысл, но и после гибели первого Лжедмитрия успехи других самозванцев отчасти поддерживались брожением русской политической мысли: если не верой в подлинность мнимых претендентов, то сознанием ни-

Угрюмов. *Восшествие на престол Михаила Федоровича*

чтожества прав их противников, самочинно ставших у власти.

В этом была безнадежно слабая сторона положения Василия Шуйского. Возведенный на престол «малыми некими от царских палат», «без избрания земского», Шуйский не последовал примеру Годунова, не искал опоры в «совете всех чинов Московского государства», который избрал бы царя под руководством патриарха. Он пытался построить свое право на происхождении от Рюрика и старшинстве своей линии, князей суздальских; но подобная генеалогическая аргументация плохо вязалась с понятием вотчинного права на великое княжение, которое должна была обосновать: это право в Московском государстве принадлежало только его создателям, Даниловичам московским, с ними и кончилось.

Бурная смена носителей власти по прекращении старой династии обнаружила невозможность восстановить оборванную традицию правительственного авторитета. Для прочного решения такой задачи притязания мнимых «вотчичей» оказались слишком ничтожными. Попытка перенести санкцию богоустановленности с «прирожденных» государей на избранного собором Годунова посредством мысли, что епископы «имеют власть, яко апостольские ученики много испытаны, и по правилам сшедшимся собором поставляти своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, его же Бог избра», осталось лишь риторическим украшением избирательной грамоты; на Руси политическое значение церковной иерархии было слишком слабо. А глубоко верная мысль Годунова, что возрождение верховной власти может найти опору только в союзе общественных групп, которые несли на себе всю государственную работу Московского царства и объединялись в земском соборе, оказалась бессильной перед брожением социальных сил

С а р и б х и т р и с и л а н з с и в с а л
Г л а н о в ѣ ш т о т и л и П р и с у б а с а н и
С т о р о ж и т р а ж о с т а с а в с а н о
Н а д а н ѣ т р о ж и т о П о р и л ѣ П и т
н и д а т р а ж и н ѣ в о л о в ѣ с а b i d
в о л о ш о м о с о б о р о П о с о б о р о р а d o b e
в т о и П о л и м о П о р о д н ѣ с а
П о л с в о т е П о д о в а н ѣ р о с и с о П o
б а н т П о а в р а с ѣ П о с а n t r o k u i b t
П о р с л а с П о м а р ѣ П о р о ж и т П o s a c
П о в н с и м П о о u c h a П o d x i c z o
С и м и н ѣ П o t r a c e П o a c i d e П o s t o r
П o d e n e i t e c h i n t T p a t i e s t e n o u
С о н и м а д р а т а s t o u s i b i m s t
С т о б ѣ 7 У с о б ѣ 7 т о т о б ѣ
Н а с а д е т о а и р в и П e t i f a n t P a
ц е н ѣ с а b i c e Ш л а n t e t e o b a s
о u d в а р о б ѣ Х ѣ о - К а н з о r i n e s i c k i e
С и м e b i n o У а r e П o y n i b u l
в о r d d o л о л ѣ s t a P o n d y b i n d s i n d
С а r a s П o d e c o s t p o d i n k i n a l o y
У н т Н а о r d i n ѣ z e t p o r o u r o b u s i m e
А т о r b o l a П o c a t o r d i n y x o l e t n z c u a
д и л о s i d e o s П o n a x i z o H a n a n i z
С o t i n a s t o a t i n s t o t n o s t e y
и м и t e A d a n ѣ a s i m i t a n d c a b i n
с в о d s i d e a s t a d a t o s t o r o d e d o n d e
H u n d a n ѣ H i b a n ѣ t a c o a t e o t o
ѣ P a s t o r o b a s o b t u r a t o s t o c r o t o
П e t a s a n a o b i e n ѣ s p o n H u l a n
ѣ t a n П o l o m a n ѣ s o a s i n t z a n
С л о в o H e o r d i n ѣ s t o r o s t p a m o s i z
o r d e s i t o r a s t u b ѣ x a n t e s a n d e s t e
ѣ z o n e П a n ѣ c y n s i z c e l i c r o m ѣ
P o b a b i n z i z o c o r i e s t a n ѣ s t e
t o t

Грамота Минина

страны, переживавшей тяжелый экономический и социально-политический кризис.

Борьба внутри правящей среды между княжеской знатью и чиновным боярством, значение которого подорвано было антагонизмом главных его представителей — Годунова и круга бояр Романовых, породила страшное орудие политической интриги — самозванцу, и тем вынесла смуту из дворца в среду войск и народной массы. Фантастический успех первого Лжедмитрия создан бессилием государственного центра, разладом общественных элементов, служивших опорой старому порядку, поддержкой буйного населения Северской окраины, где скоплялись выходцы из областей Московского государства, бежавшие от нараставшей крепостной неволи, от государева тягла и нищеты, и помощью казачества, быстрый рост которого к концу XVI в. питался теми же силами народного недовольства. Не правительству Шуйского, лишенному опоры в сколько-нибудь значительных общественных группах, было остановить дальнейшее развитие Смуты. Семена внутренней борьбы, брошенные движением первого самозванца, не замедлили взойти в анархическом бунте Болотникова, с которым поднялись общественные низы — холопы и владельческие крестьяне — против бояр и приказных людей, против землевладельцев, закрепощавших трудовую народную массу, и государственного строя, основанного на этом закрепощении. Соединение с казачеством вырабатывало боевую силу этой толпы и ее понятия о воле — вне государственных и сословных пут. И долго волновалось на Руси все, что было раздражено тяготой московского строя или выбито из колеи экономическим кризисом и общественной смутой. После гибели Болотникова центром Смуты стал Тушинский вор, второй самозванец, а затем движение разбилось на ряд местных проявлений анархии и простого разбоя, пережило годи-

ну Смуты — и в ряде вспышек связало бури «великой разрухи» с бунтом Стеньки Разина, постепенно отступая от центра к окраинам. На восточных границах поднялись инородцы, теснимые московской властью и русской колонизацией. С юга потянулись на добычу казаки с Дона и Днепра. А в центре шла борьба общественных групп, носительниц «государева дела». Против «боярского» царя Василия Шуйского поднялись служилые люди «больших» и «меньших» статей, противники господства в государстве боярской аристократии. Как представители среднего и мелкого землевладения, они были враждебны привилегиям землевладения крупного, их опасного соперника в борьбе за рабочие руки; как люди «неродословные», они были раздражены местническими преимуществами знати, закрывавшими рядовому служилому человеку пути служебной карьеры. На первых порах движение служилых людей под начальством Прокопия Ляпунова и Истома Пашкова отступило перед опасностью торжества болотниковских шаек, грозных для дворян и детей боярских не менее, чем для московского боярства: но в этом движении, по-видимому, впервые выступили и оформились самостоятельные общественные и политические тенденции дворянства, которым принадлежало будущее в Московском государстве. Примирение с правительством Шуйского было с их стороны непрочным и вынужденным. Оно внесло в московскую среду брожение, которое и сгубило царя Василия. Наиболее влиятельные элементы среднего слоя служилого люда идут с этих пор путем не открытой борьбы против Шуйского, а политической интриги. Они спланиваются вокруг служилого и придворного боярства, центром которого был кружок Никитичей Романовых, разбитый опалой при Годунове, но оправившийся при первом самозванце, а главою — ростовский митрополит Филарет, и под монашеским клобуком сохранивший всю энергию

и все честолюбие боярина Федора Никитича. Разлад с боярским правительством гонит наиболее энергичных представителей этого круга из Москвы в Тушино, где при втором самозванце образовалось гнездо всех личных и политических врагов царя Василия. Группировались они, конечно, не вокруг ничтожного Тушинского вора. Их вождь — тушинский патриарх Филарет, игравший свою роль с ловкостью опытного политика.

Однако этот круг лиц, которому предстояло в свое время крупное участие в деле создания нового московского правительства, тонул, до поры до времени, в унижительных условиях воровского гнезда, не имея почвы, чтобы овладеть судьбами государства. Не владело ими и московское правительство. Запад и юг государства были в руках воровских людей, захватили они и Среднее Поволжье; восточные окраины оказались отрезанными и предоставленными сами себе; правительственные средства — разбиты. С большим трудом удавалось собрать даже незначительные силы: мобилизация оставшихся верными служилых людей, сборы даточных людей и денег за них давали незначительные результаты, а поступление доходов пало до такой степени, что царскому правительству приходилось прибегать к займам у купцов под залог драгоценностей из государевой казны и порче монеты перечеканкой ее на более легкую при сохранении номинальной цены. Бессильная Москва казалась легкой добычей для энергичного соседа. Польский король Сигизмунд III решил использовать момент для широкого плана — подчинения Восточной Руси Польско-литовскому государству, объединения Восточной Европы под католической властью для борьбы с протестантским севером и мусульманским югом. Предлог для войны был дан союзом Шуйского со шведами, непримиримыми врагами польского Вазы. Наступление Сигизмунда и шведский союз открыли доступ иноземным

силам к вмешательству в русские дела, и тем еще более усложнили положение.

В эту — самую тяжелую — годину Смуты началось движение, которое, разрастаясь и окрепнув, вывело государство из состояния полной разрухи. Оно возникло в уездных, посадских и волостных мирах Севера, привычных к самодеятельности и самоуправлению. Эти общины, получившие в уездных и земских учреждениях XVI в. более широкую организацию и приобщение к задачам государственного управления, издавна сами строили свой быт, вырабатывали свои внутренние отношения и даже ведали оборону от врагов, держа казаков и даточных людей, которых меж себя набирали посошно и подымно, под весьма незначительным руководством и воздействием центральной власти. Не затронутые развитием служилого землевладения города и области Севера были свободны от резкого сословного расчленения населения, какое пережили остальные части государства, и менее были подавлены ростом властной работы Москвы над перестройкой общественных и имущественных отношений. Государственное объединение, несмотря на тягость сборов и повинностей, принесло этому Северу значительное повышение его торгово-промышленной деятельности, обеспечив ей доступность внутренних рынков и открыв путь к сбыту на Запад, через Белое море. Зажиточное и энергичное население городов поморских пробудилось к борьбе с неурядицами земли и обороне государства, как только столкнулось с разорением от воровских шаек Тушинского вора. От элементарной потребности местной самообороны они скоро перешли к стремлению обеспечить свой быт защитой Московского государства от сокрушавших его врагов. По-видимому, в этой среде всего ранее прояснилось понимание государственного порядка, как общественной потребности, и общественной организации, как его

основы, и нарастала готовность нести чрезвычайные жертвы для восстановления порядка, безопасности и национальной независимости. Первая волна этого движения, которая нашла себе организатора и вождя в лице М. В. Скопина-Шуйского, закончилась освобождением Москвы и падением Тушина. Трудно судить, насколько обоснованной была мечта Прокопия Ляпунова разрешить Смуту и прекратить «безгосударное» время возведением Скопина на престол. Весьма вероятно, что общественные силы, ставшие против Смуты, не были в данный момент достаточно организованы и зрелы для разрешения правительственного кризиса. Как бы то ни было, скорая гибель Скопина развеяла результаты первого усилия. Разруха пошла дальше и глубже, осложненная польской войной, а затем разрывом со шведами. Полное бессилие правительства Шуйского дало его противникам возможность свести его с престола; но создать на его месте иной и более значительный центр государственной власти они не смогли. В эту пору получает успех в среде боярства и высших слоев дворянского общества мысль о призвании на московский престол иностранного принца. Мысль не новая. Еще перед перспективой конца старой династии некоторые русские люди остановились на проекте заменить ее призванием эрцгерцога Максимилиана, польского или шведского королевича. Тушинское боярство, круг Филарета, выдвинуло теперь кандидатуру польского королевича Владислава, надеясь связать его условиями, которые обеспечили бы национальный характер его правления. И вершители судеб Москвы, ее правящий круг, после низложения Шуйского приняли эту кандидатуру, предпочитая ее опасности победы вора, снова вошедшего в силу. Ни одна из партий боярских не имела в данный момент силы провести избрание своего кандидата, будь то кн. В. В. Голицын или юноша Михаил Романов. А между тем восстановление

царской власти не только сознавалось как государственная необходимость, но для боярства и высших кругов служилого люда было неизбежным условием сохранения и укрепления их общественного положения. Переживая бурное колебание почвы, на которой оно покоилось, бояре и служилые люди в царе, призванном со стороны, искали государя, который правил бы с ними и через них, не понижал бы без вины великих чинов людей, а меньших повышал по заслугам, обеспечил их права на доходы, поместья и вотчины, их власть над холопами и крестьянами. Различие интересов боярства и второстепенных слоев служилых сказывалось в стремлении первого — обеспечить, при призванном государе, традиционный уклад государственного быта и закрепить за собой участие в управлении, а вторых — пробить себе дорогу к возвышению, но и те и другие, отчаявшись в надежде овладеть Смутой, искали опоры в престоле, воздвигнутом их руками на развалинах старого государственного порядка. Иные из этой среды, наткнувшись на собственные планы Сигизмунда подчинить себе Москву, пошли и на это, на службу королю, или «королю и королевицу», признавая неизбежность регентства Сигизмунда при воцарении юноши-сына. Другие даже тогда, когда польская кандидатура явно рухнула, держались ее и, порвав с родиной, ушли за польский рубеж. Но большинство желало приобрести во Владиславе русского царя, православного и служащего русскому национальному делу. Москва ему и присягнула, но договор не был ни признан, ни выполнен королем Сигизмундом; он вел дело к фактическому захвату власти над Московским государством в свои руки с надеждой завершить его формальным подчинением, а пока обеспечивал себе реальные выгоды захватом для Речи Посполитой ценных областей — Смоленской и Северской. Для Москвы политическим результатом всей польской авантюры были

заяние Кремля польским гарнизоном и распад временного боярского правительства, возникшего по низложению Шуйского. Тщетно пыталось оно найти опору во всей земле, требуя присылки в Москву представителей «изо всех чинов по человеку». Положение страны убило возможность составления земского собора нового типа, из выборных представителей местных общественных групп. Для земского избрания Владислава пришлось удовлетвориться собранием Освященного собора и Боярской думы, «московских служилых и торговых людей, а области представлены были только 40 лицами «из городов выбора», находившихся на очередной службе в столице. Подчинение Москвы полякам разбило и это временное правительство, оттесненное агентами Сигизмунда. Распалось и «великое посольство», отправленное к королю под Смоленск: оно было составлено из представителей всех чинов, являясь, по организации своей, сколком с московского собора, но король часть его членов переманил на служение своей политике, других отпустил из-под Смоленска и тем уничтожил его земское значение; ссылка в Польшу главных послов, митр. Филарета и кн. В. В. Голицына, довершила разгром.

Так, во вторую половину 1610 г. московский правительственный кризис достиг крайней степени развития. Не стало вовсе признанной государственной власти. Общий авторитет при безгосударьи мог быть признан, по московским воззрениям, только за патриархом, как «начальным человеком» всея Руси. Но патриарх Гермоген был в руках у поляков и русских предателей. Он мог действовать только словом и увещанием, не имея возможности стать во главе какого-либо общественного движения, какой-либо организационной попытки. Но тем сильнее было моральное его влияние, как выразителя национально-религиозного настроения русского общества, пробужденного опасностью иноземного и

иноверного владычества. Патриарх вступил в борьбу с королевским засильем и, когда в начале декабря 1610 г. неожиданная гибель Калужского вора несколько развязала руки русским людям, стал рассылать грамоты с призывом к вооруженной борьбе с «литовскими и польскими людьми». Первыми откликнулись те группы, которые, с одной стороны, были лучше подготовлены к боевому выступлению, а с другой — ближе стояли к московскому центру и переживаемым событиям. Поднялись служилые люди в разных городах и сплотились вокруг Прокопия Ляпунова на освобождение Москвы; к ним примкнули остатки тушинских отрядов под предводительством «тушинского боярина» кн. Дм. Трубецкого и казаки с Заруцким. Планомерность действий, организация борьбы и необходимых для нее средств требовали установления порядка управления «всеми ратными людьми и всей землей». Бояре и воеводы, дети боярские и всякие служилые люди ляпуновского ополчения выступают в роли «совета всей земли», поддерживая связь с областными — городскими мирами пересылкой грамот и через доверенных людей. Как представитель «всей земли»; ополчение избрало трех своих вождей «для всяких земских и ратных дел в правительство», но сохранило право их сместить, если «чинити не учнут во всем правду», избрало второстепенных воевод и установило приказы, «как было преж сего на Москве», определило ряд мер по упорядочению служилого землевладения и сбора доходов, исполнения службы и восстановления общего порядка в делах, поручив «строить землю и всяким земским и ратным делом промышляти» избранным на то боярам, по своему приговору и под своим контролем. Эта новая попытка создать временное правительство, которое бы руководило делом освобождения страны от внешних врагов и внутренней смуты, оказалась недолговечной: ополчение распалось, загубленное рознью

враждебных друг другу социальных элементов, из которых оно состояло. Ляпунов, вождь служилых землевладельцев, был убит казацким кругом, дворяне и дети боярские разъехались из-под Москвы, отделяясь от казаков и тушинских ватаг. Но земское движение, которое выдвинуло Ляпунова, этим не было остановлено. Дворяне и дети боярские, покинув подмосковный лагерь, «учали совещатися со всеми городы, чтоб всем православным христианам быти в совете и соединеньи, и vybrати государя всею землею». Так говорит ярославская грамота кн. Д. М. Пожарского. Но не служилый элемент был главным носителем все разраставшегося движения, а те городские и уездные миры, которые раз уже освободили Москву, сплотившись вокруг Скопина-Шуйского. Положение дел было крайне тяжелым, настроение тревожным и растерянным. Из Москвы шли от бояр, кн. Мстиславского с товарищами, призывы к верности Сигизмунду, от казаков Трубецкого, овладевших устроенным под Москвою правлением, призывы о помощи против врага. Но земские люди прониклись мыслью, что спасение только в решительном отпоре как польской силе, так и «русским вора́м». Общественное настроение нарастало в тяжелых поисках надежного центра, который объединил бы разрозненные национальные силы. Его напряжение ярко выражалось в появлении ряда сказаний о видениях свыше, призывавших русских людей к покаянию и нравственному отрезвлению, и в том большом впечатлении, какое такие сказания производили. Мистически настроенные люди только от чуда ожидали спасения, проповедовали пост и покаяние, чтобы заслужить милосердие Божие; от чудесного знамения ждали они разрешения и правительственного кризиса, ибо слышалось им в видении: «аще ли поставят царя по своей воле, навеки не будет царь». Однако волнения общественного чувства не остались бесплодными, так как

сочетались с подъемом сознания политической ответственности и гражданской солидарности. Городские миры, организуя свои силы, вступают в деятельную переписку между собой, призывая друг друга «всем быть в любви и соединении и прежнего междуусобства не счинати» и помнить, что за «конечное разоренье» государства придется ответ дать в страшный день суда Христова. Готовность нести чрезвычайные жертвы для прекращения Смуты и освобождения родины, для защиты общественного порядка, веры и независимости была реальным результатом этих переживаний. Искомый центр объединения нашелся, естественно, в том городе, который ближе стоял к Москве, с нею постоянно поддерживал сношения и первый получал призывные грамоты патриарха. Нижегородское духовенство и посадская изба Нижнего, с Мининым во главе, не только повторили патриарший призыв, но создали в героическом порыве форму организации возбужденной национальной силы. Нижегородское ополчение выросло в ополчение всей земли, и его вожди немедленно поставили себе задачу — создать на время, до избрания царя, авторитетное дееспособное правительство. Кн. Пожарский от имени всего ополчения приглашает городские общины «советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным» и прислать в Ярославль «по всемирному своему совету» по два человека изо всякого чину людей, а с ними «совет свои отписати, за своими руками». Так образовался в Ярославле, при ополчении, земский собор, который можно признать первым русским «народным представительством», по смыслу и характеру созыва уполномоченных местными обществами «для земского совету». В этой форме возникла власть, достаточно авторитетная для организации народных сил на освобождение Москвы и восстановление государственного порядка.

Для власти этой бояре, продолжавшие служить Владиславу, и казаки, осаждавшие их вместе с поляками в Кремле, были такие же враги, как «литовские люди». Ополчение и ярославский собор первоначально предполагали избрать царя без замедления, чтобы с ним идти на Москву. Но польская опасность заставила спешить походом. Очищая попутно землю от казачьих шаек, кн. Пожарский достиг того, что подмосковные казачьи таборы распались. Заруцкий с частью казаков ушел на юг, а большая часть подмосковной силы примкнула к земскому ополчению. Ее вождь кн. Д. Т. Трубецкой занял, по чину и роду, первое место среди вождей ополчения, но на деле это соединение было капитуляцией казачества перед поднявшейся земщиной. Взятие Кремля не только закончило с польским владычеством в Москве, но и отдало в руки ополчения сидевших там бояр, кн. Мстиславского с товарищами. На московской почве у ополчения земского не стало политических соперников, и его вожди стали господами положения. Однако, в первый же месяц оно заметно изменилось. Как и ранее, при Скопине-Шуйском, ополчение, совершив свое дело, разъехалось, в большей своей части, по домам, «а на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков полпята тысячи человек, да стрельцов тысячу человек, да мужики чернь». Казаки и остатки тушинских отрядов снова вошли в силу и потянулись к политическому влиянию; с ними пришлось считаться в деле избрания царя. Кн. Пожарский и бывшие с ним бояре считали, по-видимому, возможной и желательной кандидатуру иностранного принца; еще в Ярославль им писал из Новгорода митр. Исидор и кн. И. Н. Одоевский об избрании шведского королевича Карла-Филиппа, которого новгородцы вынуждены были признать царем, и кн. Пожарский передал вопрос на обсуждение земских миров. Но об иноземце не хотели думать ни широкие земские слои,

ни казаки. Пришлось замолкнуть и сторонникам Владислава. Боярство было слишком разбито и раздроблено, чтобы сохранить влияние в этот важный момент. Кн. Мстиславский и др. союзники польской политики рассматривались как изменники и были удалены из Москвы «по городам». С другой стороны, среди казаков жило еще течение в пользу «Воровского Калужского», т. е. сына Марины Мнишек от второго самозванца. Но против опасности новой самозванческой авантюры решительно поднялись бы земские силы. Вожди ополчения искали опоры в этих силах и поспешили созвать новый, более людный земский собор, вызывая из городов выборных «по десяти человек» с «советом и договором крепким» о царском избрании. Собор сошелся с казаками в твердом намерении избрать царя из русских бояр, и, по-видимому, казаки первые подняли речь о «Филаретовом сыне», Мих. Фед. Романове. Едва ли они допустили бы избрание другого лица. Враждебные боярству, они, однако, были под влиянием тушинских связей митр. Филарета и всего Романовского круга. И в земщине эта кандидатура должна была встретить сочувственный отклик. Свойство с угасшей царской семьей, популярность деда и отца, незапятнанность молодого имени — говорили в пользу Михаила. К его имени, как возможного избранника, уже привыкли, так как о нем шли толки по низложению Шуйского и за него был авторитет погибшего за веру Гермогена. Кандидатура была приемлема и в то же время устраняла опасность нового разлада. И собор 7 февраля 1613 г., «яко едиными усты», нарек Михаила царем. Чтобы действительно разрешить долгий правительственный кризис, это избрание не должно было быть партийным. На нем сошлись земщина и казаки. Затем призвали в Москву высланных бояр, кн. Мстиславского с товарищами, «для общего земского совету» и участия в провозглаше-

нии Михаила, а «во все города Российского царствия» отправили верных людей проводить «во всяких людях мысли их про государское обирание». И только убедившись, что избрание будет «единомышленным и нерозвратным», торжественно провозгласили нового царя — 21 февраля.

Великая московская трагедия, как называли поляки нашу Смуту, дошла до последнего своего действия. Земский собор стремился ликвидировать внутреннюю рознь, объединяя под знаменем восстановления и освобождения Московского государства всех, кто хотел ему служить, отстраняя старые счеты, старую вражду; он сумел помириться с теми, кто был недавно врагом земского движения — с боярами и казаками. Это придало его делу национальный, общеземский характер и обеспечило прочность добытых результатов. Но восстанавливаемое силами земщины Московское государство сильно преобразилось в тяжких испытаниях великой разрухи, и задача «восстановления» должна была неизбежно перейти в ряд творческих усилий государственной работы, протекавшей в условиях усложненных и непривычных. Кризис Смутного времени был острым моментом в перестройке русских общественных отношений, начавшейся в XVI в. и далеко не законченной. Смута завершила крушение княжеской аристократии и расчистила путь к влиянию новым людям, возвышавшимся служебной выслугой и придворным фавором. Эти новые общественные верхи не выделялись, как прежние, из общей массы дворянства в особый сословный слой и стали проводниками влияния на верховную власть служилых землевладельцев-дворян с их нуждами и интересами. С другой стороны, лишённые самостоятельного общественного значения вельможные верхи оказались в руках власти гибким бюрократическим материалом, который чем дальше, тем больше отделялся от сословных интере-

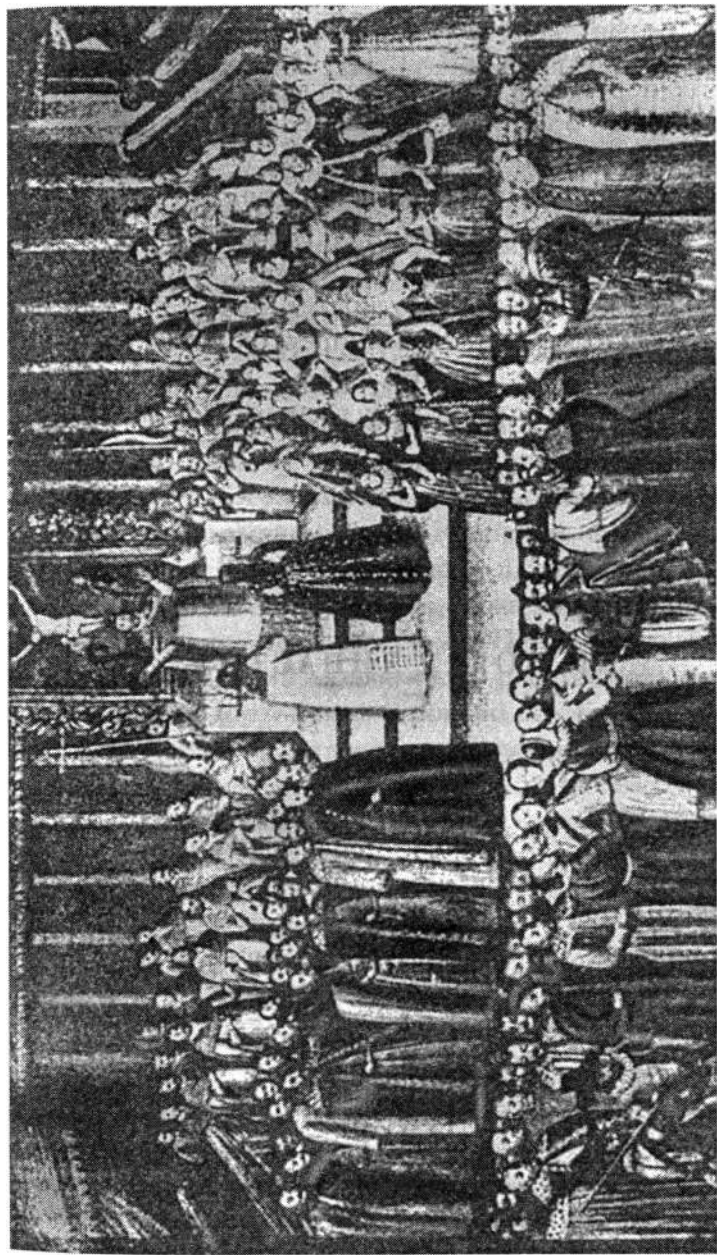
сов своего класса, перерабатываясь в чиновничество, связанное больше со службой, чем с интересами общественной среды. Падение политической силы землевладельческой аристократии не встречало, по условиям экономического быта, построенного на мелком хозяйстве, противовеса в экономическом значении крупного землевладения. На первый план выступает средний слой служилого люда — дворянство; созданное московской жизнью в процессе государственного строительства XVI в., оно в годину Смуты поднялось на защиту распадавшегося государства, как только устранена была враждебная ему сила боярской аристократии. В духе политики государей XVI в. оно и в Смуту и после нее последовательно стремится к укреплению своего землевладения и господства над крестьянским трудом, встречая поддержку в верховной власти, как главная ее опора. Смута положила историческую грань между боярской Русью и дворянской Россией. В тяглой среде ее верхи, предки «среднего чину» людей XVIII столетия, организованные в городских и уездных мирах, встали на защиту государственного порядка, обеспечивавшего их быт, раньше и энергичнее, чем служилые люди, как только гроза анархии и разорения пробудила их политическое сознание. Общественные низы — крестьянство владельческих земель и холопы — составили главный контингент «воровских» отрядов и казачьих ватаг, доведших Смуту до крайних пределов. И победа над нею государственного порядка была поражением для этих разрядов населения, которые в дальнейшие два века отвечали на давившую их тяготу побегами и бунтами, то местными, то широко разносившими потрясение, как в эпоху «Разиновщины» и «Пугачевщины».

Так Смута завершилась победой средних социальных слоев над общественными верхом и низом. Они создали и поддержали новую государственную власть, защитни-

цу своих интересов и представительниц национальной независимости. Именно эти общественные элементы оказались в Смутное время наиболее сильными носителями национального чувства, тесно сплетенного для московских людей с их церковно-религиозной обособленностью. Подъем этого чувства был обусловлен глубоким национально-политическим унижением, какое довелось пережить Московскому государству. Ослабление его, по мере развития Смуты, вскрыло все язвы его международного положения. Если на востоке волнения инородцев в недавно покоренных областях только усиливали внутреннюю смуту, то на Западной окраине опасность грозила всем приобретениям XVI в. В политике короля Сигизмунда утопические планы объединения всей Руси с великим княжеством Литовским и Польшей под одной властью сочетались с стремлением отрезать у соседа на свою сторону Смоленскую область и Северщину. Союз со шведами кончился разрывом с ними и подчинением Великого Новгорода шведской власти. Полный упадок московской силы давал возможность раздела московских владений. Освободив столицу от врага, московская земщина решительно отклонила предложения о призвании царя от национальных врагов — поляков или шведов, восстановила национальную власть с готовностью, доказанной позднее, нести большие жертвы на дело восстановления государственной территории.

Так события Смутного времени привели к крупным потерям, предвещавшим тяжелую, но неизбежную борьбу. А разорение, которому страна подверглась в годы разрухи, надрыв ее сил и их дезорганизация делали задачу нового правительства чрезвычайно трудной. Избранием царя эта разруха завершалась лишь формально. Предстояла огромная работа, чтобы заново отстроить разбитое государственное здание. Земщина, выступившая с

Свадба Дмитрия Самозванца

такой яркой самодеятельностью в наиболее критический момент, спасла государство, но дальнейшее строительство передала в руки царской власти, которой предстояло заново организовать правительственную работу. И работа эта явилась продолжением дела государей XVI в. Недаром престол заняла династия, всем прошлым своим тесно связанная с дворцом московских государей и с их политическими стремлениями. Служилые и тяглые люди Московского государства «избрали словом и учинили делом» на царский престол единственного возможного кандидата той среды, которая издавна причастна была к московскому государственному строительству¹.

II. НОВАЯ ДИНАСТИЯ

В борьбе за власть и престол, разыгравшейся в боярской среде по прекращении линии «прирожденных» государей московских, как и раньше и позднее, в группировке боярских партий отчетливо выступает различие двух типов боярства: княжат — потомков удельного князя Восточной и Западной Руси, Рюриковичей или Гедиминовичей, и бояр нетитулованных, сильных близостью к царскому дворцу, придворной знати. В центре по-

¹ См. С. Ф. Платонов «Очерки по истории Смуты в Московском государстве» (3-е изд. Сбп., 1910) и «Московское правительство при первых Романовых» («Журн. Мин. Народ. Просв.», 1906 и отд.).

следней при царе Иване Васильевиче и сыне его Федоре и позднее, в смутные годы, стояла семья царского шурина, Никиты Романовича, влиятельная близкими связями родства, свойства и дружбы с целой группой иных боярских фамилий. Предков этой семьи знаем с XIV в. в ближайшем окружении великих князей московских. Но происхождение ее мудрено проследить по нашим источникам. Известное предание, что первый из этого рода, кого мы знаем по имени, Андрей Кобыла, был выходцем на московскую службу, «из Прусс» владельцем, далеко от достоверности. Позднее один из потомков Андрея Кобылы, Ст. Ал. Колычев, составляя в 1722 г. свою «Историографию вкратце», истолковал его прозвище как искажение имени мнимого литовского князя Камбилы. В XVI в. рассказывали иначе: Курбский называет предком Шереметевых и Колычевых выехавшего «из Немец» светлого и знаменитого мужа Михаила «с роду княжат решских», т. е. имперских. Перед нами, видимо, одно из проявлений моды, столь распространенной в московских родословиях — производить боярские роды от выезжих на русскую службу знатных иностранцев; она имела смысл возвеличения «прирожденного» благородства фамилий, которые стремились занять место наряду с княжатами владетельных родов Рюрикова и Гедиминова. Летопись знает Андрея Кобылу среди бояр в. к. Симеона Ивановича: в 1347 г. он ездил по невесту великого князя, тверскую княжну Марию Александровну. Влиятельным сотрудником Дмитрия Донского был сын Андрея, Федор Кошка, которого встречаем и на воеводстве и в посольствах; он занимал одно из первых мест среди бояр, с которыми Дмитрий «держал землю русскую»; на его дочери женил своего сына тверской великий князь Михаил Александрович, а его смерти князь ордынский Эдигей приписывал перемену московской политики относительно татар. «Добрая душа к Орде была от Федора

от Кошки, — писал Эдигей в. к. Василию Дмитриевичу, — и то ся минуло; нынеча же у тебе сын его Иван, казначей, твои любовник (любимец) и старейшина, и ты из того слова и думы не выступаешь и старцев земских ни думы, ни слова не слушаешь». Так Иван Федорович унаследовал влияние отца. Он стал писаться по отцу Кошкиным, и это прозвище перешло к его потомству на два поколения. Его сын, Захарий Иванович Кошкин, был видным воеводой московским и, видимо, стоял близко к дворцовому обиходу. Сыновья его, Яков и Юрий, выступают в войнах Ивана III, как первые воеводы; Яков Захарыч был новгородским наместником, сурово утверждая там московские порядки, воевал со шведами и Литвой, укрепил за Москвой Северскую землю; Юрий — победитель при Ведроше. Их называли Захарьиными-Кошкиными, а сыновья их стали, по деду, писаться Захарьиными. Такая смена семейного прозвания естественна у рода, которого значение основано не на самодовлеющем общественном весе княжеского происхождения и удельных традиций, а на давней службе московским государям, участии в их ближней думе и близости к великокняжескому дворцу. Сомнительной ценности предание об иноземном происхождении Андрея Кобылы не исключает возможности предположения, что перед нами старинная семья княжих бояр-дружинников. Таков, по крайней мере, традиционный характер отношений ряда поколений этой семьи к великим князьям московским. При Василии III видим старшего из Захарьиных-Юрьевых, Михаила Юрьевича, среди бояр, которых великий князь перед кончиной призвал к себе для наказа, «како без него царству строитися». Но в борьбе боярских партий по смерти Василия III Захарьины роли не играли. Их звезда взошла высоко с того момента, когда юный царь Иван Васильевич «смыслил жениться и выбрал себе невесту, дочь окольного своего Романа Юрьевича — Анаста-

сию». Роман Захарьин, вероятно, умер в молодых годах, так как не успел достигнуть боярского звания. Эта женитьба царская — 3 февраля 1547 г. — выдвигала семью Захарьиных вне местнических счетов, возвышала нетитулованный род в первые ряды боярства. Среди княжат она вызвала тревогу и недовольство. С другой стороны, Захарьины не примкнули к правительственному кругу «избранной рады», который образовался около царского духовника прот. Сильвестра и А. Ф. Адашева. Влиятельные лица московского двора почуяли в них опасных соперников, за которыми может оказаться будущее. Эта вражда к Захарьиным вскрылась в той смуте, какую царский дворец пережил в 1553 г. Царь Иван так тяжело заболел, «яко многим чаяти, концу приближися». Больной распорядился составлением духовной и повелел привести бояр к крестному целованию на имя царевича Дмитрия, родившегося во время возвращения царя из казанского похода. Бояре ближние, в том числе Захарьины, присягнули беспрекословно, но когда царь созвал «бояр своих всех», раздались возражения: «сын твой еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным, Данилу с братьею». Бояре совещались между собой и с двоюродным братом царя Ивана, кн. Владимиром Андреевичем: «только нам служить царевичу Дмитрею, ино нами владети Захарьиным, ино лучше служить князю Владимиру Андреевичу». Так толковали они и перед больным царем, уступив только его резкому настоянию. Царь выздоровел, но пережитое оставило в нем тяжелые следы. Прошло несколько месяцев, и в деле о попытке князя Семена Лобанова-Ростовского с сыном бежать в Литву картина боярского настроения раскрылась еще полнее. Из показаний князя Семена выяснилось, что ропот в боярской среде возник еще по поводу женитьбы царской. Бояре-княжата жаловались, что царь теснит великие роды, а приближает к себе «молодых» людей: «да и тем, —

говорил кн. Ростовский,— нас истеснил, что женился — у боярина у своего дочьь взял, робу свою, и нам как служити своей сестре?» «И от того времени,— говорит запись современника в летописи,— бысть вражда промеж государя и людей, а в боярах смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость»; оглядываясь назад, московские люди связывали с дворцовой смутой 1553 г. тяжелые дни «эпохи казней». Смысл этой розни, несомненно, выходил за пределы простой дворцовой интриги, и бояре едва ли связывали с именем Захарьиных только представление о нежелательном регентстве, в случае малолетства преемника царя Ивана: в их влиянии противники видели причину постепенного и все нараставшего расхождения Грозного с «избранной радой» по ряду вопросов внешней и внутренней политики. Первым «непослушанием синклитского совета» было решение царя вернуться, согласно мнению шурьев своих, Данила и Никиты Романовичей Юрьевых, по взятии Казани в Москву, тогда как другие советники настаивали на продолжении завоевания Поволжья. Еще острее стали разногласия после взятия Астрахани. «Избранная рада» настаивала на большом крымском походе, всеми силами московскими, с царем во главе. Но те же близкие Ивану люди стали против такого плана, и снова их советы получили перевес. В борьбе с татарским миром над неисполнимой мечтой покончить одним ударом взяла верх иная система: организация укрепленной границы, сторожевых линий и засек, постепенно подвигаемой все дальше и дальше в глубь незамиренного края, по мере развития русской колонизации в бассейнах Волги и Дона.

И в этой сложной систематической работе над расширением и обороной государственной территории руководящую роль играл Никита Романович Юрьев-Захарьин. Менее ясно его отношение к внутренней поли-

тике Грозного за вторую половину царствования. В кровавые времена опричнины Никита Романович не вошел в состав опричного двора, остался боярином земским, не запятнал себя в разгуле преступной жестокости и безудержного произвола. Народная память в исторических песнях о Грозном царе выделила из всего боярства именно Никиту Захарьина, как защитника страдавших от царской опалы и противника Малюты Скуратова. Однако он сохранил расположение Грозного и влияние на дела до конца дней и правления царя Ивана. Боярин Никита стоял в центре той группы правительственных дельцов, с которыми царь осуществлял свою программу уничтожения политического значения крупного землевладения и традиционных привилегий бояр-княжат, объединения всех служилых сил и платежных средств страны в распоряжении центральной власти, единой и самодержавной. И когда по смерти царя Ивана власть перешла к Федору, неспособному править государством, Н. Р. Юрьев-Захарьин и по родству и по положению оказался главою фактического регентства. Но уже к осени того же 1584 г. болезнь его сломила, а в апреле следующего — он умер. Правительственная среда, объединенная его бесспорным первенством, раскололась на враждебные кружки. Шуйские, связанные с Никитой Романовичем свойством, при нем, видимо, держались на втором плане; теперь они потянули к своей братье, княжатам, ища опоры против возвышения Годунова. К Годунову, правой руке Никиты Захарьина и царскому шурину, перешло правительственное первенство. По преданию, ему Захарьин завещал «соблюдение» своих детей, пяти братьев Никитичей Романовых, связав их клятвенным союзом дружбы. Никитичи были еще молоды, ни один из них не носил боярского сана; этим устранялось их соперничество с Годуновым, и проявлений розни между ними не видим за все царствование Федора. Но посте-

пенно Никитичи Романовы вошли в силу. Старший, Федор, отличался среди них даровитостью и энергией. Смолоду он приобщился к популярности отца. Молодого боярина — щеголя, приветливого и радушного, в Москве хорошо знали. Но не такой известности нужно было Федору. Большое честолюбие, политический темперамент и неукротимая энергия влекли его к видной государственной роли. С 1587 г. Федор Никитич стал боярином, старшим в своей большой семье, к которой тянуло, по родству и свойству, немало других боярских фамилий. Родство с царским домом, богатство и широкие связи, семейная традиция влияния и власти, — все сулило боярину быстрое возвышение. Немудрено, что по мере укрепления позиции правителя Годунова нарастало чувство недовольства и недоверия, колебавшее прежний «союз дружбы» и разразившееся по смерти царя Федора прямой борьбой за престол угасшей династии. По Москве ходили слухи, что царь Федор завещал престол двоюродному брату своему Романову, что Годунов связан клятвой, данной отцу Никитичей, быть их «царствию помогателем». На избирательном соборе 1598 г. у Федора была своя партия, как и во дворце. Но соперник стал царем по «единодушному» избранию собора. Федор Никитич не смирился. Разрыв с Годуновым был полный. Рассказывали о резких сценах между ними, причем Романов будто даже с ножом на Бориса кидался. Его сторонники не сдерживались в приемах агитации; из их среды поднялись обвинения против Бориса — в убиении царевича Дмитрия и царевны Феодосии, в отравлении самого царя Федора. В Романовском круге возникла мысль противопоставить Годунову Симеона Бекбулатовича, будто имевшего право на престол по своей роли «государя московского» в эпоху опричнины; тут же, в горячке избирательной борьбы, мелькнула впервые мысль о самозванце — Дмитрии, правда, еще в

форме обвинения Бориса в такой затее, на случай неудачи. Но помешать избранию Годунова не удалось. И царь Борис, на первых порах, ищет примирения с Романовыми. При венчании на царство он велел «сказать боярство» двум Никитичам, Александру и Михаилу, и их родне, князьям Черкасскому и Катыреву-Ростовскому. Но глухая вражда и взаимное недоверие остались в силе. Романовы и их друзья окружены шпионами и доносчиками. По доносу их человека, второго Бартенева, и разразилась над ними опала в 1601 г. Гласно обвинили их в волшебстве, будто за какое-то «коренье», найденное у Александра Никитича. Но суровость расправы показывает, что дело было политическое. Романовых схватили, допрашивали, даже к пытке водили, хотя и не пытали. Розыск тянулся добрых полгода и захватил ряд боярских семей, связанных с обвиняемыми родством и дружбой. Все пять Никитичей с семьями и кое-кто из их родни разосланы были в ссылку. На истинный смысл всего дела указывает дошедшее до нас упоминание одного из приставов, стерегших Романовых в ссылке, что они «злодеи, изменники, хотели царство достать ведовством и кореньем». Федора Никитича сослали в Антониев-Сийский монастырь и там насильно постригли, под именем Филарета. Но и этот испытанный способ устранять неудобных людей с политического поприща в данном случае не достиг цели. Монашеский клубок не укротил Федора-Филарета. Из Москвы внимательно следили за ссыльными, приказывая приставам «береженье держать большое, чтобы им нужды ни в чем отнюдь никакой не было и жили бы и ходили бы свободны», но, в то же время, постоянно доносить об их поведении. Первое время инок Филарет сильно тосковал, но к 1605 г. его настроение круто изменилось, и пристав доносил с недоумением: «живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское

житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил, а к старцам жесток, лаает их и бить хочет, а говорит старцам Филарет старец: увидят они, каков он вперед будет!»

Это было время, когда шла борьба царя Бориса с самозванцем. Годунов обвинял бояр, что появление самозванца «их рук дело» и, объявляя его Гришкой Отрепьевым, указывал, что тот «жил у Романовых во дворе»; и позднее царь Василий Шуйский пояснял польскому правительству, что самозванец был Отрепьев, который прежде «был в холопех у бояр, у Никитиных детей Романовича». Сопоставление этих заявлений с обстоятельствами ссылки Романовых дает основание предполагать прямую связь между боярской интригой против Бориса и появлением самозванца.

Царь Борис, видимо, не ошибся. А он знал, кого обвиняет, потому что не колебался доверить борьбу с самозванцем боярам-княжатам Шуйским, Голицыным, Мстиславскому, соперникам Романовского круга. Но если враги Годунова думали найти в самозванце только орудие его низвержения, то на первых порах жестоко ошиблись. Неожиданная кончина царя Бориса и смута в войсках привели к воцарению Лжедмитрия. Разбитая опалами Годунова, придворная знать лишь постепенно стала оправляться при новом царе. Филарет возвращен из ссылки, но не занял видного положения в Москве, а был назначен на митрополию в Ростов: брат его Иван, единственный из братьев, переживший ссылку, стал боярином. При дворе царя Дмитрия влияние досталось новым людям, и это сблизило против него прежних недругов. Родовитое боярство поспешило свергнуть самозванца; Романовы и их друзья поддерживали заговор, но не руководили им. Союз двух кругов московского боярства не мог быть прочным: инициаторы заговора прочили на престол одного из своих, а в то же время по

Москве пошли слухи, записанные иноземцами, что власть перейдет к одному из Романовых.

Царем стал Василий Шуйский. И он пытается примирить партию Романовых с своим воцарением, наметив Филарета на патриарший престол. Бояре в переговорах с польскими послами уже называли Филарета патриархом. Нареченный, но еще не поставленный, Филарет, тотчас по воцарении Шуйского, послан был в Углич для перенесения в Москву мощей царевича Дмитрия. В его отсутствие в Москве разыгрались какие-то уличные беспорядки, направленные против нового царя и возбужденные «подметными листами», в которых говорилось о спасении Дмитрия. Польские послы записали слух, что эти листы приписывали Филарету, которого де за это и низложили с патриаршества. Дело это темное, известия о нем сбивчивы, но несомненно, что в конце мая 1606 г. лиц Романовского круга постигла опала, а Филарет вернулся из Углича, не выполнив поручения, на свою Ростовскую митрополию. Тут он и живет до октября 1608 г., как «верный богомолец» царя Василия. В октябре 1608 г. отряды Тушинского вора взяли Ростов, потому что тут «жили просто, совету и обереганья не было», и увезли Филарета в Тушино. Здесь пленника встретили с почетом, дорожа им для роли «нареченного патриарха московского» при тушинском царьке. Известия о положении Филарета в Тушине противоречивы. По одним — он жил тут «не своею волею» и его «блюли всегда крепкими сторожами»; по другим — он добровольно играл роль главы того духовенства, которое «вора» признало царем Дмитрием. И последнее лучше согласуется с дальнейшими событиями. Все, кто был враждебен Шуйскому, видели во втором самозванце орудие против него. Ив. Ник. Романов, князя Катырев и Троекуров, женатые на Романовых, кн. Трубецкой — подверглись опале за то, что чуть было не увлекли войска на его сто-

рону. А потом Троекуровы, Трубецкой, Черкасский и др. лица Романовского круга собираются в Тушине вокруг Филарета. Когда же Тушино распалось, то в его «станах» осталась группа русских людей, с Филаретом во главе, которая порешила к царю Василию не ехать, Шуйских и иных бояр на государство не хотеть и завела переговоры с королем Сигизмундом об избрании на московский престол королевича Владислава. Филарет в сношениях с королем продолжает титуловать себя патриархом. Проект выработанных ими условий воцарения Владислава показывает, что составляли его сторонники того порядка, который создан при Грозном и Годунове, был выгоден служилой знати и служилым людям вообще и вызывал вражду родовитых князей, сторонников Шуйского. В то же время они устанавливали прочные гарантии независимости русской государственной жизни, православной церкви и национального быта. На попытку Сигизмунда склонить их под свою власть, тушинские политики ответили, что все дело не может быть решено без «совета всей земли», а Филарет, поехавший было к королю, был «отполонен» у поляков и вернулся в Москву. Здесь его приняли с честью, и он, сохраняя Ростовскую митрополию, остался жить в столице. О личном его участии в низложении царя Василия известий нет, но там действовали близкие ему люди. После падения Шуйского выдвинулись две кандидатуры на престол: князя В. В. Голицына и Мих. Фед. Романова, за которого стояли большинство горожан московских и сам патр. Гермоген. Но опасное положение Москвы, теснимой с одной стороны шайками самозванца, снова подступившего к столице, а с другой — польским войском гетмана Жолкевского, заставило бояр впустить в Москву польские войска и пригнать Владиславу на условиях несколько измененного тушинского договора. Жолкевский, однако, понимал, что русские претенденты на престол опасны для поль-

ской политики, и принял против них меры. Кн. В. В. Голицына он убедил стать во главе посольства к королю, а так как Михаил Романов был слишком юн для роли посла, то гетман постарался, чтобы послом назначили его отца, митр. Филарета. В сентябре 1610 г. «великое посольство» отправилось под Смоленск, в польский лагерь. Оно ехало за утверждением договора об избрании Владислава от того «совета всей земли», какой бояре устроили для присяги королевичу из имевшихся на Москве представителей «всех чинов Московского государства». И посольство сознавало себя уполномоченным «всею землею», не признавая над собой власти Боярской думы. Это придало «великим послам» особый вес и значение. Московский собор распался, и снова не стало власти, которая могла бы руководить делами с должным авторитетом. В столице стали распорядиться люди, предавшиеся Сигизмунду. Распалось и само посольство с изменой многих его членов, вернувшихся в Москву слугами короля. Но «великие послы», митр. Филарет и кн. В. В. Голицын, твердо стояли на условиях, утвержденных «всею землею», и отрицали возможность каких-либо изменений по произволу лиц и партий. После бурных перипетий прежних годов, когда Филарет вел честолюбивую борьбу за власть, он в 1610 г., при встрече с национальной опасностью, выступил непреклонным защитником независимости и неприкосновенности русской земли. Его имя стало в московском общественном мнении рядом с именем патр. Гермогена, как последних борцов против политического и национального порабощения родины. А ссылка за «твердое стояние» и долгий плен в Мальборгском замке окружили это имя еще большей популярностью.

Эпилог «московской трагедии» разыгрался без участия Филарета. Но семена, посеянные им и в Москве и в Тушине, взошли и без него. Земщина, поднявшись на

Царь Михаил Федорович

защиту государства, не искала царя вне той среды, которая сама сложилась в процессе его строения при старой династии и являлась естественной носителем традиций этого строительства. Отец Филарета почти столетия стоял близко к центру всей государственной работы и занял в нем руководящее положение. Всю жизнь боролся его сын за сохранение этого значения себе, объединяя вокруг себя разбитые налетевшими бурями элементы мос-

ковской правительственной среды. Злая судьба подвела его под монашеский клобук, но это не лишило его большой политической роли. Путь к престолу, который при новых условиях не минул бы Федора Никитича, был закрыт пострижением. Но выдвинулась кандидатура его сына, окрепла и осуществилась. Личность Михаила рисуется в исторической традиции крайне туманными, неопределенными чертами. Взоры искателей царя остановились на нем, конечно, не ради него самого. В годину избрания ему было всего 16 лет, и заявить себя он ничем не мог. Но и позднее, в течение всего продолжительного царствования, облик Михаила остается бледным. По-видимому, крутая энергия родителей, как это часто бывает, наложила печать мягкой пассивности на его натуру; не

выходил он до конца из их воли, а «властительного» отца боялся почтительным страхом. К тому же здоровье, по-видимому, часто ему изменяло: ходьба и езда утомляли, а «от многого сиденья» ослабевал весь организм. Ряд неудач и несчастий — разгром семьи с пострижением отца и матери, потрясающие впечатления кремлевской осады, злополучные перипетии первой попытки вступить в брак, ранняя смерть первой жены, смерть двух сыновей угнетали слабую натуру, и в последние годы жизни Михаила слышим об удручающей его «меланхолии, сиречь кручине». Избран был Михаил и царствовал, как представитель определенного правительственного круга, какой образовался при нем и правил его именем. С отцом будущий царь был разделен рано и надолго. В 1601 г., одновременно с Федором-Филаретом, пострижена была и сослана в Заонежье его жена Ксения Ивановна Шестова, а пятилетний Михаил разделял белозерскую ссылку кн. Черкасского, женатого на сестре Федора Никитича. Освобождение вернуло его матери. При ней он живет в Москве до конца осады Кремля ополчением кн. Пожарского, а потом с нею удалился в костромской Ипатьевский монастырь. Опека и руководство матери имели большое значение в жизни Михаила до того момента, когда ему в 1619 г. удалось «батюшку своего из Литвы к Москве здраво выручить». Ксения Шестова, из небогатой семьи костромских дворян, в иночестве Марфа — стала, по избрании сына на престол, «великой старицей» и приобрела, на первых порах, большое влияние на дела сына-царя и личный состав нового правительства. За нею стоял «род» ее, прежде всего родственные ей Салтыковы и другие «ближние» люди Романовых. Собор, избравший Михаила, не имел точных сведений о том, где он находится. Соборное посольство отправилось в Ярославль и тут узнало, где искать царя. Мать и сын встретили соборное челобитье

«с великим гневом и с плачем» и представили ряд возражений: страна разорена, государю «служилых людей жаловати и свои государевы обиходы полнити и против своих недругов стоять» будет нечем, русские люди «измалодушествовались» и, «дав свои души» прежним государям, изменяли им и доводили их до гибели; положение таково, что и «прирожденному» государю быть на таких великих государствах в общей разрухе было бы трудно, а теперь иноке Марфе благословить сына на царство значило бы отдать его «лише на погубление», да и нельзя ему занять престол без отцовского благословения, а отец в плену, и воцарение сына может вызвать польского короля на месть Филарету. Переговоры с посольством показывают, что в Ипатьевском монастыре хорошо обдумали создавшееся положение и уступили только настойчивым обещаниям послов, что «Московского государства всяких чинов люди ему, государю, учнут служить и прямити во всем», что они «наказалися все и пришли в соединение во всех городах» и готовы на крайние усилия и жертвы за государство и христиан-

скую веру. Послы возлагали на Марфу и ее сына ответственность перед Богом, если их отказ снова приведет государство в конечное разорение и возродит только что побежденную Смуту. Общий ход переговоров определил и дальнейшие отношения между молодым царем и земским собором. Царь требовал, чтобы собор передал ему землю успокоенной и государственные средства восста-

Марина Мнишек

новленными. Борьба с ближайшими последствиями Смуты — разорением, развитием грабежей и насилий, хозяйничаньем в центральных областях и на окраинах казацких и польских шаек, наконец, работа над восстановлением государственного порядка и обеспечением государственной территории — требовала чрезвычайных усилий. Их новое правительство требовало от земли через ее представительство — земский собор, постепенно, в то же время, организуясь для своего «государева дела».

Внешним образом в центре нового правительства стояла государыня-старица Марфа. У современников получилось впечатление, что, пока у юного царя «не было столько разума, еже управлять землею», а отец его оставался в плену, правила, «поддержая царство со своим родом», именно она. У нас нет основания повторить этот отзыв. Роль царской матери при Михаиле не идет в сравнение, например, со значением царицы Ирины при Федоре Ивановиче. Старица Марфа была сильна дворцовым влиянием и поддерживала высокое положение своих близких, не чуждаясь их интриг и происков, но дела государственные были ей не по плечу. В деле женитьбы сына, столь важном для укрепления династии, Марфа поддерживала свою родню, заботившуюся о том, чтобы новое свойство их не оттеснило. В 1616 г. избранная в царские невесты Мар. Ив. Хлопова была Салтыковыми невинно объявлена неизлечимо больной и сослана с родными в Тобольск. Филарет, вернувшись в Москву, выяснил это дело, и Салтыковых постигла опала, но Марфа все-таки не допустила брака, и участь Хлоповой была только улучшена. Царь женился на княжне Марье Владимировне Долгорукой, но она в тот же год умерла «испорченной», по утверждению современников. А еще раз выступает имя государыни-старицы в темном деле архим. Дионисия, осужденного за «еретическое» исправ-

ление нелепой добавки слов «и огнем» в молитве водосвящения: допрос происходил в келье у Марфы, — допрос, возмутительный по издевательству над видным деятелем церкви и вымогательству с него денег, но великая старица верила своим людям и дела их одобряла. Немудрено, что время до возвращения Филарета осталось в памяти русских людей, как «безгосударное». У нового правительства не было дельного главы. Только «великий государь», святейший патриарх Филарет Никитич, явился организатором его силы¹.

III. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

1. Власть и управление

Избраением царя Михаила восстановлена на Москве верховная власть в привычной форме царского единодержавия. Защитники его кандидатуры на земском соборе говорили о нем, как о «природном царе»; в официальных документах и общественных толках объясняли избрание его происхождением от «царского благородного корени», как «сродича-племянника» царю Федору Ивановичу. Говорили, что избрание сталося не человеческой, но Божьей волей, что милосердый Господь «послал свой Святый Дух в сердца всех православ-

¹ А. П. Барсуков «Род Шереметевых», т. I; С. Ф. Платонов «Очерки» и «Московское правительство при первых Романовых»; «Люди смутного времени», сборник статей, под ред. А. Е. Преснякова, СПб., 1905.

ных христиан всего великого Российского царствия от мала и до велика, не токмо в мужественном возрасте, но и до сущих младенец», и тем объясняли единодушные избрания, после стольких лет борьбы и разлада. Так приспособлялись старые понятия «богоустановленности» и «прирожденности» власти к новому политическому факту. Несомненно, что новая власть мыслилась, как восстановленная царская власть прежних государей всея Руси. Но восстановлена она была «всею землею», пришедшей «в совет и соединенье». Династия народного избранника получала Московское государство, как единое национальное целое, а не сумму земель-княжений, вотчин великокняжеских. И понятие семейного владения, доли которого могли идти в «удел» членам владетельного дома, окончательно умерло с последним Даниловичем. Романовы не будут наделять младших членов фамилии хотя бы ничтожными частями территории, как делал еще Грозный, назначая в своем завещании удел сыну Федору или Дмитрию — Углич. При Романовых нет надобности в подробных духовных грамотах для определения судьбы государства по смерти правящего царя; нужно лишь определение личности наследника или порядка преемства на престоле. Идея национального государства освободилась от вотчинно-владельческой формы, в которой постепенно окрепла при Даниловичах. «Дело государево» становится «делом земским», которое от Бога поручено наследственному носителю власти.

Царь Михаил принял эту власть в момент, когда ее органы были разбиты событиями последних лет. Боярской думы не существовало. Вместо нее во главе дел управления стоял совет ополчения, с князьями Трубецким и Пожарским во главе. Соорганизовавшись еще в Ярославле, этот совет взял на себя все функции государственной власти, завязал сношения с иностранными

державами, распорядился делами внутреннего управления. По освобождении Москвы и по избрании царя он, опираясь на земский собор, сохранил значение временного правительства. Собор, преследуя задачу умиротворения страны, примирился с боярами, слишком долго державшимися польского лагеря, но «кн. Мстиславский с товарищами» остались вне заведования делами, пока не выяснились отношения между ними и царем. На первых порах царь обращает свои требования и веления к земскому собору. Но с начала апреля 1813 г. его указы идут к «боярам нашим, князю Ф. И. Мстиславскому с товарищами». Бояре, запятнанные в мнении широких общественных кругов изменой, вернулись к власти и стали во главе воскресшей Боярской думы. Дело примирения, начатое земским собором, завершилось царской амнистией. Мы не знаем, в какой произошла она форме. Но можно предполагать, что царь обещал боярам не карать их опалами за прежнее и держать их в чести и достоинстве. По крайней мере, на такое предположение наводят смутные толки о какой-то «записи», взятой боярами с царя, близкой по содержанию к той, на которой некогда крест целовал царь Василий Шуйский, и сулившей боярам, что государь не будет их казнить, «аще и вина будет преступлению их». Эти толки вызвали много споров в нашей исторической литературе по вопросу об «ограничении» власти царя Михаила; но ни условия, в каких находилось боярство при воцарении Михаила, ни характер источников, сообщающих о «записи», не дают повода признать даже попытку такого важного политического новшества.

Примирение с боярами было естественным моментом политики «совета и соединения». Новое правительство сложилось вообще из личного состава, какой казался пригодным, без счетов с его политическим прошлым.

Царь, вступив в управление, нашел центральную администрацию приказов уже восстановленной. Она образовалась из уцелевших в Москве обломков старых приказов и новых, устроенных для ведения текущих дел при ополчении. На работу в ней сошлись приказные дельцы, служившие прежде разным господам в Москве и в Тушине. В то же время при дворе царском слагался свой правительственный кружок из родни и близких людей молодого царя и его семьи. Давние и широкие связи боярского дома Романовых давали возможность ввести в администрацию, на разных ее степенях, своих, доверенных людей. И еще во время «государева похода» из Костромы к Москве последовал ряд назначений на должности, имевших именно этот смысл. Свойство, родство и простая «близость» к царствующему дому больше, чем когда-либо, стали источником придворной и служебной карьеры. Развеянное погромами Грозного и Смутой старое боярство быстро заменялось новой знатью, иного типа и происхождения. А под ее верховодством постепенно и с трудом восстанавливалась деятельность приказного управления.

Руководители молодого царя понимали всю трудность принятой на себя задачи. Неторопливый, с долгими стоянками поход государя к Москве дал возможность оглядеться и подробнее рассмотреть положение государства. К царю со всех сторон стекались жалобы и доносы о грабежах, насилиях и разорении от бродивших повсюду воровских шаек; не говоря уже об окраинах, центральные и северные области страдали от хищных набегов казаков и «литовских людей», незамиренных ликвидацией сил второго самозванца; напротив, эти шайки, в последней судороге разрухи, хлынули из разоренных местностей туда, где больше оставалось «пожитков» и добычи, проникая под самую Москву и все дальше к северу. Шли к царю служилые люди, стрельцы

и казаки бить челом о жалованье, потому что им ни служить, ни жить не с чего. Москва оказывалась часто отрезанной от подвоза, и в столице всяких запасов была большая скудость. Дворцовые земли и черные волости — разорены, расхищены и розданы в частные руки: денег и хлеба собирать не с кого. Видя все это, царь с пути пишет собору с большими укоризнами: «вы де нам били челом и говорили ложно всего Московского государства ото всех чинов людей, что всякие люди перестали ото всякого дурна и учинились в соединенье, и междуусобная кровь крестьянская перестала литься»; царь требовал, чтобы собор изыскал средства для восстановления безопасности и порядка, «чтоб на Москве и по городам и по дорогам никому ни от кого грабежей и убивства не было»; требовал «полного приговора» о способах содержания военной силы и всяких служебных людей. Царь ожидал от земского собора восстановления государственных средств и порядка, чтобы принять государство в свое управление. Руководители собора делали, что могли, но всем собором били государю челом, чтобы он сам «шел к Москве вскоре»; в нем видели тот необходимый центр, вокруг которого сложится правильная государственная работа. Не прошло двух месяцев со дня избрания, и соборное правительство уступило место царской думе, а земский собор стал распадаться; отдельные элементы его потянулись к царю и, прежде всего, московские служилые люди — стольники, стряпчие, дворяне большие, а за ними весь «из городов выбор» дворянский уже в апреле собрались при государе; иные и по деревням разъехались. Постепенно, ряд дел — назначение воевод, раздача поместий и др. начинает вершить государь в походе. Царское правительство вступало в управление, по прибытии его в столицу, 2 мая и, особенно, после царского венчания, которое состоялось 11 июля, обычный порядок казался восстановленным. Однако крайняя

трудность положения вызывала на чрезвычайные меры и чрезвычайные приемы действия. Значительны были внешние опасности и бедствия. На западных границах шли военные действия. Новгород Великий был в шведских, Смоленск и Северщина в польских руках. Королевич Владислав продолжал титуловаться московским царем, и польское правительство не желало признать Михаила Романова. Надо было готовиться к борьбе за русские области и за свое международное положение, надо было создать силу для самозащиты и наступления. Но всякая органическая работа была до крайности затруднена внутренним состоянием страны. Заруцкий с казаками, Мариной Мнишек и ее сыном от второго самозванца, Иваном, ушел к югу. Из Москвы против него послали воеводу, кн. Одоевского, но Заруцкий, грабя по пути, ушел в Астрахань и засел там, собирая к себе «вольных казаков» и подымая на Москву волжских казаков, донцов, инородцев. Татары заволжские, ногаи, черемисы волновались и грабили русские области. Много казацких отрядов бродило по внутренним областям государства, а с ними и без них насильничали «воры, боярские люди и всякие безыменные люди». «Литовские люди» и казаки украинские кружили по стране, громя села и города, особенно отряд Лисовского. При попытке правительства восстановить сбор податей «чинились сильны» жители городов и уездов, и приходилось — иной раз — признать, что навыки Смуты сказывались в поведении сборщиков, которые грабили и притесняли население. Экономический кризис, начавшийся в последние десятилетия XVI в., усиленный Смутой, теперь, после ее политического завершения, все больше нарастает в разоренной стране.

Исследователи истории экономического быта указывают на исход второго десятилетия XVII в. как на момент наибольшего упадка хозяйственного благососто-

нения центральных областей Московского государства. Казна была пуста, а хлебных и денежных запасов собирать было не с кого. Нужны были чрезвычайные усилия, чтобы одновременно восстанавливать порядок и безопасность в стране и создавать средства, необходимые для этой работы.

Государственная власть могла найти выход только в поддержке объединенных общественных сил, которые ее создали в национальном подъеме. Новое правительство не владело налаженным административным механизмом для управления делами в столь тяжкие времена и не было уверено в своем авторитете, который еще предстояло утвердить. Дело земского собора представлялось еще далеко не законченным. Его авторитет был необходим для воздействия на массу населения. Его осведомленность и опыт должны были указать пути разрешения насущных очередных задач, непосильных для неокрепшей еще власти. Правительство царя Михаила ищет опоры в земском соборе для одоления последних отголосков и ближайших последствий Смуты. Под его знаменем должно быть доведено до конца замирение страны, объединение ее разрознившихся элементов, подавление всех явлений, враждебных мирному порядку. Его влиянием необходимо было поддержать и использовать поднявшуюся в народной массе готовность на чрезвычайные личные и имущественные жертвы ради защиты национальной независимости, общественной безопасности и законного порядка. И земский собор остается при царе около двух лет, а затем новые созывы «всех чинов Московского государства» следуют в столь краткие промежутки и столь, по-видимому, длительна их деятельность, что проф. С. Ф. Платонов считает возможным говорить о непрерывном сотрудничестве земского собора с царскою властью в первое десятилетие царствования Михаила Федоровича и сравнивать эту устойчивую

роль выборных людей при центральной власти с годованьем по трехлетиям дворянского «из городов выбора» в XVI в.

В первое время нового царствования собор — теперь вместе с царем — продолжает дело умиротворения. Посольства и грамоты от всех чинов призывают казаков и всех от «воровства» не отставших покинуть злые дела, служить земле и государю; всех, кто «придет в чувство», ожидало полное прощенье, принятие в службу, жалованье по службе; крепостным людям за отказ от «воровства» сулилась свобода. Призывы эти имели свое влияние, разлагая силы беспокойных врагов порядка. Соборные воззвания, подкрепленные посылкой милостивых грамот, денежного и иного жалованья от царя, укрепляли в верности Москве волжских и донских казаков: самому Заруцкому обещано прощенье, если он отступится от «Сендомирской дочери Маринки». Где уговоры не помогали, наряжалась военная сила. Царские воеводы преследовали и разгоняли воровские отряды, ведя упорную и нелегкую борьбу. В то же время само население продолжало дело местной самообороны, — строило укрепления, нанимало стрельцов, «берегучи свои головы», снабжало военную силу по городам денежным и хлебным жалованьем. Правительство лишь отчасти принимало расходы по местной обороне на себя, предоставляя ее в большей части энергии и самообложению населения. Работа над земским делом продолжалась земскими силами и постепенно, в несколько лет, ценою изнурительных, крупных жертв достигла завершения. Главный внутренний враг, Заруцкий, был сломлен также тягой местных сил к восстановлению земского мира. На него поднялись астраханцы, а доби́ли его «терские люди», всем миром с своим воеводою пославшие с Терека на него стрелецкого голову с военной силой. Выбитый из Астрахани Заруцкий потерял значение и был выдан

властям с Мариной и ее сыном; атамана ожидало посажение на кол, несчастного «Воренка» — петля, Марину — скорый конец бурной жизни в коломенской темнице. Подавление внутренней смуты велось при деятельном участии земского собора, на обсуждение которого царь ставил все вести о состоянии страны и, по-видимому, неизменно следовал «соборным приговорам». Постепенно успех в этом деле развязывал руки для более органической правительственной работы. С первых дней нового царствования встала на очередь жгучая забота о восстановлении финансовых средств власти. Этот вопрос был поставлен со всею настоятельностью и в переговорах с соборным посольством, принесшим избрание молодому царю, и в переписке царя с собором из похода к столице. В этом деле царское правительство также не могло обойтись без земского собора; приходилось немедленно изыскивать новые приемы и новые источники сбора необходимых средств для дела государева и земского. Земский собор поначалу применил ту практику, которая обеспечила расходы нижегородского ополчения в 1611—1612 гг.: сбор добровольных пожертвований, переходивший, по мирскому приговору, в принудительный заем из доли «животов и промыслов».

Попытки возобновить поступление старых обычных платежей, взыскивая их и за прошлые годы, были безнадежны; бурная година Смуты развеяла приказные книги и документы, и часто бывшие оклады оказывались вовсе неизвестными; да и применение их на деле стало невозможным, так как слишком изменилась в событиях последних лет хозяйственная действительность. А средства требовались бóльшие, чем когда-либо: надвинулась потребность финансового творчества или хотя бы, на первых порах, находчивости, успех которой в значительной мере зависел от готовности населения нести государственную тяготу. Земское настроение, повинуюсь

сборному призыву, должно было сдвинуть казну с финансовой мели. Одним из первых совместных действий царя и собора была рассылка грамот к торговым людям о взятии сполна денежных доходов за прошлые годы и за нынешний год, по книгам и описям, и с просьбой «помочь, не огорчаясь», ратным людям займом денег и хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров; «хотя теперь и промыслов убавьте,— читаем в грамоте к Строгановым,— а ратным людям жалованье дайте, сколько можете»: временное умаление не дохода только, а капитала, вложенного в дело, не должно было останавливать торговых людей, ибо если они теперь себя пожалеют, то доведут страну и себя до нового «конечного разоренья» и «именья своего всего отбудут». От займов по доброй воле правительство в следующем году «по всей земли приговору» переходит к первому назначению «пятой деньги» с торговых людей, обещая одним — уплатить взятое, когда будет возможно, другим — зачесть в недоимку или будущие платежи. В том же 1614 г. власть настолько поустроилась, что могла назначить два прямых налога и, видимо, без участия собора: сбор хлебных запасов и денег за них на жалованье ратным людям, а в начале 1615 г.— сбор даточных людей на усиление войска. Они совпали с принудительным займом пятины по приговору собора, причем полагалось брать ее, судя по позднейшим пятинам, со всех, не исключая «тарханщиков и льготчиков», освобожденных от тягла. Таковы были первые шаги к восстановлению правительственных средств. К тому же времени хоть несколько наладилось собирание обычных старых налогов. Но этим нужда была покрыта недостаточно. В 1615 г. новое назначение «пятинных денег», причем нет указаний, что оно произошло при участии земского собора: в эту пору его на Москве и не было; притом с пятиной высших слоев торгово-промышленного люда соединен сбор посошной

подати с крестьян и подворной — с мелких посадских людей. Еще через год решили превратить пятину в чрезвычайный налог со всего населения, устранив из нее черты займа. Но для этого шага правительство снова прибегло к земскому собору. Соборный приговор постановил собрать по определенным окладам — сошные деньги на посадах и в уездах со всяких людей, а, кроме того, «пятую деньгу» с тех, «кто сверх своих пашен торгуют». Этот налог, как и позднейшие чрезвычайные (запросные) сборы, сохраняя название пятины, далеко отошел от первоначального типа, приближаясь все более к обычной московской системе. Исходным пунктом его исчисления служила необходимая для правительства сумма, которую земский собор распределял между отдельными городами, устанавливая для каждого определенный оклад. Вместе с характером займа отпал постепенно и долевым порядок исчисления, но оклады устанавливались применительно к результатам сборов предыдущих пятинных денег, а не по сошному письму.

История пятинных денег¹ наглядно выясняет значение участия земских соборов в делах правления. Их авторитет был нужен, чтобы укрепить в населении готовность на чрезвычайные жертвы, тем более что определение размера пятинного сбора было невозможно без сколько-нибудь добросовестного участия самих плательщиков. Но та же история показывает, как постепенно это участие теряет свою настоятельность, превращаясь в техническое удобство. Опыт первых сборов дал нормы окладов, которые и установить и ввести в дело можно было и без собора, тем более что и сбор, переданный было самому населению с устранением воевод, вскоре вернулся в руки этих последних. В 1618 г. наступление

¹ См. С. Б. Веселовского «Семь сборов запросных и пятинных денег». М., 1909 г.

Владислава на Москву внушало опасения, что может ожить недавно побежденная «измена»; царь Михаил обратился к земскому собору с воззванием, чтобы люди всех чинов Московского государства стояли за веру и за царя, «а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались». По городам от собора разосланы были грамоты ко всему населению с сообщением, что распоряжок военных действий против врага установлен государем на соборе, и призывом к усердной службе и радению, чтобы Московскому государству помощь учинить: служилые должны быть сами готовы к походу, следить за исправностью друг друга и за сбором даточных людей без укрывательства, а духовенство, торговые и посадские люди дать «в займы денег и в запрос, сколько кому дать доведется». В тяжкую годину для «государева дела» недостаточно было простого исполнения долга; нужен добровольный подъем усердия к «делу земскому» и готовности нести жертвы ради него: авторитет земского собора должен поднять настроение общества, в котором, чего доброго, не совсем еще исчезли отголоски былого «шатания».

Все, что мы знаем о деятельности земских соборов в первые годы царя Михаила, выдвигает на первый план их значение как морального общественного авторитета, поддерживавшего еще неокрепшую правительственную власть. Наряду с этим личный состав собора оказывал власти ценные услуги своей осведомленностью, знанием положения дел в стране, в разных ее областях, советами по различным отраслям «государева и земского дела». Не всегда вопросы, требовавшие обсуждения, обращались государем ко всему земскому собору. Так, план отражения Владислава хотя и установлен «приговором государя с властями и с бояры и всяких чинов с людьми Московского государства», но выработан царем по совету с «Освященным собором и с бояры и со всяки-

ми служилыми и жилецкими людьми»; точно так, порешив в 1618 г. отмену местнических счетов на два года, по совету с Освященным собором и Боярской думой, государь повелел им говорить о том на соборе только с московскими и городовыми служилыми людьми. Ряд дел вершился «по государеву указу и земскому приговору», «по всемирному приговору», — формулы, значение которых аналогично формулам царских указов и боярских приговоров. Другие дела шли мимо собора и решались царем с Боярской думой или вызывали совещание с более широким составом служилых людей. Все зависело от тех или иных соображений общественно-политического или практического удобства.

Мы видели, что вопросы, особенно близко интересовавшие правящие круги, как назначение на должности и упорядочение служилого землевладения, были взяты государем в свои руки еще до прибытия его в Москву. Окружавшие его люди стали овладевать влиянием и материальными благами, связанными с властью. Верхи этой среды образовали дворцовую знать, которая не замедлила закрепить свое положение высокими чинами и должностями и приобретением, по царской милости, крупных земельных имуществ. Раздача дворцовых земель «большим боярам» и высшим разрядам столичного служилого люда начата была еще временным правительством 1612 г. Она еще расширилась в 1613 г., когда началось устройство новой придворной знати: по ее рукам разошлось до 50 тысяч десятин населенной дворцовой земли. На смену старому боярству выступали новые группы крупных землевладельцев, в рядах которых видим наряду со знатными людьми видных приказных дельцов, влиятельных дьяков. Не одни пожалования были источником новых богатств. Тушинская распущенность сказалась в нравах деятелей, теперь поднявшихся к власти. Их вымогательства и хищения вызывали ропот;

в приказах «дела мало вершились», а брали с ходатаев помногу, потворствуя тем, «за кого заступы великие»; в народе осуждали бояр, которых древний враг-дьявол «возвысил на мздоимание», расхищение царских земель, утеснение народа; иноземцы полагали, что такое правление «если останется в теперешнем положении, долго продлиться не может». Руководители приказного управления сеяли недовольство, назначая на воеводства и по приказам своих людей, шедших по их примеру. Но, к счастью для государства, возрождавшегося из развалин, темные стороны новой правительственной среды не исчерпывали картины ее деятельности. Рядом с беззастенчивыми проявлениями корыстолюбия и лицепрятия шла деловая работа, как бы то ни было восстановившая строй администрации и военные силы государства. Ближайшими органами центральной власти стали по-прежнему Боярская дума и приказы. Восстановлена правительственная работа над устройством, управлением и защитой государства. Достижение целей этой работы было труднее, чем когда-либо. И более, чем когда-либо, правительство нуждалось в огромном напряжении личных и материальных сил населения на нужды «государева дела». Расстройство этих сил после Смуты, их чрезвычайная недостаточность ставили еще напряженнее, чем в XVI в., задачу создания такой организации управления, которая обеспечила бы власти возможность сосредоточить распоряжение ими в своих руках. Тенденция к усилению власти и ее большей централизации являлась естественным последствием сложившихся условий. Центральное приказное управление стремится поставить свои местные органы ближе к заведованию делом государственного управления в областях и, несмотря на то значение, какое местные самоуправляющиеся миры получили в эпоху восстановления государственного порядка, ищет опоры не в них, а в усилении приказно-

Репин. Ф. Н. Романов

го областного управления. Форма для этого была создана боевыми обстоятельствами Смутного времени. С начала внутренней Смуты получила широкое развитие должность воеводы. Прежде только в пограничные города назначались воеводы, соединявшие в своих руках военную команду с финансовым и полицейским управлением, судом и расправой над целым уездом и по отношению ко всем разрядам населения. Их полномочия были чрез-

вычайными полномочиями заведования окраинами, опасными от врага и от скопления беспокойных выходцев из областей внутренних. В Смуту эти боевые и общественные условия разлились по всей стране, и воеводы появились в городах московского центра. Во время земского движения они нередко являлись для него готовым руководящим органом. Правительство царя Михаила сохранило новое значение воеводской должности и сделало ее повсеместным учреждением; этим удовлетворялась потребность усилить правительственное воздействие на ход местного управления. По идее, воевода, ведая всеми делами своего уезда, должен был быть не самостоятельным наместником, а исполнителем подробных наказов и частых отдельных предписаний столичных приказов, носителем административной централизации. Но в то же время за-

путанность всего дела, неосведомленность высшей власти и общее расстройство порядка заставляли предоставлять воеводам полномочия столь же широкие, сколь и неопределенные, требуя от них инициативы и усмотрения, «смотря по тамошнему делу», как окажется «пригоже». Воевода не был «кормленщиком», казенные доходы ведал не на себя, а на государя, не получал от населения уставных кормов: но он не получал и жалованья по должности, а «добровольные» дары в благодарность не осуждались ни правительством, ни нравами, и воевода кормился со всем своим приказным людом «от дел». Понятно, какой широкий простор такая постановка должности открывала для лихоимства, вымогательства, произвола и казнокрадства. Нравственный уровень администрации, отравленной навыками «разрухи», был весьма невысок, а общая ее организация, при отсутствии правильных контроля и ответственности, не ставила сколько-нибудь действительных сдержек. Население роптало на воеводскую власть, ненавидело приказных людей, а бывшие органы его самоуправления оказались вполне подавленными этой новой силой и превратились в подчиненных исполнителей ее распоряжений, неся при них черную административную работу. Так, по крылатому слову проф. С. Ф. Платонова, дурная трава «тушинских» навыков не была выброшена «из поля вон» ни в центре, ни в областях, а «выросла на поле и заглушила хорошие ростки земского управления с помощью выборных людей, добрых, разумных и постоянных», питая раздражение населения против администрации нового правительства. Тяжкая нужда и горькие воспоминания Смуты, сознание национальной опасности и влияние земских соборов сдерживали, до поры до времени, эти народные настроения, и правительственная машина, при всех коренных своих недостатках, заработала, устраняя шаг за шагом наиболее резкие последствия пережитой разрухи.

Налаживая с помощью земских соборов свои финансовые средства, правительство в то же время сосредоточило внимание на устройстве военных сил и упорядочении служилого землевладения. Тут многое приходилось начинать заново. Сбитый событиями Смутного времени со своих поместий и вотчин, служилый класс и по личному составу и по имущественному обеспечению представлял поистине рассыпанную храмину. Надо было его организовывать, набирать и пополнять, наделяя землями, с которых ему возможно было бы жить и служить. Правительство идет старыми путями. Выясняя состав и состояние своих служилых людей, оно широко развивает практику «верстанья» и «испомещенья». По нужде пришлось отступить от той разборчивости в составлении служилого класса, какую пытались установить при Борисе Годунове и первом самозванце и которая восторжествовала несколько позднее. Верстали в службу дворянскую, не считаясь с «отечеством», годных людей даже из казаков, «которые от воровства отстали». Земельный фонд на поместную раздачу был, по видимости, значителен, так как Смута обогатила его большим количеством опустелых и заброшенных земель. Но состояние запустения делало их мало пригодными, по крайней мере на первых порах, для обеспечения служилых землевладельцев. К тому же западные окраины — один из главных прежних районов служилого землевладения — были слишком еще не обеспечены от вражеских нападений, чтобы скоро возродились тут условия мирного хозяйства. С 1614 г. идет наделение провинциальных служилых людей поместьями из дворцовых и черных земель, пошедших на усиление поместного фонда, преимущественно в более безопасных и менее опустошенных северо-восточных уездах замосковского края. Интересы военной силы заставляют жертвовать не только частью дворцового богатства, но и продол-

Памятник Минину и Пожарскому

жить процесс уничтожения крестьянского волостного землевладения в пользу землевладения служилого. Черные крестьянские земли почти вовсе исчезают в центральной части государства, оттесненные на поморский Север. Этот сдвиг служилого землевладения не был, конечно, временным явлением. Когда замирение западной и южной границ открыло возможность восстановления и «испомещения» там служилых людей в более широких размерах, результатом было лишь значительное общее расширение территории служилого землевладения, сравнительно с XVI столетием. Притом много земель роздано не в поместье, а в вотчину, а нужда в деньгах побудила к продаже в вотчину части поместных и порожжих земель, расхोдившихся, по-видимому, этим путем преимущественно по рукам приказных дельцов, которые стремились поместить в земельные имущества свое «неправедное стяжание». Так стало оправляться от разгрома служилое землевладение. Помещики и вотчинники устремились на возобновление разоренного хозяйства, и снова поднялся тяжкий вопрос о крестьянских рабочих руках. Возвращение на старые места населения, сбитого с них в Смуту, приводило его в прежнюю зависимость. «Людие же», сообщает книжник, живший интересами простого народа, «начаша оставшаяся собиратися в Руси по градом, исходя от плену от Литвы и Немец и начаша населятися; они же (владущие) окаяннии, аки волци тяжци восхитающе, емляху их к собе, понеже страх Божий преобидиша и забыша свое прежнее безвремение и наказание, что над ними Господь за их насилиство сотвори, от своих раб разорени быша». Снова поднимают землевладельцы вопрос о трудности розыска беглых в указный пятилетний срок, и Троице-Сергиев монастырь первый выхлопотал себе в 1614–1615 гг. льготу вывозить обратно своих беглых крестьян за 9 и за 11 лет со времени побега. Ропот дворян и детей бояр-

ских на эту привилегию и их домогательство если не отмены, то хоть продления срока «урочных лет» для сыска беглых не сразу достигли цели. Правительство царя Михаила, на первых порах, не решалось на крутое усиление крестьянской крепости, не столько из опасения раздражить народную массу, сколько под давлением землевладельческой знати, умевшей заполнять свои вотчины чужими крестьянами.

Так слагалась в первые годы нового царствования внутренняя политика, преследуя, по существу, те же задачи, какие были поставлены московскими государями XVI в. и их продолжателем Борисом Годуновым. Правительственная среда сложилась из элементов, для которых эти традиции были и привычны и близки. Но во главе ее стояли люди, неспособные вести работу по систематичному и твердому плану, и еще менее способные внести в дело государственного управления идею долга и строгую дисциплину. Опытные и умелые, но корыстные дельцы и случайные люди, возвышенные одною только близостью к царскому дворцу, внесли с собой господство интриги и произвола, которое даже иностранцев заставляло ожидать с нетерпением возвращения из польского плена митрополита Филарета. «Он один, — писал, например, голландец Исаак Масса, — был бы в состоянии поддержать достоинство великокняжеское».

Однако усилиями первых лет были достигнуты элементарно необходимые результаты. Наиболее резкие остатки «великой разрухи» внутри страны были подавлены, восстановлено государственное властвование московского центра над всей территорией. Новгород вернулся под власть Москвы и со шведами заключено «мирное докончание». В 1618 г. отбито нашествие Владислава, а затем состоялись Деулинское перемирие и обмен пленными. Возвращение в Москву митрополита Филарета было крупным событием. В лице отца госуда-

рева царское правительство приобрело с 1619 г. новый властный центр. Вырванный судьбою из рядов светских деятелей, Филарет стал во главе русской церкви. Московская патриархия «вдовствовала» с кончины патриарха Гермогена. Ожидали Филарета, титулуя его пока «митрополитом московским и всея Руси». Давно нареченный в патриархи, он занял теперь святительский престол при исключительных условиях. Это событие приобрело особую торжественность благодаря прибытию в Москву иерусалимского патриарха Феофана, который и совершил 24 июня в Успенском соборе обряд поставления нового патриарха всея Руси. С той поры и до кончины своей 1 октября 1633 г. Филарет управлял и церковью и государством. Как правитель русской церкви, патриарх, чуждый церковно-богословской книжности, являлся, прежде всего, властным и искусным администратором. Церковь была для него учреждением, требующим устройства на началах строгой дисциплины и иерархического господства, и он целиком перенес в свое патриаршеское управление формы приказного заведования делами. Суд в патриаршем судебном приказе был «в духовных делах и в смертях и в иных во всяких делах против того же, что и в царском суде». Казенный приказ ведал доходы патриаршей области: дань с дворов духовенства и сборы с церковных доходов за требы, за пользование пахотой и угодьями и др.: для этого производились тщательные переписи церквей и приходов, всего тяглого духовенства.

Получив патриаршество не по каноническому избранию, а по естественному праву, какое признали за государевым отцом, Филарет и для духовенства был, прежде всего, «великим государем». Но таким же «великим государем» выступал он и в делах управления государственным. Человек властной и крутой воли, он «всякими царскими делами и ратными владел» не только

путем личного влияния на сына-царя. Его участие в государственной власти было установлено формально как титулом «великого государя», так и порядком делопроизводства: дела докладывались обоим государям и грамоты писались от имени их обоих. Царь Михаил пояснял, что «каков он государь, таков и отец его государев великий государь, святейший патриарх и их государское величество нераздельно», а современники не колебались, кого признать действительным правителем государства: патриарх, говорили они, «нравом опальчив и мнителен, а властителен таков, яко и самому царю его бояться; бояр же и всякого чина людей царского синклита зело томяше заключениями и иными наказаньями». Филарет достиг власти, которой добивался в течение всей своей жизни, и с его приездом в делах правления почувствовалась твердая и сильная рука. Но сколько-нибудь существенных изменений в личном составе центральной администрации, ни в том, что можно назвать наметившейся «программой» внутренней политики, не произошло. У придворной и приказной среды и земского собора явился энергичный и суровый руководитель. Отдельные лица, как царские свойственники Салтыковы и несколько видных приказных дельцов, подвергаются при нем опале, возвышаются новые лица, но это не меняет общего склада и характера правящей среды. Филарет нашел у власти своих людей, среду, с которой давно был связан, и продолжал с нею правительственную работу. Но он ввел в эту работу больше системы и энергии, пытаясь в то же время бороться против злоупотреблений — не отдельными опалами, а общими мерами. Филарет и под монашеским клобуком остался государственным человеком, деятельным и честолюбивым. Пережитая борьба закалила его деспотическую натуру и обогатила его сильный ум разнообразным житейским и политическим опытом. Но в нем не было гениальной широты, способной

на смелое и содержательное творчество; скорее видим в нем умного администратора, умевшего понять обстоятельства и очередные задачи текущей государственной жизни, чем преобразователя, который владеет даром не только пользоваться данными условиями, но и творчески их изменять.

Внимание Филарета сосредоточено, прежде всего, на беспорядках и злоупотреблениях разного рода в области сбора податей. С одной стороны, вся старая система обложения в полном расстройстве. Попытки выяснить действительное состояние платежных сил путем «дозора» — описи подлинного экономического положения тяглых хозяйств — далеко не были закончены и сами послужили поводом для многих злоупотреблений. С другой — немало плательщиков разными способами уклонялось от тягла, усиливая, при господстве репартиционных приемов обложения, тяготу остальных. Подати с одних взимались по писцовым книгам, с других — по дозорным, «и иным тяжело, а другим легко», дозорщики одним за посулы мирволили, а других «писали и дозирали тяжело», и оттого всяким людям Московского государства «скорбь конечная». На земском соборе, по предложению патриарха, решили начать дело заново, послать писцов во все города, не потерпевшие от разорения, и дозорщиков в разоренные местности — для правильного распределения тягла по действительной силе; гарантией успеха должны были быть выбор дозорщиков «добрых», их крестное целование и снабжение их «полными наказами». Мысль русских финансистов не шла дальше попыток наладить дело старыми приемами. А между тем усложнение потребностей государственных и расстройство народного хозяйства требовали иного; неудовлетворительность старых приемов описания, несогласованность единиц обложения в разных местностях губили дело при назревшей потребности единой си-

стемы общего государственного обложения, продуктивного для казны и приспособленного к состоянию народного хозяйства. Лишь много позднее долгим опытом борьбы с нуждой и хаотическим состоянием государственного хозяйства пришли деятели XVII в. к попыткам податной реформы. В царствование Михаила Федоровича надеялись еще одолеть затруднения улучшением техники старых приемов и стремлением привлечь к общей тяготе всех, кто умел ее «избыть».

Посадские многие люди, «льготя себе, чтоб им в городах податей никаких не платить», покидали насиженные места, где записаны были в тягло, уходили в Москву и другие города, выбывая из счета. Другие плательщики — «посадские и уездные люди» — «заложились в закладчики за бояр и за всяких людей» и, уйдя из-под власти правительственной на частную службу и под покровительство новых господ, «живут себе в покое». Чтобы вернуть эти платежные силы, государь с собором решают вести розыск таких беглецов, возвращать их на прежнее жительство, чтобы «быть им по-прежнему, где кто был наперед сего». Обеспечение податной исправности населения требует, по-старому и в еще большей степени, прикрепления тяглецов к месту и к той местной организации, куда они зачислены в писцовых книгах, обеспечивая это прикрепление «крепкими поруками». Прошло 20 лет, и в 1638 г. возник особый «сыскной приказ» для повсемест-

Царь Михаил Федорович

ного сыска закладчиков и возврата их на старые места особыми «свозчиками», под надзором которых они обязаны были соорудить себе на посаде «дворовое строение». Кому из них не находилось «поручников в житье и дворовом строении», тех сажали в тюрьму или обязывали «жить и строиться» под угрозой ссылки в Сибирь.

К той же цели — овладеть всеми силами и средствами населения, чтоб никто в избылых не был, и теми же средствами — прикрепления к месту и повинностям — шло правительство в вопросах, касавшихся служилых людей и крестьянства. Заботы об устройстве служилого класса, раздача ему поместий и его пополнение новыми верстанями в службу велись систематически в правление Филарета. Указное законодательство этих лет по поместным делам весьма обильно, и в 1636 г. особое «поместное уложение» подводит ему некоторый итог. Поместная система и организация службы представлялись настолько обеспеченными, что правительство идет навстречу желанию служилых людей, постепенно расширяя их право распоряжения поместьями, разрешая мену, сдачу другому лицу — в известных случаях, отдачу в приданое за дочерью. В то же время правительство продолжало политику ограничения права распоряжения вотчинами, особенно жалованными и выслуженными, которых столько было роздано в первую половину царствования. Общая тенденция этой эволюции служилого землевладения подготовляла слияние поместий и вотчин в один разряд недвижимых дворянских имений, вотчинных по отношению к владельцу, но всецело подчиненных служилым его обязанностям и с регламентацией его прав с точки зрения правительственного интереса. Устраивая служилых людей на землях, верховная власть требовала от них постоянной готовности к исправной службе. Экономический кризис, разросшийся в последствиях Смуты, ставил эти требования в непримиримое

противоречие с хозяйственным положением служилых земель. Мелкие поместья и вотчины служилого люда были в состоянии сильного разорения, главным образом, по недостатку рабочих рук. Даже более зажиточные московские дворяне заявляли, что иные из них остались при 3–6 крестьянах на имение. Вопрос этот был настолько острым, что при Михаиле Федоровиче и размер обязательной службы определяется не так, как при Иване Грозном, по площади земельного владения — «со 100 четей доброй и угожей земли человек на коне и в доспехе полном», а по количеству крестьян у служилого человека — с 15 крестьян. Сами служилые полагали, что нести походную службу «без государева жалованья» может тот, за кем числится 50 крестьян, а менее состоятельные нуждаются в денежной помощи. Тягость службы создавала в дворянской среде явления, аналогичные тем, с какими правительство боролось, разыскивая беглых посадских людей. Дворяне уклонялись от призыва в поход, оказывались «в нетях», а то и вовсе бросали свои поместья и, «не хотя государевы службы служити и бедности терпети», укрывались, подобно посадским закладникам, за бояр, поступая к ним в «добровольные холопы» — явление, с которым правительство боролось решительными мерами. Сами служилые землевладельцы объясняли свою бедность и бессилие нести требуемую службу оскудением крестьянских рабочих рук в их поместьях и вотчинах. Изнемогая в борьбе с крестьянскими побегам и в непосильном соперничестве из-за крестьян с крупными землевладельцами, они долго и тщетно добивались отмены «урочных лет» для сыска беглых или его продления. Только в 1637 г. привилегия Троицкого монастыря, упоминавшаяся выше, была распространена на дворян и детей боярских окраинных и замосковных городов, а в 1639 г. — на служилых иноземцев; для них срок сыска стал девятилетним. Еще через 3 года дворяне

и дети боярские «всех городов» били снова государю челом, с просьбой вовсе «отставить» урочные годы, а «беглых крестьян и бобылей отдавати по поместным их и по вотчинным дачам и по писцовым книгам и выпи-сям, кто кому чем крепок». Челобитье направлено против «сильных людей», которые собирают на свои земли беглых крестьян и, пользуясь урочными годами, закрепляют их за собой. Надо полагать, именно поэтому челобитье не имело успеха: царским указом 1642 г. срок урочных годов продлен только до 10 лет.

Все эти мероприятия правительства и те явления, какие их вызывали, хорошо обрисовывают крайнюю напряженность внутренней жизни Московского государства в правление царя Михаила. Удовлетворение настоятельнейших потребностей обширного государства, только что пережившего тяжелый кризис и изнуряемого внешней борьбой с соседями, было явно не по силам его населению. Несоответствие средств и потребностей вело к политическому результату, развивавшему дальше и глубже тенденции XVI века — крайнему росту государственного властвования над народной жизнью и быстрому замиранию самостоятельной земской жизни.

Верховная власть, под твердым руководством патр. Филарета, окрепла и достигла полной, неограниченной силы, не в принципе только, а на деле. Но и он продолжает работать при частом обращении к земским соборам. Однако в новых условиях значение этого явления не могло быть тем же, что в первые годы царя Михаила. Филарету собор нужен не для того, чтобы поддержать перед обществом слабый правительственный авторитет. В его руках это орудие для изучения действительного положения дел, средство узнать его недостатки, вскрыть существующие беспорядки и злоупотребления. На земский собор созываются выборные от разных чинов Московского государства, «которые бы умели рассказать

обиды и насильства и разоренья», чтобы обоим великим государям, царю и патриарху, «всякие их нужды и тесноты, и разоренья, и всякие недостатки были ведомы». Царь и патриарх обещают, что обсудят с ними, как «устроить бы Московское государство, чтобы пришло в достоинство», и «советовав по их челобитью, учнут о Московском государстве промышляти, чтобы во всем поправить, как лутче». Однако по вопросам чрезвычайного обложения правительство и во времена Филарета не могло обойтись без собора. Крайнее расстройство «сошного письма» приводило к тому, что обложение определялось либо усмотрением дозорщиков и сборщиков, либо их соглашением с плательщиками. Первый путь давал слишком неудовлетворительные результаты и вызывал слишком много ропота. Второй — мог легко стать опять-таки невыгодным для правительства, если население не убеждалось в неизбежности идти ему навстречу. И собор, на котором в делах финансовых главную роль играли торговые люди, должен был в особо трудные минуты вызывать их на «вспоможенье ратным людям» пятой деньгой «с животов и с промыслов вправду», а остальные чины на дачу, смотря по своим пожиткам, кому что мочно». Под контроль собора ставился выбор сборщиков из торговых людей разных разрядов: «пересмотр» его на соборе должен был обеспечить добросовестность постановки всего дела. Но исследование С. Б. Веселовского показало, насколько малозначительны были финансовые результаты этих чрезвычайных усилий. Пятинные и запросные деньги заняли далеко не первое место в ряду источников дохода правительства царя Михаила. К тому же они, в свою очередь, содействовали заметному понижению доходности косвенных налогов.

В первые годы царствования правительство искало выхода из нужды напряжением прямого обложения, по-

стоянного и чрезвычайного, но его тягость, несомненно, «затронула народный капитал»: производство и торговля сильно сократились. С 20-х гг. эти результаты финансовой политики уже ясны, и роль в ней земских соборов становится все менее ценной и значительной. Чем дальше, тем больше жалобы на невыносимую тяготу берут на соборах верх над возможностью продолжать поддержку «государева и земского дела» чрезвычайными жертвами. Их столько было уже принесено, что народные силы казались исчерпанными. Вслушиваясь в эти жалобы, патр. Филарет стремился изыскать меры к пресечению тех зол, какие в них раскрывались. Тягота тягла и службы не могла быть облегчена; напротив, она неизменно нарастала. Организационного уменья и средств не хватало на то, чтобы достичь хотя бы ее равномерного распределения. Такая задача требовала бы сложного творчества и коренной реформы всей военной и финансовой системы, что было — в данную эпоху — не по силам руководителям судеб Московского государства. Оставалось бороться с частичными несовершенствами и искажениями существующего порядка и преследовать злоупотребления им. Власть это и делала, по мере сил и уменья. Проявляя неустанную деятельность в упорядочении, хотя бы самыми крутыми мерами, тягла и службы, правительство, под руководством патр. Филарета, пыталось создать какие-либо формы контроля над «сильными людьми», о произвол и влияние которых разбивались усилия установить прочный и законный порядок. По повелению великих государей назначались для сыска «про сильных людей во всяких обидах», по жалобам многих людей на бояр и приказных дельцов в насильствах и обидах, доверенные лица из ближних бояр государевых. Такие судебно-розыскные комиссии назывались иногда «приказами» — сыскными, «что на сильных быют челом», но стояли выше обычных

приказов, откуда к ним поступали дела, как в высшую инстанцию. Возникали «сыскные приказы» такого типа и для иных поручений, как пересмотр жалованных грамот с целью ввести привилегии вотчинников в рамки «государева уложения», расследование дел, особо заинтересовавших власть и т. п. Не доверяя своей администрации и не решаясь искать путей к ее реформе, правительство передавало наиболее острые вопросы о «сильных людях», их привилегиях и действиях особым комиссиям доверенных лиц, примыкавшим к ближней думе царской по личному составу и доверенности. Эта практика весьма характерна для царской власти XVII в., почуявшей политическую и моральную опасность ответственности за действия своих полномочных и если не безответственных, то фактически бесконтрольных органов. Внимательно выслушивая жалобы населения и даже вызывая их на земских соборах, оно столь же внимательно относилось к челобитьям, поднимавшим вопросы о местных нуждах или потребностях отдельных групп населения, наконец, прислушивалось к доносам и «изветам», раз в них обличались нарушения государственного интереса или безопасности политической; процессы — в особом порядке производства — по поводу «слова и дела» государева возникли в дни царя Михаила. Народное представление о царе-блюстителе высшей справедливости заставляло население тянуться со своими нуждами к престолу, к личной власти государевой за обороной от всяких обид и на земские соборы смотреть как на форму такого же обращения. Общественная масса сходилась в традиционном воззрении с представлениями носителей верховной власти. Московская средневековая монархия вырастала на народном корню.

Политические успехи новой династии, ее укрепление во главе национального государства в значительной мере связаны с личностью святейшего патриарха всея

Руси, великого государя Филарета Никитича. Сама властная фигура патриарха и его сан содействовали поднятию авторитета власти. Умирая 1 октября 1633 г., Филарет покинул Московское государство окрепшим настолько, что ни внешние опасности, вызывавшие тяжелую борьбу с соседями, ни внутренние язвы народного хозяйства и государственного быта, готовившие ряд грядущих потрясений, не могли уже расшатать воздвигнутого из развалин политического здания. С кончиной патриарха ничто по существу не изменилось, несмотря на несомненное ослабление правительственного центра. Вернулись в Москву опальные члены придворной знати и приказной среды. Но, видимо, никто из них, ни из близких царю вообще не заменил Филарета в преобладающем государственном влиянии. Московское правительство плыло по сложившемуся течению, не проявляя сколько-нибудь крупного почина. И за три года до конца жизни и царствования Михаила Федоровича его правительству привелось подвести своего рода итог состоянию государства на земском соборе, созванном для обсуждения вопроса о взятии казаками Азова. На соборе этом всем чинам Московского государства было объявлено, что донские казаки захватили Азов, просят его от них принять и послать туда воевод с ратными людьми. На обсуждение собора поставили вопрос: разрывать ли из-за Азова с Турцией и Крымом? а если идти на большую войну, то как обеспечить нужные средства — денежные, хлебные и пушечные многие запасы? Все чины соборные должны были «помыслить о том накрепко» и государю о том «мысль свою объявити на письме». Люди служилые сознавали ясно важность приобретения: Азов в русских руках парализовал крымскую орду и мог стать опорным пунктом для уничтожения ее силы, устраняя и близкую поддержку турок. Но рассуждения о средствах обороны Азова и ведения войны обратились в сплош-

ную жалобу на несправедливости, беспорядки и оскудение. Чины столичные и придворные норавли свести защиту Азова к поддержке казаков «охочими вольными людьми» на денежном жалованье, без общего похода. Дворяне городовые выражали готовность на войну, но указывали на неравномерность распределения военных и денежных повинностей. Они советовали государю хлебные запасы брать «со всех без выбора» и «рать строить» по тем уравнивательным правилам, какие установлены были при царях Иване и Федоре, взять пеших и конных ратных людей с бояр и ближних людей, которые пожалованы многими поместьями и вотчинами, хотя бы в виде исключения «для такого бусурманского нахождения» и в таком размере, какой государь укажет; с дьяков и подьячих, которые не только пожалованы и поместьями и вотчинами, но, сверх того, обогатели у государевых дел неправедным мздоимством, накупили себе вотчин и понастроили таких домов, каких при прежних государях и у великородных людей не бывало; их же справедливо обложить деньгами «против домов их и пожитков» на жалованье ратным людям; с «государева богомолья» — церковных вотчин взять даточных людей не по устарелым данным писцовых книг и тем более не «против заступленья», а по числу крестьян, как государь установит; с служащих по московскому списку и вообще столичных чинов, которые на льготной и выгодной службе «отяжелели и обогатели», взять даточных людей, а с их пожитков — деньги. Так получатся и сила ратная и деньги на прибор стрельцов и солдат. Службу вообще необходимо упорядочить, выяснив, сколько за кем из служилых и приказных людей числится крестьян, и установить новым уложением, со скольких крестьян служить без денежного жалованья, а за лишек владения брать деньги; рядовых служилых людей, «беспоместных, пустоместных и ма-

лопоместных» — поддержать поместным верстаньем и денежным жалованьем.

Финансовые средства на войну дворяне предлагали пополнить, взяв «лежащую домовую казну» у духовенства и обложив торговых и черных людей по их торгам, промыслам и пожиткам, но собирать эти доходы гостям и торговым людям, а приказных людей счесть по приходным книгам, «чтобы государева казна без ведомости не терялась»: от такой ревизии приказного хозяйства служилые люди ожидали несомненной прибыли для казны. Про себя рядовые служилые люди говорили, что готовы «работать государю головами своими и всею душою», но «разорены, пуще турецких и крымских бусурманов, московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов».

Торговые люди также не скрывали своего раздражения против новых приказных порядков, утверждая, что «в городех всякие люди обнищали и оскудали до конца от твоих государевых воевод», и вспоминали с сожалением, как «при прежних государях в городех ведали губные старосты, а посадские люди судилися сами промеж себя, а воевод в городех не было»; и они указывали на свое обеднение, на остановку торгов, разорение от тяглых служб и податей, от конкуренции иностранных торговцев, которым покровительствовало правительство.

Выслушав все эти заявления, правительство решило отказаться от Азова и отступить перед опасностью продолжительной и тяжелой войны. Соборные «сказки» 1642 г. характерно обрисовывают настроение тех средних слоев населения, которые были главной общественной силой при восстановлении государства из великой «разрухи» — в ополчении 1612 г., на земском соборе, избравшем царя Михаила, и на ряде соборов первых лет его правления. Глубокое недовольство усилением приказной системы управления, корыстной и бес-

контрольной, усугублялось тем, что ей на счет ставилось общее расстройство экономического быта и государственной силы, которых она была, конечно, не причиной, а порождением. Острое раздражение вызывали и новые общественные верхи, обогатившие царскою милостью и собственным мздоимством и отяжелевшие в своем льготном положении. Силы и средства страны казались общественной массе большими, но неправильно распределенными, так что слишком значительная их часть ускользает от служения государеву и земскому делу и пропадает втуне. Над этим упрощенным пониманием положения не возвышалась, впрочем, и мысль государственных людей первой половины XVII в. Усилиями первого царствования новой династии государство было восстановлено на старых основаниях, руководивших политикой таких строителей царства, как Грозный и Годунов. Достигнутыми результатами в значительной мере осуществлялись намеченные ими цели. Но традиционные приемы управления оказались недостаточными для разрешения задач более сложных. Правительственная работа, направленная исключительно на организацию и эксплуатацию народных сил и средств для государева и земского дела, спасла государство от внешнего и внутреннего разгрома, но не вывела страны из состояния расстройств и надрыва этих сил и средств. Побеждены были губительные проявления Смуты; ее корни не были вырваны из русской жизни. Это сказалось при сыне царя Михаила новыми тревогами и серьезными волнениями¹.

¹ С. О. Платонов, указ. сочинения и «К истории московских земских соборов», СПб., 1905; Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII в.», М., 1906; С. Б. Веселовский «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича», М., 1909; И. Я. Гурлянд «Приказ великого государя тайных дел», Яр., 1902, и «Приказ сыскных дел» (в «Сб. в честь проф. М. Ф. Владимирского-Буданова», К., 1901 г.).

2. Первые годы царя Алексея

Царь Михаил Федорович скончался в ночь с 12 на 13 июля 1645 г., благословив на царство единственного сына, шестнадцатилетнего Алексея. Царь Алексей вступил на престол «по приказу» отца своего и «по прежнему крестному целованью» всех людей Московского государства, как они целовали крест царю Михаилу с его царицей и великой княгиней и их царскими детьми, которых им, государям, Бог даст. Два современника, один иноземец, другой русский, так говорят о воцарении Алексея, что дали повод некоторым исследователям предполагать его избрание на престол земским собором. Олеарий сообщает, что на утро, по смерти отца, Алексея приветствовали царем и «в тот же день еще по единогласному решению всех бояр, вельмож и всей общины, короновали его и присягнули ему»; это было сделано притом с некоторой спешкой, по стараниям Б. И. Морозова, так что не все в стране, кто желал присутствовать при торжестве, могли явиться вовремя. Котошихин говорит как будто определеннее — о царском «обрании», состоявшемся «мало время минувше» для этого было на Москве дворян и детей боярских и посадских людей человека по два из города, «обрали» царя — весь духовный чин, бояре и думные люди, служилые, торговые и всяких чинов люди и чернь и «учинили коронование в соборной большой первой церкви». Крестное целование молодому государю произошло на Москве в первый же день, 13 июля, — по городам в ближайшее время. Царское венчание состоялось 28 сентября, и только к этому времени могли съехаться выборные люди из некоторых городов, а из дальних мест не могли успеть, что давало впечатление спешки. Обранье — в котором участвовала и «чернь», московская толпа, а по одному указанию так-

же иноземцы — могло быть только торжественным «явлением» царя народу для приветствия и провозглашения, одним из моментов обряда венчания на царство.

Начало нового царствования вызвало изменение в личном составе правящих верхов. Первое место во дворце и делах управления занял воспитатель царя Борис Иванович Морозов, и в силу вошли близкие ему люди. Морозов поднялся до своего высокого положения по связям с влиятельными лицами в дни царя Михаила и держался их круга. Когда Алексей Михайлович принял намерение вступить в брак, повторилась история, подобная делу Хлоповой. Царь выбрал в невесты дочь Федора Всеволожского, но та при этом пала в обморок; ее признали больной и за сокрытие будто бы падучей сослали в Сибирь вместе с родней, и только с 1653 г. позволили им жить в дальних поместьях. Все дело московские слухи опять приписали придворной интриге, в частности Морозову, боявшемуся возвышения Всеволожских. Как бы то ни было, но царь Алексей вступил в иной брак, с Марьей Ильиничной Милославской, дочерью Ильи Даниловича Милославского, который был племянником влиятельного думного дьяка Ив. Грамотина. Через несколько дней Морозов женился на сестре молодой царицы, Анне. Рядом и, видимо, в согласии с Морозовым стала теперь, по влиянию, царицына родня. Милославские, во главе с царским тестем, занимали видное придворное положение, ведали приказами, сидели на воеводствах, поддерживали и выводили в люди родственников, свойственников и приятелей в течение почти всего XVII в., но не дали Московскому государству ни одного даровитого и полезного деятеля. Их имя неизменно связывалось с самыми острыми жалобами на приказные хищения и вымогательства. С их возвышением только усиливалась распущенность приказной среды, обострилось раздражение населения против царской ад-

министрации. Двое близких Милославскому людей, судья земского приказа Л. С. Плещеев и П. Т. Траханиотов, ведавший приказ Пушкарский, заслужили на Москве особенно худую славу в первое же время царствования Алексея. Имя первого из них стало нарицательным: безудержный произвол стали звать плещеевщиной.

По-видимому, еще в дни царского венчания, в связи с помянутым «обраньем», молодому государю всяких чинов люди били челом, по обычаю, о разных обидах и непорядках и просили государя утвердить новым его уложением правильное и безволокитное вершенье всех дел. Задача пересмотра и упорядочения сложившихся распорядков и отношений назрела, как результат всей предыдущей правительственной работы; о ней не раз били челом на соборах и вне их разные общественные группы по отдельным вопросам. Но юный царь был еще слишком неопытен, чтобы сразу усвоить широкую и определенную программу, а окружали его в ту пору люди, не способные ни направить, ни поддержать большое государственное дело. Впрочем, в двух вопросах важнейшего значения к реформам приступили без замедления. На земских соборах предыдущего царствования неоднократно били челом государю о сборе платежей и повинностей, облагая всякого чину людей не поземельно, по «сошному письму», а по количеству крестьян, наличных во владельческих поместьях и вотчинах; в одной из «сказок» 1642 г. это обложение было названо «поворотным» или «со двора». Задача реформы указывалась в том, чтобы избавить плательщиков от уплаты за «пустые» участки «навалного сошного письма», а, с другой стороны, усилить обложение богатых крестьянами крупных землевладельческих хозяйств, для которых «сошное письмо» оказывалось нередко льготным. В 1646 г. правительство царя Алексея приступило к новой описи — подворной, и в два года ее закончило. Переписные книги

должны были лечь в основание выполнения и другого челобитья служилых землевладельцев; правительство обещало, что «как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет», что и было исполнено в «Уложении» 1649 г. Но финансовая реформа по переписным книгам затянулась надолго: правительство использовало их ранее всего для раскладки экстренных сборов, а старые подати продолжало собирать по-прежнему «с сошного письма», при всей неравномерности и запутанности этого обложения. Дело в том, что оно надеялось достигнуть большей продуктивности обложения, равномерности его и всеобщности переносом центра тяжести с прямых налогов на косвенные. С этой целью в феврале 1646 г. была введена новая, значительно повышенная пошлина на соль, которой предполагалось заменить главные прямые подати, в том расчете, что ее «платить станет всякий без правезу, собою», и что она естественно захватит все разряды населения вне всяких привилегий. Соляная пошлина, как всякий налог на продукты первой необходимости, легла на деле невыносимой тягостью на беднейшие разряды населения и только обострила общую нужду и народное раздражение.

А между тем тревожное настроение нарастало. Соляная пошлина сплелась с притеснениями приказных, чтобы исчерпать терпение народа. 2 июня 1648 г. «смятение в мире» вырвалось наружу. Царя, возвращавшегося с Троицкого богомолья, окружила на улице взволнованная толпа и «всею землею» била челом на земского судью Леонтия Плещеева, вора и грабителя, утесняющего народ, а затем поднялась на «его Леонтьевых заступников». Думного дьяка Чистого убили в его доме и требовали выдачи Плещеева, боярина Морозова, Траханиотова. Царь велел вести Плещеева на казнь, но

толпа отняла его и сама с ним расправилась. Тогда от лица государева говорили с народом популярные бояре Н. И. Романов и кн. Д. М. Черкасский, обещая устранить ненавистных людей, но толпа не хотела верить, пока царь сам не подтвердил обещания перед нею, крест целуя; да и тогда не перестала волноваться и требовать расправы над Морозовым и Траханиотовым. Последнего пришлось казнить «перед миром», а Морозова, своего дядьку, «царь у мира упросил» от казни, но выслал из Москвы, обязавшись впредь не допускать его ни к каким делам. «На том, — рассказывает очевидец, — миром и всею землею государю челом ударили и в том во всем договорились». Прямой бунт улегся, но тревожные толки продолжали ходить по Москве.

Чуялось, что «весь мир качается». Беспокойные головы мечтали найти воевод в двоюродном брате царском, боярине Н. И. Романове и кн. Черкасском или хоть выдвинуть их в правлении против постылых ближних людей Морозова. Но движение не только не направлялось против царя, а, напротив, его мыслили солидарным с народом. С царем мир «договорился», царь велел Плещеева и Траханиотова «всей земле выдать головою», и какой-то москвич сообщал иногороднему знакомцу: «нынеча государь милостив, сильных из царства выводит, сильных побивают ослопьем да камнем».

Не в одной Москве закачался мир. Известия о московских событиях разбудили и по городам надежду, что нашлась, наконец, управа на «сильных» людей. Горожане, сносившие поборы и утеснения воевод и их приказных, поднялись на них боем и разграблением в Сольвычегодске, в Устюге. Непокойно прошли 1648 и 1649 гг. А в начале 1650 возникли более серьезные беспорядки в Пскове, потом и в Новгороде. Народные толки осуждали «изменников», окружавших царя. Уплаты шведам крупной суммы хлебом и деньгами за перебеж-

чиков, которых правительство не хотело выдавать, в народе истолковали, как проявление «измены», служения иноземцам во вред своей земле. Псковичи погромили транспорт, били иноземцев, выбрали себе «начальных людей», не слушая ни в чем воеводу и архиепископа, подняли с собой и иногородцев, которые также устроили у себя выборное правительство, поднявшись на воеводу и на митрополита Никона. Царю и те и другие послали челобитчиков, полагая, что защищают «государство и земское дело», бить челом на бояр и приказных — изменников и притеснителей. Заступника у царя псковичи искали себе все в том же Н. И. Романове: просили ему поручить сыск по их делу и через него пытались просить, чтобы впредь восстановлен был прежний порядок: судили бы воеводы и дьяки с земскими старостами и с выборными людьми по правде, а псковичей бы на Москву для суда не вызывать. Раздражение против приказных злоупотреблений разрасталось в протест против самой системы централизованного приказного управления.

В Москве челобитчики получили ответ, что «холопы государевы и сироты великим государям никогда не указывали, псковичам надобно было челом бить до нынешнего смятения, а самим не управляться; а того никогда не бывало, чтоб мужики с боярами, окольными и воеводами у расправных дел были, и впредь того не будет». Пришлось, однако, отправить ратную силу для усмирения волнений. Новгород сразу принес повинную, отчасти благодаря энергии и выдержке митрополита Никона, но псковичи сдались только после тщетной попытки сопротивления.

В то время как разворачивались все эти тревожные события, в Москве шла при участии земского собора, работа над обновлением всего законодательства в «Уложении», которая завершила строительную работу восстановления государства. Вспышки народных волнений

показывали, как слабо еще было внутреннее равновесие в стране, расшатанной напряженным кризисом перестройки государственных и социальных отношений. Надрыв материальных ее сил со времени Смуты значительно осложнял этот процесс, а внешние отношения еще не окрепшего в самом себе государства еще более изнуряли его, требуя затраты крупных средств и усилий на обеспечение международных условий его бытия и развития.

VI. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVII В.

С утверждением на престоле новой династии Московскому государству пришлось строиться вновь не только во внутренних, но и во внешних отношениях. Москва в эпоху Смуты потеряла свое международное значение, потеряла слишком значительную и ценную часть государственной территории. На западной границе она оказалась отброшенной назад ко временам, предшествовавшим деятельности Ивана III. Потерян был Новгород, закрыт путь к западному морю; потерян Смоленск, утрачена земля Северская, отрезаны пути в Поднепровье. Соседи стремились закрепить за собой захваченные области и до конца использовать создавшиеся условия, отказываясь признать совершившийся факт — восстановление на Москве царского престола. Внутренняя смута слишком тесно сплелась с отношения-

ми к западным соседям: не уладив их, было невозможно и ее одолеть сколько-нибудь прочно. Смута проложила путь иностранному вмешательству в русские дела, и в первое время оно поддерживало расчеты врагов восстанавливаемого порядка. Борьба была неизбежна: она и не прервалась избранием Михаила. Шведы держали северо-запад, и король Густав-Адольф даже мечтал, захватив Псков и Холмогоры или Соловки, отрезать от Москвы оба моря и всю полосу по линии этих пунктов. В 1614 г. он лично повел военные действия, взял Гдов, в следующем году осадил Псков, но после неудачи этого дела согласился на переговоры. Долгие пререкания представителей обеих сторон закончились заключением 27 февраля 1617 г. «вечного мира» в Столбове, на реке Сяси. Москва, по этому договору, уступала на шведскую сторону Ивангород, Ям, Копорье, Орешек с уездами и уплачивала 20 т. рублей. Шведский король, у которого главной целью всей политики было господство Швеции на Балтийском море, был весьма доволен этим результатом, тем более что царь отказался в его пользу от всяких притязаний на Лифляндию и Корелу. Но и в Москве были рады миру, вызволившему Великий Новгород. Теперь были у нее развязаны руки для дела, еще более настоящего — борьбы с королем польским. Московское правительство возобновило ее при первой возможности, послав уже в марте 1613 г. ратную силу на оборону и очищение западных областей. Но сил на энергичное наступление не хватало, война тянулась вяло, хотя, при данных обстоятельствах, была крайне изнурительна. По счастью, и противник, отвлеченный турецкой опасностью и раздорами короля со шляхтой, лишь отстаивал захваченное и даже не был в силах отбить ничтожные силы русских воевод, тщетно стоявших полгода под Смоленском. Столь же безрезультатно тянулись с конца 1614 до начала 1616 г. переговоры о возможных

условиях мира. Летом 1616 г. царь Михаил сделал попытку наступления, не давшую сколько-нибудь прочных последствий, а между тем королевич Владислав получил согласие сейма на поход к Москве. Владислав продолжал титуловать себя царем московским и настаивать на своих правах, но для их поддержки ему за целый год приготовлений удалось собрать лишь небольшое войско, и то не обеспеченное ни жалованьем, ни припасами. В Польше московская авантюра дома Ваза далеко не пользовалась популярностью в широких общественных кругах. Насколько приобретение земель Смоленской и Северской представлялось делом необходимым для обеспечения великого княжества Литовского, настолько утверждение на московском наследственном престоле польского королевича могло казаться политической опасностью и династической затеей, не заслуживающей жертв со стороны Речи Посполитой. Только летом 1617 г. вступил Владислав в московские пределы, но прошел еще целый год, пока он получил возможность более решительных действий. Польское войско, недостаточное, чтобы взять сколько-нибудь значительную крепость, раздраженное неполучением платы, месяц за месяцем разоряло русские области, восстановив для западных уездов горькие времена Смуты. Наконец, Владислав осенью 1618 г. решил двинуться к Москве, чтобы чем-нибудь кончить. Сейм назначил ему, правда, небольшую сумму денег, с обязательством закончить поход до конца года. С юга пришла к нему серьезная помощь — гетман Конашевич-Сагайдачный с 20 тысячами казаков, чем силы королевича утраивались. Но и теперь этих сил было недостаточно ни для взятия Москвы штурмом, ни для правильной осады. А Москва была еще так ослаблена, что могла только защищаться, отстаивая укрепленные пункты и уклоняясь от решительной встречи. Обеим сторонам оставалось только договориться. Пере-

говоры в с. Деулине, близ Троицкой лавры, привели к перемирию на 14^{1/2} лет, причем Речь Посполитая удерживала свои завоевания — Смоленскую и Северскую земли, а вопрос о правах Владислава на московский престол был «положен на суд Божий» и не получил формального решения. Но и в такой форме перемирие было необходимо для Москвы, занятой трудной внутренней работой. Таковы были результаты внешней политики первых лет царствования Михаила Федоровича. События эти связывались, с другой стороны, с расширением и оживлением московских международных сношений, так как московские политики сделали большое усилие — связать свои насущные дела с отношениями держав в Западной Европе. Еще из Ярославля кн. Пожарский с товарищи предпринял шаги к возобновлению сношений с венским императорским двором, а летом 1613 г. отправилось посольство к императору Матфею. Московское правительство желало посредничества императора между собой и Сигизмундом, рассчитывая на его влияние в Польше, но пришлось скоро убедиться, что эти расчеты бесплодны. Участие императорского посла Ганзелиуса в русско-польских переговорах оставило впечатление, что он «доброхотает королю», а венское правительство явно не заинтересовано в успокоении Московского государства. Больше реальных оснований было искать соглашения с Турцией, давним польским врагом. Сношения Москвы с султаном сильно тревожили королевское правительство. Знали в Варшаве, что русские послы, отправленные в Константинополь в июле 1613 г., поднимают султана на Польшу, ищут его приказа крымскому хану идти на польские земли, а русскую не беспокоить набегами. Однако, если эти опасения и поддерживали оппозицию против московской войны, до активных действий со стороны турок дело не дошло. Более существенные плоды дала дипломатическая игра на интересах англо-русской

и голландской торговли. Конечно, просьбы о помощи против шведов и Польши тут не могли иметь успеха: ни у Голландии, ни у Англии не было своих мотивов вступать в войну. Но замирение Московского государства имело существенную цену для их торговых интересов, а окупить дипломатическую услугу приобретением от правительства царя Михаила льгот и покровительства значило расширить свои рынки и открыть себе новые торговые пути. Во время переговоров, которые привели к Столбовскому миру, посредниками, усердно улаживавшими трения между представителями Москвы и Швеции, явились уполномоченный от английского короля Джон Мерик и послы голландские.

Летом 1617 г. русское посольство просило короля Иакова содействовать вызову Дании, Швеции и Нидерландов на помощь Москве против Польши и поддержать русских денежной субсидией. Король прислал крупную сумму — 20 000 рублей, но их пришлось вернуть через год, так как Деулинское перемирие прервало польскую войну. В те же годы впервые завязались у Москвы прямые сношения с Францией: в 1615 г. московское посольство, извещая короля Людовика XIII о вступлении на престол царя Михаила, искало помощи Франции против поляков и шведов, но первое французское посольство появилось в Москве лишь много позднее, — в 1629 г.

Далекая Московия напоминала о себе державам Западной Европы, пытаясь поставить свои отношения к ближайшим западным соседям на общеевропейскую почву. Но Москва, еле оправлявшаяся от полного упадка, не вызывала на Западе политического интереса. Зато ее значение, как рынка для приобретения сырья и сбыта европейских товаров, а с другой стороны, как страны, владеющей путями в Азию и, прежде всего, в богатую шелком Персию, — неизменно росло в сознании западного коммерческого и политического мира. В перегово-

рах о помощи и посредничестве московские послы должны были сулить торговые привилегии. За оказанные услуги надо было платить жалованными грамотами на торговлю. Больше всех получили англичане: они приобрели право свободного и беспошлинного торга: голландцы выхлопотали себе ту же льготу лишь на 3 года (с 1614-го), а затем платили половинные пошлины; ряд личных привилегий получали отдельные торговые люди-иностранцы за те или иные услуги московскому правительству. Попытка Франции заключить торговый договор о свободной торговле и пути в Персию не имела успеха, как и домогательства о том же свободном пути со стороны англичан. Во всяком случае, навстречу московским посольствам, которые стремились заинтересовать Западную Европу в судьбах своего государства, как члена семьи народов христианской культуры и нужного союзника в борьбе с мусульманством, — этот давний аргумент русско-европейских связей обычен в посольских наказах времен Михаила Федоровича — шло усиление тяги к включению Московии в торговый оборот европейского мира и эксплуатации ее транзитных путей на Восток. Со стороны царского правительства — покровительство иноземной торговле вызывалось не одной расплатой за политические услуги: англичане обязались поставлять в царскую казну сукно и другие продукты западной промышленности, притом по ценам, какие были на месте, в Англии. Ничтожество своей промышленной техники вызывало большую нужду в западных товарах. А параллельно шло расширение вызова иноземных промышленников для насаждения на Руси лучшей и более интенсивной разработки минеральных богатств, заводского и фабричного дела. С каждым десятилетием XVII в. становились все сложнее и глубже связи Московского государства с Западной Европой... Но сознательная и более последовательная работа в этом направлении была еще не

по силам Москве в первую половину столетия. Тягость внутреннего состояния страны и неизбежные затраты сил и средств на внешние отношения поглощали их до дна. Отношения к Польше не были сколько-нибудь прочно улажены Деулинским перемирием. Новое разграничение вызывало непрерывные пограничные столкновения, наезды и набеги друг на друга, споры из-за перебежчиков и т. д. Дипломатические сношения были донельзя затруднены непризнанием за Михаилом Федоровичем царского титула. Худой мир то и дело грозил перейти в прямой разрыв, когда в августе 1621 г. появился в Москве посланник султана, Фома Кантакузин, с предложением наступательного союза против Польши. Но Москва чувствовала себя слабой и нуждалась в немалом времени для подготовки к новой борьбе. Результаты всей работы над восстановлением служилого дворянского ополчения, выполненной в предыдущие годы, не только не дали уверенности в боевой готовности государства, но привели к сознанию, что неизбежно приступить к преобразованию военного дела. Подготавливаясь ко второй польской войне, правительство заводит с помощью иноземцев-инструкторов полки «иноземного ратного строя», солдат и рейтар, затрачивая на них немалые средства. 1632 г., кончина короля Сигизмунда, смуты бескоролья — казались моментом, удобным для возобновления борьбы за Смоленск. Война началась удачно, взят ряд укрепленных пунктов; воевода Шеин осадил Смоленск. Но исход кампании был плачевный. Союзники-турки не открыли военных действий, двинулись лишь позднее, когда под Смоленском все было кончено. Осада затянулась, в августе 1633 г. избранный король Владислав пришел под Смоленск с значительными силами и осадил осаждающих в их окопах. Русскому войску пришлось капитулировать на унижительных условиях. В Москве главных воевод — Шеина и Измайлова осудили

за измену и казнили; других постигла опала и ссылка. Но этим не исчерпывался урок смоленского похода. Он резко выяснил отсталость русского военного строя. Слабость московской артиллерии, незначительность новых регулярных сил и боевая беспомощность дворянской конницы вызывали на энергичные меры по улучшению военного дела. Правительство, после смоленской катастрофы, усиленно комплекзует «прибором» новые части регулярных полков, усиливает артиллерию, напрягая, как может, свои финансовые средства. В то же время успехи поляков на деле Шеина и кончились. У короля средств также не хватало, а вести о наступлении турок заставили поспешить с переговорами о примирении. Летом 1634 г. заключен был Поляновский мир: он дал Москве только отказ Владислава от прав на московский престол. Осталась прежняя напряженность пограничных отношений, питаемая, с московской стороны, сознанием тягости потери Смоленска и Северской земли. Но до кончины царя Михаила вооруженных столкновений между обоими государствами не было. Тем напряженнее шла работа по обороне и укреплению других границ. Смутное время и западные войны остановили развитие военной колонизации и расширения укреплений на юге, со стороны степной окраины. Но южная граница тем более требовала постоянного наблюдения и охраны. Против набегов из Крыма по-старому приходилось ежегодно выдвигать к ней обсервационные отряды, и эта постоянная «полковая» служба немало поглощала служилых сил. По заключении Поляновского мира правительство возвращается к сооружению на юге новой укрепленной черты, к постройке городов и заселению пограничной полосы военно-служилыми поселенцами. В 1636 г. построены Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы. В конце 30-х и в 40-х гг. идет усиленное строительство. В 50-х дело завершено соеди-

нением городов и рассыпанных между ними мелких острогов непрерывной линией укреплений и засек. Перерезывая татарские шляхи, эта Белгородская линия шла от реки Ворсклы, через Белгород, Корочу, города на Осколе и Тихой Сосне к Воронежу и Козлову. Она близко примыкала к Симбирской черте, сооруженной также в 50-х гг., и, таким образом, обеспечивала оборону южной границы государства прочнее и легче, чем утомительные ежегодные мобилизации обсервационных войск, которые постепенно требуются все реже и исчезают к середине 50-х гг. Это большое дело требовало, конечно, крупных средств, и материальных и личных, но закрепляло восстановление государственной территории и ее безопасность. Закрепленные за Москвою южные области привлекают новых поселенцев не только из великорусского центра, но и из-за польского рубежа: в 1638 г., после усмирения казацкого восстания, целый полк гетмана Остринина поселился у Чугуева городища. Казаков наделили землей, денежным и хлебным жалованьем и назначили к сторожевой пограничной службе. Однако эта первая волна малорусского переселенческого движения, получившего столь широкое развитие во вторую половину XVII столетия, скоро схлынула обратно. Большая часть казаков ушла в 1643 г. назад в Польшу от нелегкой московской службы и вовсе тяжких московских воевод.

Медленно восстанавливались и русское колонизационное движение в Поволжье. В первую четверть XVII в. мирная колонизация двинулась за Каму и устраивалась тут в многоземельных местах, не требуя правительственной поддержки. Но в 30-х гг. восточная окраина увидела новую силу — калмыков, перекочевывавших из Азии. В 40-х пошла постройка укреплений за Камою «для обереганья от приходу калмыцких людей», приведшая в 50-х к организации закамской черты. Под защитой но-

вых укреплений усилилось в начале царствования Михаила Федоровича заселение «прихожими людьми разных городов» Самарской Луки и берегов вниз по Волге. Впрочем, в этом направлении развитие русской колонизации за всю первую половину XVII в. весьма незначительно. Но русскую силу тянули на восток богатые промысловые угодья и свобода земли. Пионеры этого движения достигли в царствование Михаила Федоровича берегов Охотского моря и начали заселение берегов Енисея и Лены. В 1619 г. возник Енисейск как опорный пункт подчинения тунгусов, в 1620 г. — Красноярск, центр господства над инородцами Верхнего Енисея. Отсюда поступательное движение русских направилось на подчинение тунгусов и бурят. Самочинными действиями сибирских казаков захвачены были пункты по Лене; и Якутский острог, построенный в 1672 г., как и ряд других укрепленных пунктов, намечали этапы этого движения и исходные точки его дальнейшего развития. В 40-х гг. русские люди стали уже твердой ногой в Анадырском краю, Забайкалье и проникли на Амур. Разбросанные на огромных пространствах Сибири русские городки и остроги точно намечали вчерне будущее освоение этой территории русской колонизацией и русским государством. На юге — укрепленная граница определила лишь временный этап русского векового движения к Черному морю. На востоке — граница, неопределенная, расплывающаяся в неисследованных пространствах, беспокойная частыми столкновениями с инородческими племенами, манила легкой добычей для предприимчивости населения и казны государевой. На западе два «вечных» мира с обоими вековыми врагами, закрепившие потерю давних и важных приобретений — морского берега и западных украин — служили не столько гарантией покоя, сколько напоминанием о неизбежном возобновлении борьбы за культурные и торговые пути в Западную Европу и за

национальное господство объединенной народности в Восточно-Европейской равнине. Эти западные отношения тесно сплетались с задачей умиротворения южных окраин избавлением от изнурительной и непрерывной крымской опасности и приобретения для русского народного хозяйства драгоценного земельного капитала черноземной и степной полос. В начале царствования Алексея Михайловича новые набеги крымцев заставили московское правительство задуматься над планом решительного наступления на татарское разбойничье гнездо. Но действия русских войск с помощью донцов справедливо представлялись недостаточными для действительного удара на Крым, особенно при ненадежных и неустойчивых отношениях к западному соседу. Подготавливая наступление, Москва в 1646 г. начала переговоры с Польшей о союзе против хана: они не замедлили разбиться о ряд взаимных недоразумений и враждебных счетов. Москва должна была понять, что только утверждение ее собственной власти на киевском юге даст необходимую базу для разрешения черноморской задачи. Так восстановленное из великой разрухи государство постепенно очертило круг внешних своих отношений в духе продолжения и расширения традиционных течений московской политики. Эти течения определились в XVI и начале XVII в. общими историко-географическими условиями Восточной Европы, но их развитие оказалось приостановленным в эпоху внутреннего кризиса. Возродив с огромными усилиями разбитую Смутой организацию своих сил, Московское государство полстолетия потратило на то, чтобы укрепиться на позициях, какие удалось удержать за собой. Это время сосредоточения национальной силы накануне нового периода ее наступательных движений. Внутренние смуты в Речи Посполитой подготовили в середине столетия глубокий переворот в международных отношениях

Восточной Европы, изменивший в корне не только внешнее положение, но и внутренний смысл московской государственной работы. В борьбе за Малороссию Московское государство вышло на тот путь, который привел ее к перерождению в Российскую империю, одну из великих европейских держав.

А. Пресняков

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(Опыт характеристики)

Далеко ушло то время, когда наши ученые и публицисты считали XVII в. в русской истории временем спокойной косности и объясняли необходимость Петровской реформы мертвящим застоением московской жизни. Теперь мы уже знаем, что эта московская жизнь в XVII в. была сердитым ключом и создавала горячих бойцов как за старые, колеблемые ходом истории идеалы, так и за новый уклад жизни. Боевые фигуры протопопа Аввакума и Никона более знакомы нам, чем тихие образы преподобного Дионисия и «милостивого мужа» Федора Михайловича Ртищева; но и последние, как первые, отдали свою энергию на поиски новых начал жизни для того, чтобы ими осветить и облагородить серую московскую действительность. Явись среди взбаламученного московского общества середины XVII в. такой культурный вождь, каким был Петр Великий,— культурный перелом в Московской Ру-

си мог бы обозначиться раньше, чем это произошло на самом деле. Но такого вождя не явилось. Напротив, во главе Московского государства стоял тогда любопытный и приятный, но более благородный, чем практически полезный правитель. Иначе не можем определить знаменитого царя Алексея Михайловича.

Не такова натура была у царя Алексея Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой-нибудь идеей, он мог энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолевать неудачи, всего себя отдать практической деятельности, как отдал себя Петр. Сын и отец совсем несходны по характеру: в царе Алексее не было той инициативы, которая отличала характер Петра. Стремление Петра всякую мысль претворять в дело совсем чуждо личности Алексея Михайловича, мирной и созерцательной. Боевая, железная натура Петра вполне противоположна живой, но мягкой натуре его отца.

Негде было царю Алексею выработать себе такую крепость духа и воли, которая дана Петру, помимо природы, впечатлениями детства и юности. Царь Алексей рос тихо в тереме московского дворца, до пятилетнего возраста окруженный многочисленным штатом мамок, а затем, с пятилетнего возраста, переданный на попечение дядьки, известного Бориса Ивановича Морозова. С пяти лет стали его учить грамоте по букварю, перевели затем на часовник, Псалтырь и апостольские деяния, семи лет научили писать, а девяти стали учить церковному пению. Этим, собственно, и закончилось образование. С ним рядом шли забавы: царевичу покупали игрушки; был у него, между прочим, конь «немецкого дела», были латы, музыкальные инструменты и санки потешные, — словом, все обычные предметы детского развлечения. Но была и любопытная для того времени новинка — «немецкие печатные листы», т. е. гравированные в Германии картинки, которыми Морозов пользовался,

говорят, как подспорьем при обучении царевича. Дарили царевичу и книги; из них составила у него библиотека числом в 13 томов. На 14-м году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лет царевич осиротел (потерял и отца и мать) и вступил на московский престол, не видев ничего в жизни, кроме семьи и дворца. Понятно, как сильно было влияние боярина Морозова на молодого царя: он заменил ему отца.

Дальнейшие годы жизни царя Алексея дали ему много впечатлений и значительный житейский опыт. Первое знакомство с делом государственного управления; необычные волнения в Москве в 1648 г., когда «государь к Спасову образу прикладывался», обещая восставшему «миру» убрать Морозова от дел, «чтоб миром уголилися»; путешествие в Литву и Ливонию в 1654—1655 гг., на театр военных действий, где царь видел у ног своих Смоленск и Вильну и был свидетелем военной неудачи под Ригею, — все это развивающим образом подействовало на личность Алексея Михайловича, определило эту личность, сложило характер. Царь возмужал, из неопытного юноши стал очень определенным человеком, с оригинальной умственной и нравственной физиономией.

Современники искренно любили царя Алексея Михайловича. Самая наружность царя сразу говорила в его пользу и влекла к нему. В его живых голубых глазах светилась редкая доброта; взгляд этих глаз, по отзыву современника, никого не пугал, но ободрял и обнадеживал. Лицо государя, полное и румяное, с русою бородой, было благодушно-приветливо и, в то же время, серьезно и важно, а полная (потом чересчур полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный вид Алексея Михайловича ни в ком не будил страха: понимали, что не личная гордость царя создала эту осанку, а сознание важности и святости сана, который Бог на него возложил.

Привлекательная внешность отражала в себе, по общему мнению, прекрасную душу. Достоинства царя Алексея с некоторым восторгом описывали лица, вовсе от него независимые, — именно далекие от царя и от Москвы иностранцы. Один из них, например, сказал, что Алексей Михайлович «такой государь, какого желали бы иметь все христианские народы, но немногие имеют» (Рейтенфельс). Другой поставил царя «наряду с добрейшими и мудрейшими государями» (Коллинс). Третий отозвался, что «царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями»; «он покориł себе сердца всех своих подданных, которые столько любят его, сколько и благоговеют перед ним» (Лизек). Четвертый отметил, что, при неограниченной власти своей в рабском обществе, царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (Мейерберг). Эти отзывы получают еще большую цену в наших глазах, если мы вспомним, что их авторы вовсе не были друзьями и поклонниками Москвы и москвичей. Совсем согласно с иноземцами и русский эмигрант Котошихин, сбросивший с себя не только московское подданство, но даже и московское имя, по-своему очень хорошо говорит о царе Алексее, называя его «гораздо тихим».

По-видимому, Алексей Михайлович всем, кто имел случай его узнать, казался светлою личностью и всех удивлял своими достоинствами и приятностью. Такое впечатление современников, к счастью, может быть проверено материалом, более прочным и точным, чем мнения и отзывы отдельных лиц, — именно письмами и сочинениями самого царя Алексея. Он очень любил писать и в этом отношении был редким явлением своего времени, очень небогатого мемуарами и памятниками частной корреспонденции. Царь Алексей с необыкновенною охотою сам брался за перо или же начинал дик-

товать свои мысли дьякам. Его личные литературные попытки не ограничивались составлением пространственных, литературно написанных писем и посланий¹. Он пробовал сочинять даже вирши (несколько строк, «которые могли казаться автору стихами», по выражению В. О. Ключевского). Он составил «уложение сокольничья пути», т. е. подробный наказ своим сокольникам. Он начинал писать записки о польской войне. Он писал деловые бумаги, имел привычку своеручно поправлять текст и делать прибавки в официальных грамотах, причем не всегда попадал в тон приказного изложения. Значительная часть его литературных попыток дошла до нас, и притом дошло по большей части то, что писал он во времена своей молодости, когда был свежее и откровеннее и когда жил полнее. Этот литературный материал замечательно ясно рисует нам личность государя и вполне позволяет понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексей высказывался очень легко, говорил почти всегда без обычной в те времена риторики, любил, что называется, поговорить и пофилософствовать в своих произведениях.

При чтении этих произведений прежде всего бросается в глаза необыкновенная восприимчивость и впечатлительность Алексея Михайловича. Он жадно впитывает в себя, «яко губа напояема», впечатления от окружающей его действительности. Его занимает и

¹ Много писаний царя Алексея издано: 1) П. Н. Бартенев «Собрание писем царя Алек. Мих.». М., 1856; 2) «Записки отделения славянской и русск. археологии Имп. русск. археол. общества», т. II; 3) «Сборник моск. архива М. Ин. дел, т. V; 4) Соловьева «История России», т. XI и XII. Не раз эти писания вызывали ученых на характеристики Алексея Михайловича. Отметим характеристики С. М. Соловьева (в конце XII тома «Истории России»), И. Е. Забелина (в «Опытах изучения русских древностей и истории»), Н. И. Костомарова (в «Русской истории в жизнеописаниях»), В. О. Ключевского (в «Курсе русской истории», т. III).

волнует все одинаково: и вопросы политики, и военные реляции, и смерть патриарха, и садоводство, и вопрос о том, как петь и служить в церкви, и соколиная охота, и театральные представления, и буйство пьяного монаха в его любимом монастыре... Ко всему он относится одинаково живо, все действует на него одинаково сильно: он плачет после смерти патриарха и доходит до слез от выходок монастырского казначея: «до слез стало! видит чудотворец (Савва), что во мгле хожу», пишет он этому ничтожному казначею Саввина монастыря. В увлечении тем или иным предметом царь не делает видимого различия между важным и неважным. О поражении своих войск и о монастырской драке пишет он с равным одушевлением и вниманием. Описывая своему двоюродному брату (по матери) Аф. Ив. Матюшкину бой при г. Валке 19 июня 1657 г., царь пишет: «Брат! буди тебе ведомо: у Матвея Шереметева был бой с немецкими людьми. И дворяне издрогали и побежали все, а Матвей остался в отводе и сорвал немецких людей. Да навстречу иные пришли роты, и Матвей напустил и на тех с небольшими людьми, да лошадь повалилась, так его и взяли! А людей наших всяких чинов 51 человек убит да ранено 35 человек. И то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали; а сами плачут, что так грех учинился!.. А с кем бой был, и тех немец всего было две тысячи; наших и болши было, да так грех пришел. А о Матвее не тужи: будет здоров, вперед ему к чести! Радуйся, что люди целы, а Матвей будет по-прежнему»¹. Царь сочувствует храброму Шереметеву и радуется, что целы, благодаря бегству, его «издрогавшие» люди. Позор поражения он готов объяснить «грехом» и не только не держит гнева на виновных, но душевно жалеет их. Ту же степень внимания, только не

¹ Бартенев, стр. 54–55.

сочувственного, царь уделяет и подвигам помянутого саввинского казначея Никиты, который стрелецкого десятника, поставленного в монастырь, зашиб посохом в голову, а оружие, седла и зипуны стрелецкие велел выметать вон за двор. Царь составил Никите послание (вместо простой приказной грамоты) «от царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии врагу Божию и богоненавистцу и хриstopродавцу и разорителю чудотворцова дома (т. е. Саввина монастыря) и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злему пронырливому злодею казначею Никите». В этом послании Алексей Михайлович спрашивал Никиту: «кто тебя, сиротину, спрашивал над домом чудотворцовым да и надо мною, грешным, властвовать? кто тебе сию власть мимо архимарита дал, что тебе без его ведома стрельцов и мужиков моих михайловских бить?» Так как Никита счел себе бесчестьем, что стрельцы расположились у его кельи, то царь обвинил монаха в сатанинской гордости и восклицал: «дорого добре, что у тебя, скота, стрельцы стоят! лучше тебя и честнее тебя и у митрополитов стоят стрельцы по нашему указу!.. дороги ль мы пред Богом с тобою и дороги ль наши высокосердечные мысли, доколе отвращаемся, доколе не всюю душою и не всем сердцем заповеди Его творим?»... За самоуправство царь налагал на монаха позорное наказание: с цепью на шее и в кандалах Никиту стрельцы должны были свести в его келью после того, как ему «пред всем собором» прочтут царскую грамоту. А за «роптание спесивое» царь грозил монаху жаловаться на него чудотворцу и просить суда и обороны пред Богом.

Так живо и сильно, доходя до слез и до «мглы» душевной, переживал царь Алексей Михайлович все то, что забирало его за сердце. И не только исключительные события его личной и государственной жизни, но и самые обыкновенные частности повседневного быта легко

поднимали его впечатлительность, доводя ее порою до восторга, до гнева, до живой жалости. Среди серьезных писем к Аф. Ив. Матюшкину есть одно — все сплошь посвященное двум молодым соколам и их пробе на охоте. Алексей Михайлович с восторгом описывает, как он «отведывал» этих «дикомытов» и как один из них «безмерно какво хорошо летел» и «милостию Божией и твоими (Матюшкина) молитвами и счастием» отлично «заразил» утку: «как ее мякнет по шее, так она

Царица Мария Ильинична

десятью перекинулась» (т. е. десять раз перевернулась при падении). В деловой переписке с Матюшкиным царь не упускает сообщить ему и такую малую, например, новость: «да на нашем стану в селе Танинском новый сокольник Мишка Семенов сидел у огня да, вздремав, упал в огонь, и ево из огня вытащили; немного не згорел, а как в огонь упал, и того он не слышал»...¹ Во время морового поветрия 1654—1655 гг. царь уезжал от своей семьи на войну и очень беспокоился о своих родных. «Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь от заморнова ото всякой вещи», — писал он своим сестрам, —

¹ Бартнев, стр. 70, 23.

не презрите прошения нашего!» Но в то самое время, когда война и мор, казалось, сполна занимали ум Алексея Михайловича и он своим близким с тоскою в письмах «от мору велел опасатца», он не удержался, чтобы не описать им поразившее его в Смоленске весеннее половодье. «Да будет вам ведомо,— пишет он,— на Днепре был мост 7 сажен над водою; и на Фоминой неделе прибыло столько, что уже с мосту черпают воду; а чаю, и поимет (мост)»¹... Рассказывают, будто бы однажды в докладе царю из кормового дворца было указано, что квасы, которые там варили на царский обиход, не удались: один сорт кваса вышел так плох, что разве только стрельцам спить. Алексей Михайлович обиделся за своих стрельцов и на докладе раздраженно указал докладчику: «сам выпей!»

Мудрено ли, что такой живой и восприимчивый человек, как царь Алексей, мог быть очень вспльчив и подвижен на гнев. Несмотря на внешнее добродушие и действительную доброту, Алексей Михайлович, по живости духа, нередко давал волю своему неудовольствию, гневался, бранился и даже дрался. Мы видели, как он бранил «сиротину» монаха за его грубые претензии. Почти так же доставалось от «гораздо-тихого» царя и людям высших чинов и более высокой породы. В 1658 г., недовольный князем Ив. Ан. Хованским за его местническое высокомерие и за ссору с Аф. Лавр. Ординым-Нащокиным, Алексей Михайлович послал сказать ему царский выговор с такими, между прочим, выражениями: «тебя, князя Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, и тебе свою службою возноситься не надобно; ...великий государь велел тебе сказать имянно, что за непослушание и за Афанасия (Ордина-Нащокина) тебе и всему роду твоему

¹ Сборник М. Архива Мин. Ин. Дел, V, Письма, стр. 26 — 27.

быть разорену»¹. В другой раз (1660 г.), сообщая Матюшкину о поражении этого своего «избранника» князя Хованского-Тараруя, царь виною поражения выставлял «ево беспутную дерзость» и с горем признавался, что из-за военных тревог сам он «не ходил на поле тешиться июня с 25 числа июля по 5 число, и птичей промысл поизмешался»². Несмотря, однако, на беспутную дерзость и «дурость» князя Хованского, Алексей Михайлович продолжал его держать у дел до самой кончины: вероятно, «тараруй» (т. е. болтун) и «дурак» обладал и положительными деловыми качествами. (Надобно вспомнить, что в ужасные дни стрелецкого бунта 1682 г. правительство решилось поставить именно этого тараруя во главе Стрелецкого приказа.) Еще крепче, чем Хованскому, писал однажды царь Алексей Михайлович «врагу креста Христова и новому Ахитофелу князю Григорью Ромодановскому». За малую, по-видимому, вину (не отпустил вовремя солдат к воеводе С. Змееву) царь послал ему такие укоры: «Воздаст тебе Господь Бог за твою к нам, великому государю, прямую сатанинскую службу!.. И ты дело Божие и наше государево потерял, потеряет тебя самого Господь Бог!.. И сам ты, треокаянный и бесславный ненавистник рода христианского — для того, что людей не послал, — и нам верный изменник и самого истинного сатаны сын и друг диаволов, впадешь в бездну преисподнюю, из нее же никто не возвращался... Вконец ведаем, завистниче и верный наш непослушниче, как то дело ухищренным и злопронырливым умыслом учинил... Бог благословил и передал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке и на западе, и на юге и на севере вправду: и мы Божии дела и наши государевы на всех странах полагаем — смотря по человеку, а не всех

¹ Соловьев, кн. III, стр. 62.

² Бартенев, стр. 65.

стран дела тебе одному, ненавистнику, делать, для того: невозможно естеству человеческому на все страны делать, один бес на все страны мещется!..»¹ Но отругав на этот раз князя Гр. Г. Ромодановского, царь в другое время шлет ему милостивое «повеление» в виде виршей:

Рабе Божий! дерзай о имени Божи
И уповай всем сердцем: подаст Бог победу!
И любовь и совет великой имей с Брюховецким,
А себя и людей Божних и наших береги крепко

и т. д.

Стало быть, и Ромодановский, как Хованский, не всегда казался царю достойным хулы и гнева. Вспльчивый и бранчивый, Алексей Михайлович был, как видим, в своем гневе непостоянен и отходчив, легко и искренно переходя от брани к ласке. Даже тогда, когда раздражение государя достигало высшего предела, оно скоро сменялось раскаянием и желанием мира и покоя. В одном заседании Боярской думы, вспыхнув от бестактной выходки своего тестя боярина И. Д. Милославского, царь изругал его, побил и пинками вытолкал из комнаты. Гнев царя принял такой крутой оборот, конечно, потому, что Милославского по его свойствам и вообще нельзя было уважать. Однако добрые отношения между тестем и зятем от того не испортились: оба они легко забыли происшедшее. Серьезнее был случай со старым придворным человеком, родственником царя по матери, Родионом Матвеевичем Стрешневым, о котором Алексей Михайлович был высокого мнения. Старик отказался, по старости, от того, чтобы вместе с царем «отворить» себе кровь. Алексей Михайлович вспылil, потому что отказ представился ему высокоумием и гордостью, и ударил Стрешнева. А потом он не знал, как задобрить и

¹ Соловьев, III, стр. 607.

утешить почитаемого им человека, просил мира и слал ему богатые подарки.

Но не только тем, что царь легко прощал и мирился, доказывается его душевная доброта. Общий голос современников называет его очень добрым человеком. Царь любил благотворить. В его дворце, в особых палатах, на полном царском иждивении жили так называемые «верховые» (т. е. дворцовые) «богомольцы», «верховые нищие» и «юродивые». «Богомольцы» были древние старики, почитаемые за старость и житейский опыт, за благочестие и мудрость. Царь в зимние вечера слушал их рассказы про старое время — о том, что было «за тридцать и за сорок лет и больши». Он покоил их старость так же, как чтит безумие Христа ради юродивых, делавшее их неумытными и бесстрашными обличителями и пророками в глазах всего общества того времени. Один из таких юродивых, именно Василий «Босой» или «Уродивый» играл большую роль при царе Алексее, как его советник и наставник. О «брате нашем Василии» не раз встречаются почтительные упоминания в царской переписке¹. Опекая подобный люд при жизни, царь устраивал «богомольцам» и «нищим» торжественные похороны после их кончины и в их память учреждал «кормы» и раздавал милостыню по церквам и тюрьмам. Такая же милостыня шла от царя и по большим праздникам; иногда он сам обходил тюрьмы, раздавая подавание «несчастливым». В особенности пред «великим» или «светлым» днем св. Пасхи, на «страшной» неделе, посещал царь тюрьмы и богадельни, оделял милостынею и нередко освобождал тюремных «сидельцев», выкупал неоплатных должников, помогал неимущим и больным. В обычные для той эпохи рутинные формы «подачи» и «корма» нищим Алексей Михайлович умел внести сознательную стихию любви к добру и людям.

¹ Бартенев, стр. 198–200.

Не одна нищета и физические страдания трогали царя Алексея Михайловича. Всякое горе, всякая беда находили в его душе отклик и сочувствие. Он был способен и склонен к самым теплым и деликатным дружеским утешениям, лучше всего рисуящим его глубокую душевную доброту. В этом отношении замечательны его знаменитые письма к двум огорченным отцам: князю Никите Ивановичу Одоевскому и Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину об их сыновьях. У кн. Одоевского умер внезапно его «первенец», взрослый сын князь Михаил, в то время, когда его отец был в Казани. Царь Алексей сам особым письмом известил отца о горькой потере. Он начал письмо похвалами почившему, причем выразил эти похвалы косвенно — в виде рассказа о том, как чинно и хорошо обходились князь Михаил и его младший брат князь Федор с ним, государем, когда государь был у них в селе Вешнякове. Затем царь описал легкую и благочестивую кончину князя Михаила: после причастия он «как есть уснул; отнюдь рыдания не было, ни терзания». Светлые тоны описания здесь взяты были, разумеется, нарочно, чтобы смягчить первую печаль отца. А потом следовали слова утешения, пространные, порою прямо нежные слова. В основе их положена та мысль, что светлая кончина человека без страданий, «в добродетели и в покаянии добре», есть милость Господня, которой следует радоваться даже и в минуты естественного горя. «Радуйся и веселися, что Бог совсем свершил, изволил взять с милостию своею; и ты принимай с радостию сию печаль, а не в кручину себе и не в оскорбление». «Нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, — и прослезиться надобно, да в меру, чтоб Бога наипаче не прогневать!» Не довольствуясь словесным утешением, Алексей Михайлович пришел на помощь Одоевским и самым делом: принял на себя и похороны: «на все погребальные я послал (пишет он), сколько

Бог изволил, потому что впрямь узнал и проведаль про вас, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково у вас нет»¹. В конце утешительного послания царь своеручно приписал последние ласковые слова: «Князь Никита Иванович! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на нас будь надежен!»²

Горе Аф. Л. Ордина-Нащокина, по мнению Алексея Михайловича, было горше, чем утрата кн. Н. И. Одоевского. По словам царя, «тебе, думному дворянину, больше этой беды вперед уже не будет: больше этой беды на свете не бывает!» У Ордина-Нащокина убежал за границу сын, по имени Воин, и убежал, как изменник, во время служебной поездки, с казенными деньгами, «со многими указами о делах и с ведомостями». На просьбу пораженного отца об отставке царь послал ему «от нас, великого государя, милостивое слово». Это слово было не только милостиво, но и трогательно. После многих похвальных эпитетов «христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу» Афанасию Лаврентьевичу, царь тепло говорит о своем сочувствии не только ему, Афанасию, но и его супруге в «их великой скорби и туге». Об отставке своего «добрého ходатая и

Царь Алексей Михайлович

¹ Это место письма имеет, по-видимому, какой-то особый смысл. Что семья князей Одоевских далеко не была бедна, установил Ю. В. Арсеньев в своем исследовании «Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский» (Чтения Моск. Общ. Ист. и Др., 1903 г., кн. II).

² Бартенева, стр. 227, 232.

желателя» он не хочет и слышать, потому что не считает отца виноватым в измене сына. Царь и сам доверял изменнику, как доверял ему отец: «Будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и соглашение твое ему! И он, простец, и у нас, великого государя, тайно был, и не по одно время, и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова простоумьшенного яда под языком его не видали!» Царь даже пытается утешить отца надеждою на возвращение не изменившего якобы, а только увлекшегося юноши. «А тому мы, великий государь, не подивляемся, что сын твой сплутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хочет создания Владычня и творения руку Его видеть на сем свете; якоже и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от Святого Духа во святой купели, и к нам вскоре возвратится!»¹ Какая доброта и какой такт диктовали эти золотые слова утешения в беде, больше которой «на свете не бывает!» И царь оказался прав: Афанасьев «сынишка Войка» скоро вернулся из дальних стран во Псков, а оттуда в Москву, и Алексей Михайлович имел утешение написать А. Л. Ордину-Нащокину, что за его верную и радетельную службу он пожаловал сына его, вины отдал, велел свои очи видеть и написать по московскому списку с отпуском на житье в отцовские деревни².

Живая, впечатлительная, чуткая и добрая натура Алексея Михайловича делала его очень способным к добродушному веселью и смеху. Склонностью к юмору он напоминает своего гениального сына Петра; оба они любили пошутить и словом и делом. Среди писем к Ма-

¹ Соловьев, III, стр. 67–69.

² Там же, стр. 173–174.

тюшкину есть одно, написанное «тарабарски», нелегким для чтения шифром и сочиненное только затем, чтобы подразнить Матюшкина шутливым замечанием, что когда его нет, то некому царя покормить плохим хлебом «с закалою». «А потом будь здоров», — милостиво заключает царь свой намек на какую-то кулинарную оплошность его любимца¹. Другое письмо к Матюшкину все сплошь игриво. Царь пишет из «похода» и начинает поручением устроить маленький обман его сестер-царевен: «нарядись в ездовое (дорожное) платье да съезди к сестрам, будто ты от меня приехал, да спросай о здоровьи».

Любимый кот царя Алексея

Матюшкину, стало быть, приказано просто лгать царевнам, что он лично прибыл в Москву из того подмосковного «потешного» села, где тогда жил государь. Вслед за этим поручением царь Алексей сообщает Матюшкину: «тем утешаюся, что столников безпрестани купаю ежеутре в пруде... за то: кто не успеет к моему смотру, так того и купаю!» Очевидно, эта утеха не была жестокою, так как стольники на нее, видимо, напрашивались сами. Государь после купанья в отличие звал их к своему столу: «у меня купальщики те ядят вдоволь» — продолжает царь Алексей — «а иные говорят: мы де нарочком не поспеем, так де и нас выкупают, да и за стол посадят. Многие нарочком не поспевают»². Так тешился «гораздо тихий» царь, как бы прообразуя этим невинным купаньем стольников жестокие издевательства его сына Петра над вольными

¹ Летопись занятий Имп. Археограф. Комиссии, вып. X, стр. 38.

² Бартенов, стр. 77—78.

и невольными собутыльниками. Само собою приходит на ум и сравнение известной «книги, глаголемой Урядник сокольничья пути» царя Алексея с не менее известными церемониалами «всешутейшего собора» Петра Великого. Насколько «потеха» отца благороднее «шутовства» сына и насколько острый цинизм последнего ниже целомудренной шутки Алексея Михайловича! Свой шуточный охотничий обряд, «чин» производства рядового сокольника в начальные, царь Алексей обставил нехитрыми символическими действиями и тарабарскими формулами, которые не многого стоят по наивности и простоте, но в основе которых лежит молодой и здоровый охотничий энтузиазм и трогательная любовь к красоте птичьей природы. Тогда как у царя Петра служение Бахусу и Ивашке Хмельницкому приобретало характер культа, в «Уряднике» царя Алексея «пьянство» сокольника было показано в числе вин, за которые «безо всякие пощады быть сослану на Лену». Разработав свой «потешный» чин производства в сокольники и отдав в нем дань своему веселью, царь Алексей своеручно написал на нем характерную оговорку: «правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя николиже позабывайте: делу время и потехе час!»¹ Уменье соединять дело и потеху заметно у царя Алексея и в том отношении, что он охотно вводил шутку в деловую сферу. В его переписке не раз встречаем юмор там, где его не ждем. Так, сообщая в 1655 г. своему любимцу «верному и избранному» стрелецкому голове А. С. Матвееву разного рода деловые вести, Алексей Михайлович, между прочим, пишет: «посланник приходил от шведского Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла. Таков смышлен: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого

¹ Бартенев, стр. 89 и след.

глупца посланника!» Насмешливо отозвавшись вообще о ходах шведской дипломатии, царь продолжает: «Тако нам, великому государю, то честь, что (король) прислал обвестить посланника, а и думного человека. Хотя и глуп, да что же делать? така нам честь!»¹ В 1656 г. в очень серьезном письме сестрам из Кокенгаузена царь сообщал им подробности счастливого взятия этого крепкого города и не удержался от шутивно-образного выражения: «а крепок безмерно: ров глубокой — меньшей брат нашему кремлевскому рву, а крепостию — сын Смоленску граду: ей, чрез меру крепок!» Частная, не деловая переписка Алексея Михайловича изобилует такого рода шутками и замечаниями. В них нет особого остроумия и меткости, но много веселого благодушия и склонности посмеяться.

Такова была природа царя Алексея Михайловича, впечатлительная и чуткая, живая и мягкая, общительная и веселая. Эти богатые свойства были в духе того времени обработаны воспитанием. Алексея Михайловича приучили к книге и разбудили в нем умственные запросы. Склонность к чтению и размышлению развила светлые стороны натуры Алексея Михайловича и создала из него чрезвычайно привлекательную личность. Он был один из самых образованных людей московского общества того времени: следы его разносторонней начитанности, библейской, церковной и светской, разбросаны во всех его произведениях. Видно, что он вполне овладел тогдашней литературой и усвоил себе до тонкости книжный язык. В серьезных письмах и сочинениях он любит пускать в ход цветистые книжные обороты, но вместе с тем он не похож на тогдашних книжников-риторов, для красоты формы жертвовавших ясностью и даже смыслом. У царя Алексея продуман каждый его цветис-

¹ Соловьев, II, стр. 1680.

тый афоризм, из каждой книжной фразы смотрит живая и ясная мысль. У него нет риторического пустословия: все, что он прочел, он продумал; он, видимо, привык размышлять, привык свободно и легко высказывать то, что надумал, и говорил притом только то, что думал. Поэтому его речь всегда искренна и полна содержания. Высказывался он чрезвычайно охотно, и потому его умственный облик вполне ясен.

Чтение образовало в Алексее Михайловиче очень глубокую и сознательную религиозность. Религиозным чувством он был проникнут весь. Он много молился, строго держал посты и прекрасно знал все церковные уставы. Его главным духовным интересом было спасение души. С этой точки зрения он судил и других. Всякому виновному царь при выговоре непременно указывал, что он своим проступком губит свою душу и служит сатане. По представлению, общему в то время, средство ко спасению души царь видел в строгом последовании обрядности и поэтому очень строго соблюдал все обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппского, который был в России в 1655 г. с патриархом Макарием антиохийским и описал нам Алексея Михайловича в церкви и среди клира. Из этих записок всего лучше видно, какое значение придавал царь обрядам и как заботливо следил за точным их исполнением. Но обряд и аскетическое воздержание, к которому стремились наши предки, не исчерпывали религиозного сознания Алексея Михайловича. Религия для него была не только обрядом, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религиозным, царь думал вместе с тем, что не грешит, смотря комедию и лаская немцев. В глазах Алексея Михайловича театральное представление и общение с иностранцами не были грехом и преступлением против религии, но совершенно позволительным новшеством — и приятным и полезным. Однако

Обручение царя Алексея с Н. К. Нарышкиной

при этом он ревниво оберегал чистоту веры и, без сомнения, был одним из православнейших москвичей; только его ум и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православие, чем понимало его большинство его современников. Его религиозное сознание шло, несомненно, дальше обряда: он был философ-моралист, и его философское мировоззрение было строго религиозным. Ко всему окружающему он относился с высоты своей религиозной морали, и эта мораль, исходя из светлой, мягкой и доброй души царя, была не сухим кодексом отвлеченных нравственных правил, суровых и безжизненных, а звучала мягким, прочувствованным, любящим словом, сказывалась полным ясного житейского смысла теплым отношением к людям. Склонность к размышлению и наблюдению, вместе с добродушием и мягкостью природы, выработали в Алексее Михайловиче замечательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утешать. Высокий образец этой трогательной морали представляет упомянутое выше письмо царя к князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшего сына, князя Михаила. В этом письме ясно виден человек чрезвычайно деликатный, умеющий любить и понимать нравственный мир других, умеющий и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость понимания, способность дать нравственную оценку своему положению и своим обязанностям, сказывается в замечательном «статейном списке» или письме Алексея Михайловича к Никону, митрополиту новгородскому, с описанием смерти патриарха Иосифа¹. Вряд ли Иосиф пользовался действительно любовью царя и имел в его глазах большой нравственный авторитет. Но

¹ Бартенева, стр. 156 и след.

царь считал своею обязанностью чтить святителя и относиться к нему с должным вниманием. Поэтому он окружил больного патриарха своими заботами, посещал его, присутствовал даже при его агонии, участвовал в чине его погребения и лично самым старательным образом переписал «келейную казну» патриарха — «с полторы недели ежедень ходил» в патриаршие покои, как душеприказчик. Во всем этом Алексей Михайлович и даст добровольный отчет Никону, предназначенному уже в патриархи всея Руси. Надобно прочесть сплошь весь царский «статейный список», чтобы в полной мере усвоить его своеобразную прелесть. Описание последней болезни патриарха сделано чрезвычайно ярко, с полною реальностью, причем царь сокрушается, что упустил случай по московскому обычаю напомнить Иосифу о необходимости предсмертных распоряжений. «И ты меня, грешного, прости (пишет он Никону), что яз ему не вспомню о духовной и кому душу свою прикажет». Царь пожалел пугать Иосифа, не думая, что он уже так плох: «Мне молвить про духовную-ту, и помнить: вот де меня избывает!» Здесь личная деликатность заставила царя Алексея отступить от жесткого обычая старины, когда и самим царям в болезни их дьяки поминали «о духовной». Умершего патриарха вынесли в церковь, и царь пришел к его гробу в пустую церковь в ту минуту, когда можно было глазом видеть процесс разложения в трупе («безмерно пухнет», «лицо розно пухнет»). Царь Алексей испугался. «И мне прииде, — пишет он, — помышление такое от врага: побеге де ты вон, тотчас де тебя, вскоча, удавит!.. И я, перекрестясь, да взял за руку его, света, и стал целовать, а во уме держу то слово: от земли создан и в землю идет; чего бояться?.. Тем себя и оживил, что за руку-ту его с молитвой взял!» Во время погребения патриарха случился грех: «да такой грех, владыко святой: погребли без звону!.. а прежних патриархов с

звоном погребали». Лишь сам царь вспомнил, что надо звонить; так уж стали звонить после срока. Похоронив патриарха, Алексей Михайлович принялся за разбор личного имущества патриаршего с целью его благотворительного распределения; кое-что из этого имущества царь и распродал. Самому царю нравились серебряные «суды» (посуда) патриарха, и он, разумеется, мог бы их приобрести для себя: было бы у него столько денег, «что и вчетверо цену-ту дать», по его словам. Но государя удержало очень благородное соображение: «Да и в том меня, владыко святой, прости (пишет царь Никону): немного и я не покусился иным судам, да милостию Божиею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святой, ни маленькому ничему не точен!.. Не хочу для того: се от Бога грех, се от людей зазорно, а се какой я буду прикащик: самому мне (суды) имать, а денги мне платить себе ж!» Вот с какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совестливости выступает перед нами самодержец XVII в., боящийся греха от Бога и зазора от людей, подчиняющийся христианскому чувству свой суеверный страх!

То же чувство деликатности, основанной на нравственной вдумчивости, сказывается в любопытнейшем выговоре царя воеводе князю Юрию Алексеевичу Долгорукому¹. Долгорукий в 1658 г. удачно действовал против Литвы и взял в плен гетмана Гонсевского. Но его успех был следствием его личной инициативы: он действовал по соображению с обстановкою, без спроса и ведома царского. Мало того, он почему-то не известил царя вовремя о своих действиях и, главным образом, об отступлении от Вильны, которое в Москве не одобрили. Выходило так, что за одно надлежало Долгорукого хвалить, а за другое — порицать. Царь Алексей находил нуж-

¹ Соловьев, III, стр. 41—42.

ным официально выказать недовольство поведением Долгорукого, а неофициально послал ему письмо с мягким и милостивым выговором. «Похваляем тебя без вести (т. е. без реляции Долгорукого) и жаловать обещаемся», писал государь, но тут же добавил, что это похвала только частная и негласная: «и хотим с милостивым словом послать и с иною нашею государевою милостию, да нельзя послать: отписки от тебя нет, неведомо, против чего писать тебе!» Объяснив, что Долгорукий сам себе устроил «бесчестье», царь обращается к интимным упрекам: «Ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывал ни о чем! Писал к друзьям своим, а те — ей-ей! — про тебя же переговаривают да смеются, как ты торопишься, как и иное делаешь»... «Чаю, что князь Никита Иванович (Одоевский) тебя подбил; и его было слушать напрасно: ведаешь сам, какой он промышленник, послушаешь, как про него поют на Москве»... Но одновременно с горькими укоризнами царь говорит Долгорукому и ласковые слова: «Тебе бы о сей грамоте не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь; а сверх того сын твой скажет, какая немилость моя к тебе и к нему»!..

*Серебряный глобус
царя Алексея Михайловича*

«Жаль, конечно, тебя: впрямь Бог хотел тобою всякое дело в совершение не во многие дни привести... да сам ты от себя потерял!» В заключение царь жалует Долгорукого тем, что велит оставить свой выговор втайне: «а прочтя сию нашу грамоту и запечатав, прислать ее к нам с тем же, кто к тебе с нею приедет». Очень продумано, деликатно и тактично это желание царя Алексея добрым интимным внушением смягчить и объяснить официальное взыскание с человека, хотя и заслуженного, но формально провинившегося.

Во всех посланиях царя Алексея Михайловича, подобных приведенному, где царю приходилось обсуждать, а иногда и осуждать поступки разных лиц, бросается в глаза одна любопытная черта. Царь не только обнаруживает в себе большую нравственную чуткость, но он умеет и любит анализировать: он всегда очень пространно доказывает вину, объясняет, против кого и против чего именно погрешил виновный и насколько сильно и тяжело его прегрешение. Характернейший образец подобных рассуждений находим в его обращении к князю Григорию Семеновичу Куракину с выговором за то, что он (в 1668 г.) не поспешил на выручку гарнизонам Нежина и Чернигова¹. Царь упрекнул Куракина в недомыслии, в том, что он «притчею не промыслить, что будет» вследствие его промедления. «То будет (объясняет царь воеводе): первое — Бога прогневает... и кровь напрасно многую прольет; второе — людей потеряет и страх на людей наведет и торопость; третье — от великого государя гнев примет; четвертое — от людей стыд и срам, что даром людей потерял; пятое — славу и честь, на свете Богом дарованную, непристойным делом... отгонит от себя и вместо славы укоризны всякие и неудобные переговоры восприимет. И то все писано к

¹ Соловьев, III, стр. 606–607.

нему, боярину (заклучает Алексей Михайлович), хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дело Божие и его государево свершалось в добром полководстве, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалея его старости!» Наблюдения над такими словесными упражнениями приводят к мысли, что царь Алексей много и основательно размышлял. И это размышление состояло не в том только, что в уме Алексея Михайловича послушно и живо припоминались им читанные тексты и чужие мысли, подходящие внешним образом к данному времени и случаю. Умственная работа приводила его к образованию собственных взглядов на мир и людей, а равно и общих нравственных понятий, которые составляли его собственное философско-нравственное достояние. Конечно, это не была система мировоззрения в современном смысле; тем не менее в сознании Алексея Михайловича был такой отчетливый моральный строй и порядок, что всякий частный случай ему легко было подвести под его общие понятия и дать ему категорическую оценку. Нет возможности восстановить в общем содержании и системе этот душевный строй, прежде всего потому, что и сам его обладатель никогда не заботился об этом. Однако для примера укажем хотя бы на то, что, исходя из религиозно-нравственных оснований, Алексей Михайлович имел ясное и твердое понятие о происхождении и значении царской власти в Московском государстве, как власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы «рассуждать людей вправду» и «беспомощным помогать». Уже были выше приведены слова царя Алексея князю Гр. Гр. Ромодановскому: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере вправду». Для царя Алексея это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую он сознательно повторял всегда, когда его мысль

обращалась на объяснение смысла и цели его державных полномочий. В письме к князю Н. И. Одоевскому, например, царь однажды помянул о том, «как жить мне, государю, и вам, боярам», и на эту тему писал: «а мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя... чтобы Господь Бог... даровал нам, великому государю, и вам, бояром, с нами единомушно люди Его, Световы, рассудити вправду, всем равно»¹. Взятый здесь пример имеет цену в особенности потому, что для историка в данном случае ясен источник тех фраз царя Алексея, в которых столь категорически нашла себе определение, впервые в Московском государстве, идея державной власти. Свои мысли о существовании царского служения Алексей Михайлович черпал, по-видимому, из чина царского венчания² или же непосредственно из главы 9-й «Книги Премудрости Соломона». Не менее знаменательным кажется и отношение царя к вопросу о внешнем принуждении в делах веры. С заметною твердостью и смелостью мысли, хотя и в очень сдержанных фразах, царь пишет по этому вопросу митрополиту Никону, которого авторитет он ставил в те года необыкновенно высоко. Он просит Никона не томить в походе монашеским послушанием сопровождавших его светских людей: «не заставляй у правила стоять: добро, государь владыко святой, учить премудра — премудрее будет, а безумному — мозолие ему есть!» Он ставит Никону на вид слова одного из его спутников, что Никон «никого де силою не заставит Богу веровать»³. При всем почтении к митрополиту, «не в пример святу мужу», Алексей Михайлович, видимо, разделяет мысли несогласных с Никоном и терпевших от него подневольных постников и молитвенников. Нельзя

¹ Бартенев, стр. 225, 232.

² Е. В. Барсов, «Древнерусские памятники свящ. Венчания царей на царство», стр. 57, 82.

³ Бартенев, стр. 183–184.

силою заставить Богу верить — это, по всей видимости, убеждение самого Алексея Михайловича.

При постоянном религиозном настроении и напряженной моральной вдумчивости Алексей Михайлович обладал одною симпатичною чертою, которая, казалось бы, мало могла уживаться с его аскетизмом и склонностью к отвлеченному наставительному резонерству. Царь Алексей был замечательный эстетик — в том смысле, что любил и понимал красоту. Его эстетическое чувство сказывалось ярче всего в страсти к соколиной охоте, а позже — к сельскому хозяйству. Кроме прямых ощущений охотника и обычных удовольствий охоты с ее азартом и шумным движением, соколиная потеха удовлетворяла в царе Алексее и чувство красоты. В «Уряднике сокольничья пути» он очень тонко рассуждает о красоте разных охотничьих птиц, о прелести птичьего лета и удара, о внешнем изяществе своей охоты. Для него «его государевы красные и славные птичьи охоты» урядство или порядок «устанавливает и объявляет красоту и удивление»; высокого сокола лет — «красносмотрителен и радостен»; копцова (т. е. копчика) добыча и лет — «добровиден». Он следит за красотой сокольничьего наряда и оговаривает, чтобы нашивка на кафтанах была «золотная» или серебряная: «к какому цвету какая пристанет»; требует, чтобы сокольник держал птицу «подъявительно к видению человеческому и ко красоте кречатьей», т. е. так, чтобы ее рассмотреть было удобно и красиво. Элемент красоты и изящества вообще играет не последнюю роль в «урядстве» всего охотничьего чина царя Алексея. То же чувство красоты заставляло царя увлекаться внешним благочестием церковного служения и строго следить за ним, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность для внешней красоты. В записках Павла Алеппского можно видеть много примеров тому, как царь распоряжался в церкви, наводя порядок и красоту в

такие минуты, когда, по нашим понятиям, ему надлежало бы хранить молчание и благоговение. Не только церковные церемонии, но и парады придворные и военные необыкновенно занимали Алексея Михайловича с точки зрения «чина» и «урядства», т. е. внешнего порядка, красоты и великолепия. Он, например, с чрезвычайным усердием устраивал смотры и проводы своим войскам перед первым литовским походом, обставляя их торжественным и красивым церемониалом. Большой эстетический вкус царя сказывался в выборе любимых мест: кто знает положение Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигороде, излюбленного царем Алексеем Михайловичем, тот согласится, что это — одно из красивейших мест всей Московской губернии; кто был в селе Коломенском, тот помнит, конечно, прекрасные виды с высокого берега Москвы-реки в Коломенском. Мирная красота этих мест — обычный тип великорусского пейзажа — так соответствует характеру «гораздо тихого» царя.

Соединение глубокой религиозности и аскетизма с охотничьими наслаждениями и светлым взглядом на жизнь не было противоречием в натуре и философии Алексея Михайловича. В нем религия и молитва не исключали удовольствий и потех. Он сознательно позволял себе свои охотничьи и комедийные развлечения, не считал их преступными, не каялся после них. У него и на удовольствия был свой особый взгляд. «И зело потехася полевая утешает сердца печальные, — пишет он в наставлении сокольникам, — будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою... да не одолеют вас кручины и печали всякие». Таким образом, в сознании Алексея Михайловича охотничья потеха есть противодействие печали, и подобный взгляд на удовольствия не случайно соскользнул с его пера: по мнению царя, жизнь не есть печаль, и от печали нужно лечиться, нужно гнать ее — так и Бог велел. Он просит князя Одоевского не пла-

кать о смерти сына: «Нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно — да в меру, чтоб Бога наипаче не прогневать». Но если жизнь — не тяжелое, мрачное испытание, то она для царя Алексея и не сплошное наслаждение. Цель жизни — спасение души, и достигается эта цель хорошою благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнению царя, должна проходить в строгом порядке: в ней все должно иметь свое место и время; царь, говоря о потехе, напоминает своим сокольникам: «Правды же и суда и милостивые любве и ратного строя николиже позабывайте: делу время, и потехе час». Таким образом, страстно любимая царем Алексеем забава для него все-таки только забава и не должна мешать делу. Он убежден, что во все, что бы ни делал человек, нужно вносить порядок, «чин». «Хотя и мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, — никтоже зазрит, никтоже похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин и образец положен по мере». Чин и благоустройство для Алексея Михайловича — залог успеха во всем: «без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и восставляет безделье», говорит он. Поэтому царь Алексей Михайлович очень заботился о порядке во всяком большом и малом деле. Он только тогда бывал счастлив, когда на душе у него было светло и ясно, и кругом все было светло и спокойно, все на месте, все по чину. Об этом-то внутреннем равновесии и внешнем порядке более всего заботился царь Алексей, мешая дело с потехой и соединяя подвиги строгого аскетизма с чистыми и мирными наслаждениями. Такая непрерывно владевшая царем Алексеем забота позволяет сравнить его (хотя аналогия здесь может быть лишь очень отдаленная) с первыми эпикурейцами, искавшими своей «атараксии», безмятежного душевного равновесия, в разумном и сдержанном наслаждении.

До сих пор царь Алексей Михайлович был обращен к нам своими светлыми сторонами, и мы ими любовались. Но были же и тени. Конечно, надо счесть показательным и неискренним «смирением паче гордости» тот отзыв, какой однажды дал сам о себе царь Никону: «А про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божии и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский наричюся, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не токмо в цари!»¹ Злых и мерзких дел за царем Алексеем современники не знали, однако они иногда бывали им недовольны. В годы его молодости, эпоху законодательных работ над Уложением (1649), настроение народных масс было настолько неспокойно, что многие давали волю языку. Один из озлобленных реформами уличных озорников Савинка Коренин болтал на Москве про юного государя, что «царь глуп, глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского: они всем владеют и сам государь все это знает да молчит; чорт у него ум отнял»². Мысль, что царь «глядит изо рта» у других, мелькает и позднее. В поведении коломенского архиепископа Иосифа (1660–1670) вскрывались не раз его беспощадные отзывы о царе Алексее и боярах. Иосиф говаривал про великого государя, что «не умеет в царстве никакой расправы сам собою чинить, люди им владеют», а про бояр, что «бояре — Хамов род, государь того и не знает, что они делают». В минуты большого раздражения Иосиф обзывал Алексея Михайловича весьма презрительными бранными словами, которых общий смысл обличал царя в полной неспособности к делам³. Встречаясь с такими отзывами, не знаешь, как следует их истолковать и как их можно примирить со многими свидетельствами о разуме и ши-

¹ Бартенев, стр. 152.

² Ключевский, Курс III, стр. 170; мягче у Соловьева, II, стр. 1524.

³ Соловьев, III, стр. 745–746.

роких интересах Алексея Михайловича. «Гораздо тихий» царь был ведь тих добротой, а не смыслом; это ясно для всех, знакомых с историческим материалом. Только пристальное наблюдение открывает в натуре царя Алексея две такие черты, которые могут осветить и объяснить существовавшее недовольство им.

При всей своей живости, при всем своем уме царь Алексей Михайлович был безвольный и временами малодушный человек. Пользуясь его добротой и безволием, окружавшие не только своевольничали, но забирали власть и над самим «тихим» государем. В письмах царя есть удивительные этому доказательства. В 1652 г. он пишет Никону, что дворецкий князь Алексей Михайлович Львов «бил челом об отставке». Это был возмутительный самоуправец, много лет безнаказанно сидевший в приказе Большого дворца¹. Царь обрадовался, что можно избавиться от Львова, и «во дворец посадил Василья Бутурлина». С наивною похвалбою он сообщает Никону: «А слово мое ныне во дворце добре страшно, и (все) делается без замотчанья!» Стало быть, такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и так велика была слабость государя, что он не мог сам избавиться от своего дворецкого! После этого примера становится понятным, что около того же времени и ничтожный приказный человек Л. Плещеев мог цинично похваляться, что «про меня де ведает государь, что я зернщик (т. е. игрок)!.. у меня де Москва была в руке вся, я де и боярам указывал!»² В упоминании государя Плещеевым мелькает тот же намек на отсутствие страха пред государевым именем и словом, как и в наивном письме самого государя. Любопытно, что при-

¹ О его злоупотреблениях см. нашу статью «Московское правительство при первых Романовых», стр. 54—55.

² «Чтения Моск. Общ. Ист. и Др.», 1890 г., III, Материалы Зерцалова, стр. 186.

*Оберегатель царственной большой печати
и государственных посольских дел (1667–1670)*

боярин А. Л. Ордин-Нащокин

дворные и приказные люди не только за глазами у доброго царя давали себе волю, но и в глаза ему осмеливались показывать свои настроения. В походе 1654 г. окружавшие Алексея Михайловича, по его словам в письме кн. Трубецкому, «едут с нами отнюдь не единогодушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благополезным воздухом и благонадежным и уповательным явятся; иногда зноем и яростью и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся; иногда злым отчаянием и погибель прорицают, иногда тихостью и бедностью лица своего отходят лукавым сердцем... А мне уже, Бог свидетель, каково становится от двоедушия того, отнюдь упования нет!»¹ При отсутствии твердой воли в характере царя Алексея он не мог взять в свои руки настроение окружающих, не мог круто разделаться с виновными, прогнать самоуправца. Он мог вспыхнуть, выбранить, даже ударить, но затем быстро сдавался и искал примирения. Он терпел князя Львова у дел, держал около себя своего плохого тестя Милославского, давал волю безмерному властолюбию Никона — потому, что не имел в себе силы бороться ни с служебными злоупотреблениями, ни с придворными влияниями, ни с сильными характерами. Не истребить зло с корнем, не убрать непригодного человека, а найти компромисс и паллиатив, закрыть глаза и спрятать, как страус, голову в куст, — вот обычный прием Алексея Михайловича, результат его маловолия и малодушия. Хуже всего он чувствовал себя тогда, когда видел неизбежность вступить открыто в какое-либо неприятное дело. Малодушно он убегал от ответственных объяснений и спешил заслониться другими людьми. Сообщив Никону в письме о неудовольствиях на него, существующих среди его окружающих, царь сейчас же оговаривается: «И тебе бы, владыко святой, по-

¹ Соловьев, II, стр. 1664.

жаловать — сие писание сохранить и скрыть втайне! ...да будет и изволишь ему (жалобщику) говорить, и ты, владыко святой, говори от своего лица, будто к тебе мимо меня писали (о его жалобах)». Желание стать в стороне стыдит, по-видимому, самого Алексея Михайловича, и он предлагает Никону отложить объяснение с недовольным на него боярином до Москвы: «Здесь бы передо мною вы с очей на очи переведались», предлагает он, разумеется, в надежде, что время до очной ставки уничтожит остроту неудовольствий и смягчит врагов¹. Душевым малодушием доброго государя следует объяснить его вкус к письменным выговорам: за глаза можно было написать много и сильно, грозно и красиво; а в глаза бранить — трудно и жалко. В глаза бранить кого-либо царю Алексею было можно только в минуты кратковременных вспышек горячего гнева, когда у него вместе с языком развязывались и руки.

Итак, слабость характера была одним из теневых свойств царя Алексея Михайловича. Другое его отрицательное свойство легче описать, чем назвать. Царь Алексей не умел и не думал работать. Он не знал поэзии и радостей труда и в этом отношении был совершенною противоположностью своему сыну Петру. Жить и наслаждаться он мог среди «малой вещи», как он называл свою охоту и как можно назвать все его иные потехи. Вся его энергия уходила в отправление того «чина», который он видел в вековом церковном и дворцовом обиходе. Вся его инициатива ограничивалась кругом приятных «новшеств», которые в его время, но независимо от него, стали проникать в жизнь московской знати. Управление же государством не было таким делом, которое царь Алексей желал бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные

¹ Бартенев, стр. 183—184.

люди. Сначала за царя Алексея правил Борис Ив. Морозов, потом настала пора князя Никиты Ив. Одоевского; за ним стал временщиком патриарх Никон, правивший не только святительские дела, но и царские; за Никоном следовали Ордин-Нащокин и Матвеев. Во всякую минуту деятельности царя Алексея мы видим около него доверенных лиц, которые правят. Царь же, так сказать, присутствует при их работе, хвалит их или спорит с ними, хлопочет о внешнем «урядстве», пишет письма о событиях, — словом, суетится кругом действительных работников и деятелей. Но ни работать с ними, ни увлекать их властной волею боевого вождя он не может. Малый пример из нашей современности наглядно покажет, что и такие люди могут считаться нужными. Нам довелось видеть, как по овражистым берегам Быстрой Сосны везли большой тяжести машину в сельскую экономию. Везли кони, и с ними билось на подъемах и тащило груз много народу. И народ спрашивал: «А кто ж нам кричать будет?» Необходим казался крик из праздного горла, чтобы давать ритм общей мускульной работе. Вот в общем государственном деле XVII в. царь Алексей и был таким человеком, который сам не работал, а своею суетою и голосом давал ритм для тех, кто трудился.

Добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочий, царь Алексей не мог быть бойцом и реформатором. Между тем течение исторической жизни поставило царю Алексею много чрезвычайно трудных и жгучих задач и внутри и вне государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссию, бесконечно трудная, — все это требовало чрезвычайных усилий правительственной власти и народных сил. Много критических минут пришлось тогда пережить нашим предкам, и все-таки бедная силами и средствами Русь успела выйти победительницей из внешней борьбы, успевала

кое-как справляться и с домашними затруднениями. Правительство Алексея Михайловича стояло на известной высоте во всем том, что ему приходилось делать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергии у деятелей; если не удавалось одно средство — для достижения цели искали новых путей. Шла, словом, горячая, напряженная деятельность, и за всеми деятелями эпохи во всех сферах государственной жизни видна нам добродушная и живая личность царя Алексея. Чувствуется, что ни одно дело не проходит мимо него: он знает ход войны; он желает руководить работой дипломатии; он в думу боярскую несет ряд вопросов и указаний по внутренним делам; он следит за церковной реформой; он в деле патриарха Никона принимает деятельное участие. Он везде, постоянно с разумением дела, постоянно добродушный, искренний и ласковый. Но нигде он не сделает ни одного решительного движения, ни одного резкого шага вперед. На всякий вопрос он откликнется с полным его пониманием, не устранился от его разрешения; но от него совершенно нельзя ждать той страстной энергии, какую отмечена деятельность его гениального сына, той смелой инициативы, какой отличался Петр.

Вот почему мы не вполне согласимся с отзывом сенатора князя Якова Долгорукого, который, по преданию, сказал однажды Петру Великому: «Государь! в ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения достоин. Главные дела государей — три: первое внутренняя расправа и главное дело ваше есть правосудие; в сем отец твой больше, нежели ты, сделал!..» Петр, конечно, сделал очень много; Алексей же только по-своему помогал делать тем, кого своею властью ставил к делам.

Проф. С. Платонов

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

I

Земские соборы возникли в XVI в.; XII в. принадлежит их расцвет, и он же видел их падение. Последовательная смена этих состояний, обозначая собой завершившийся цикл явлений в жизни соборов, предрасполагает видеть в их истории процесс эволюции, пережитый учреждением определенного типа. На вопрос, что такое земские соборы, привыкли слышать или думать про себя, что это — форма древнерусского представительства, видоизменения которой, устанавливаемые историческим наблюдением, выражают собой различные стадии развития представительного начала.

В действительности вопрос сложнее. Конечно, по общему своему значению земский собор стоит, в ряду го-

сударственных установлений, всего ближе к представительным учреждениям, как они сложились на Западе; но своеобразный ход русской истории сказался и здесь, направив развитие представительного начала совсем особыми путями. Строго говоря, это не был процесс эволюции, где последующее состояние приходит на смену предыдущему. За время своего исторического существования земские соборы испытали перемены и в своем строении, и в характере своей деятельности; но первоначальная организация оставалась при этом неизменной, и перемены по существу состояли только в том, что она осложнялась новыми элементами, которые несли с собой и новые функции. Таким образом, в применении к земским соборам, может быть, правильнее говорить не столько о различных стадиях развития представительства, сколько о различных его типах, совмещавшихся в одном учреждении.

Свой полный вид земский собор получил в XVII в., и в это время в его конструкции отчетливо выступают два элемента с самостоятельным характером: в одном из них легко узнать учреждение, действовавшее уже в XVI в. под названием «собора», а другой появляется рядом с первым в смутную эпоху, на рубеже XVI и XVII вв., как часть того целого, которое называлось тогда «советом всея земли». Относясь по времени возникновения к различным моментам исторической жизни русского общества, оба элемента в своем назначении и в своем составе отражают различные условия, их вызвавшие, и в истории соборного представительства обнаруживаются двумя как бы параллельными рядами явлений, сходящимися лишь в последнем моменте. Этим определяется порядок дальнейшего изложения: так как тот и другой из составных элементов собора в общей жизни учреждения имел свое особое значение, соответствовавшее его социально-политической природе, то характе-

ристика каждого в отдельности должна предшествовать изображению исторической судьбы целого.

II

Соборная организация, выработавшаяся в XVI в. и долго остававшаяся неизменной в XVII в., конечно, с наибольшей отчетливостью рисуется в документах XVI в., где не заслоняется элементами иного порядка. Более того, мы только и можем распознать и выделить ее в сложной конструкции собора XVII в., предварительно установивши ее отличительные черты по известиям предыдущего периода. Можно назвать два собора XVI в., мимо которых, по этой причине, не может пройти историк, желающий уяснить смысл явлений, которые наблюдаются в жизни соборного представительства за XVII в., это — соборы 1566 и 1598 гг.

Для понимания представительного учреждения важно знать, из какого источника его члены получают свои полномочия и каков его политический авторитет. Однако в документах, относящихся к соборам, мы не найдем прямых определений ни по тому, ни по другому вопросу: данные, которые в них содержатся, могут привести к ответу лишь косвенным образом, в качестве отправных пунктов при довольно сложных изысканиях. Это в полной мере должно быть применено и к названным соборам XVI в. Документы не говорят, составлялись ли эти соборы согласно общественному избранию или на основании какого-нибудь другого принципа; но в актах соборных находим перечни присутствовавших на соборах лиц, с распределением их по разным категориям, — это распределение по категориям и может дать исследователю руководящую нить. Можно в любом собрании

группировать людей очень различными способами, и каждый раз та или иная группировка покажет, какому свойству или каким чертам составляющих собрание лиц придавалось в данном случае значение, другими словами: обнаружить тот общий принцип, по отношению к которому устанавливаемые группы являются различными способами его выражения. Точно так же и группировка членов собора в актах, оттеняя определенную сторону в их общественном положении, тем самым намечает принцип, которым обуславливался их подбор, а отчасти и значение, которое за ними признавалось. Полученные таким путем выводы могут быть проверены (частью же и внушаются) указаниями тех же актов на обстоятельства, при каких происходил созыв соборов.

Собор 1566 г. созван был Иваном Грозным по вопросу о перемирии с Польшей. Члены собора обсуждали вопрос, «межи собой говорили», разбившись на группы, и по группам же подавали свои мнения. В соборном акте отдельно изложены мнения: 1) духовенства, 2) бояр и окольничих, 3) «дворян первая статья», 4) дворян и детей боярских «другие статьи», 5) торопецких помещиков, 6) луцких помещиков, 7) дьяков и приказных людей, 8) гостей, купцов и смольнян. У всех групп ответ по смыслу одинаков, но мотивировка его у каждой своя, и потому надо думать, что эта классификация не была только делом редактировавшего соборный акт дьяка, а имела под собой реальную почву в определенных комбинациях общественных элементов. Каким путем сложились эти комбинации и что они обозначают? Совершенно ясно, что выражающиеся в них различия между членами соборов не могут быть сведены к различиям сословным: с чисто сословной точки зрения 3-я, 4-я, 5-я и 6-я группы сливаются в одну, а 7-я и совсем не должна бы найти себе места в классификации, построенной на сословном принципе. Таким образом, судя по характеру

группировки членов собора в акте 1566 г., мы, прежде всего, можем сказать, какое значение нельзя придавать земскому собору: он не был сословным представительством, во всяком случае — не потребность в представительстве сословных интересов вызвала его к жизни. Еще менее, конечно, группировка соборного акта дает оснований видеть в земском соборе орган общесословного представительства: в качестве общесословных представителей члены собора должны были бы распределиться по местностям, и в то же время было бы совсем неуместно то подразделение их, какое видим в соборном перечне. Этот вывод заключает в себе указание, пока также только отрицательное, и на способ подбора соборного состава, делая предположение, что члены собора получали свои полномочия путем общественного избрания, почти парадоксом, поскольку общественное избрание имеет свое оправдание только в представительстве общественных интересов. С другой стороны, и внешние условия, при каких был созван собор 1566 г., исключают возможность того, чтобы при определении его состава применено было выборное начало. Присланные польским королем для переговоров послы прибыли в Москву 30 мая; предварительные переговоры с ними происходили в промежуток времени между 17—25 июня, а собор состоялся 28 июня. Так как решение обратиться к собору могло быть принято только по ознакомлении с польскими предложениями, то на созыв его приходится, очевидно, такой короткий срок, в течение которого нельзя произвести выборов при самых лучших условиях. Надо допустить, что собор составиля, за незначительными исключениями, из лиц, находившихся в тот момент в Москве.

Ответы, полученные до сих пор, имеют отрицательный характер; но классификация соборного перечня указывает и положительным образом то направление,

в каком надо искать решения вопроса. Некоторые группы в составе собора обнаруживают несомненное официальное происхождение. Ясно, с каким значением присутствовали на соборе архиепископы и епископы, архимандриты и игумены, бояре и окольничие, дьяки и приказные люди: все это лица, действовавшие в разных областях управления на разных ступенях административной лестницы. Удерживая и на соборе ту группировку, в какой распределялись они по разным центральным учреждениям (власти и Освященный собор, Боярская дума и приказы), они тем самым явно выдают, что источником их полномочий, как членов собора, было их служебное положение. Все эти люди явились на собор, как должностные лица, и, конечно, не по общественному избранию, а по призыву власти. Но со стороны правительства было бы, очевидно, только последовательным, если бы на том же основании призывались им и остальные члены собора.

Легче всего такое предположение оправдывается в применении к последней группе соборного списка, в которую входят гости, купцы и смольняне. По догадке В. О. Ключевского, купцы и смольняне соответствуют позднейшим гостиной и суконной сотням; если это верно, то здесь мы имеем перед собой московский торгово-промышленный класс в его исторических подразделениях. Эти подразделения и дают понять, каким образом торговые люди могли оказаться на соборе рядом с должностными чинами. В Московском государстве столичные капиталисты играли свою роль в общей администрации страны, являясь невольными агентами правительства по сбору пошлин, и самые группы, на которые распадался торгово-промышленный класс, обуславливались в половине XVI в., может быть, не столько бытовыми различиями, сколько особенностями возлагавшихся на их членов правительственных поруче-

ний в сфере финансовой администрации. Обязанностям отдельных групп соответствовали и особые права. Таким образом, каждая группа являлась своего рода государственным состоянием или, как говорили тогда, чином, причем на общественной лестнице эти чины располагались в известной градации, и принадлежность лица к тому или другому из них определялась степенью его годности к государственной службе. С этой точки зрения торгово-промышленная группа в целом может быть с полным правом поставлена в один ряд с чисто официальными группами соборного списка, и потому надо допустить, что и для нее так же, как для тех, основанием призыва на собор могло быть служебное значение. Все лица торгово-промышленного класса подали на соборе общее мнение и, судя по тому, совещались вместе; но в перечне составитель соборного акта тем не менее удержал их официальное подразделение, может быть, потому именно, что оно, отмечая служебную роль торговых людей, объясняло их появление на соборе.

С бóльшим трудом поддаются объяснению остальные группы. Общественное значение всех их одинаково: это дворянские группы. Значит, надо определить те различия в среде самого служилого дворянства, которые обусловили собой группировку его представителей, выражая, очевидно, в своей совокупности основание призыва их на собор. Указания на эти различия мы можем искать частью в названиях групп, частью в личном их составе. Прежде всего, что означают статьи, по которым делились на соборе дворяне и дети боярские? В документах этот термин всегда встречается с значением категорий, по которым производился надел поместьями, так что каждой категории соответствовало точно определенное количество земли. Подобными категориями пользовались только, как вспомогательными средствами, и потому самое число их определялось всякий раз в

Заглавный лист «Книги о избрании на престол Михаила Федоровича»

связи с различными соображениями, колеблясь между 2 и 10 (даже больше). В. О. Ключевский, исходя из наблюдения, что многие дворяне соборного списка принадлежали к тысяче отобранных в 1550 г. Грозным для пополнения столичного дворянства служилых людей из провинции, предполагал, что две статьи соборного списка соответствуют двум первым статьям Тысячной книги, куда по статьям (3-м) записывались тысячники при наделе подмосковными поместьями. Отсюда следовал вывод, играющий существенную роль в его теории соборного представительства, — что все присутствовавшие на соборе дворяне были столичными, причем те из них, которые не значатся в Тысячной книге, зачислены были в состав столичного дворянства позднее. Такое толкование термина с разных сторон встречает затруднения. Прежде всего, статьям Тысячной книги оно придает несвойственное им значение, делая их устойчивыми социальными подразделениями. После 1550 г. тысяча перестает упоминаться в документах, и, надо думать, ее история окончилась с первым же набором, так как пополнение столичного дворянства происходило впоследствии совсем не тем путем, какой устанавливался в указе 1550 г., т. е. без отношения к тысяче и ее статьям. Потому, вероятно, и соответствия между статьями Тысячной книги и соборного списка, строго говоря, нет: в первую статью соборного списка вошли дворяне, отнесенные в Тысячной книге ко второй и третьей статьям, и в то же время нет ни одного тысячника второй статьи, который бы попал во вторую же статью соборного списка: встречающиеся в последней тысячники все записаны в Тысячной книге по третьей статье. С другой стороны, среди дворян, присутствовавших на соборе, без сомнения, были и провинциальные, по преимуществу из «выбора», как назывались в XVI и XVII вв. провинциальные служилые люди высшего разряда, вызывавши-

еся в известном порядке в Москву для различных административных поручений. Особенно значительное число их, можно предполагать, было среди дворян второй статьи, из 99 представителей которой всего лишь 15 фамилий занесены в Тысячную книгу; по крайней мере, в одном только списке 1577 года 7 человек из этой статьи значатся среди «выбора»¹. Это обстоятельство, подрывая предположение Ключевского, что на соборе присутствовали исключительно столичные дворяне, в свою очередь говорит против сближения Тысячной книги и соборного списка. К более надежным заключениям, кажется, ведет другой путь. При поверхностном ознакомлении с перечнями соборного акта выносишь впечатление, что под титулом «дворяне первая статья» как бы собраны представители родовитых фамилий, а под титулом «дворяне и дети боярские другие статьи» — представители более скромных, частью и совсем неизвестных дворянских родов, и можно подумать, что основанием классификации служило генеалогическое достоинство лица. Однако ближайшее изучение дворянских списков исправляет это впечатление, показывая, что генеалогический принцип при делении на статьи не был выдержан: в первой статье можно найти лиц не только второстепенных столичных фамилий, но даже провинциальных дворян «из выбора» (напр., Муха Чихачев по списку 1577 г.), и в то же время во второй статье встречаются лица титулованные. Очевидно, в распределении на статьи рядом с генеалогическим действовал еще другой принцип, и есть возможность определить, какой именно. Наблюдение над служебной карьерой отдельных лиц из дворянских групп позволяет установить, как факт, что дворяне первой статьи обыкновенно назначались наместниками и годовыми воеводами, тогда как дворяне

¹ «Акты Московск. государства», т. I, № 26.

второй статьи чаще всего бывали сотенными головами, иногда поддатными¹, т. е. те и другие занимали должности, одинаковые по характеру, но различные по важности. Только в очень редких случаях, в конце уже своей служебной карьеры, дворянин второй статьи добивался воеводства, как иногда начинал головством свою дворянин первой статьи. В общем между родовитостью и служебным положением, без сомнения, было соответствие; но в отдельных случаях неизбежны были отклонения, в силу которых неродовитый человек оказывался связанным по служебным интересам с более знатным кругом, и наоборот. Таким образом, под действием служебного начала группы, складывавшиеся по генеалогическим признакам, изменялись в своем составе, и можно думать, что дворянские «статьи» соборного акта представляют собой ту группировку, какая получалась в результате. Эта группировка в обычных житейских отношениях могла не играть роли; но она должна была получать значение в тех случаях, когда по требованию обстоятельств правительству становился нужным коллективный опыт однородных служилых групп. Мы будем иметь основание считать собор 1566 г. именно таким случаем, если примем во внимание, что тогда в связи с вопросом о мире с Польшей решалась судьба некоторых западных местностей (напр., Полоцка), а дворянские статьи составились из лиц, из которых у каждого в прошлом была служба на западной границе (в соответствующем статье чине)². С другой стороны, для обозначения этих комбинаций дворянских элементов, которым только случай давал практическое применение, московский официальный язык не имел особого термина, и потому, может быть, составитель соборного акта применил к

¹ Обзор служебной карьеры членов собора см. в книге г. Авалиани «Земские соборы».

² Ibid.

ним термин: «статьи», употреблявшийся при классификации дворян не по службе, а по стоявшим в тесной связи со службой поместным наделам.

Выделение торопецких и луцких помещиков в особые группы было результатом приложения того же служебного принципа, лишь осложненного признаком географическим. По служебному положению, в качестве сотенных голов, те и другие примыкали ко второй статье. Эта близость их сказалась даже на изложении их мнений, которые в некоторых пунктах буквально воспроизводят мнение дворян второй статьи. Выделение же их в особые группы объясняется, по-видимому, чисто исторически, — спорным характером самых городов Торопца и Великих Лук, их положением на границе Польши и Москвы. По крайней мере, и в других документах, например, в указе Грозного о наборе знаменитой тысячи или в Разрядной книге Полоцкого похода¹, торопецкие и луцкие помещики также не входят в общее исчисление служилого состава Московского государства, упоминаясь отдельными статьями. Тем естественнее было образовать из них самостоятельные группы на соборе, ввиду значения подлежавшего соборному обсуждению вопроса. Это обособление, сообщая обеим группам местный отпечаток, не уничтожало их служебного характера, и с точки зрения оснований призыва на собор оно не мешает поставить их в одном ряду с двумя «статьями».

Итак, различные группы на соборе 1566 г. своеобразным подбором личного состава, закрепленным и особыми названиями, выражают, каждая по-своему, одну общую мысль, что правительство призывало на собор представителей общества по тем административным функциям, которые оно распределило между общественными классами, иначе говоря, — что принципом собор-

¹ «Витебская Старина», т. IV, стр. 27 и сл.

ного представительства было служебное положение лица, находившееся в известном соответствии с его социальными признаками. Тем же принципом определяется и состав собора 1598 г.; но там он проявляется в иных сочетаниях общественных элементов, яснее обнаруживая свою природу и во многом дополняя характеристику соборной организации, выработанной XVI в.

В отличие от собора 1566 г., о порядке созыва которого не сохранилось никаких известий, относительно собора 1598 г. мы имеем документ, который позволяет наблюдать его в различные моменты. В «Утвержденной грамоте об избрании царем Б. Ф. Годунова»¹ рассказывается, что после смерти Федора Ивановича «святейший Иев патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и архимандриты, и весь священный вселенский собор, и бояре, и дворяне, и приказные, и служилые всякие люди, и гости, и все православные крестьяне, которые на Москве», просили сначала на царство вдову Федора Ивановича, а затем, ввиду ее отказа, явилась «мысль и совет всех единодушно, что мимо государя Бориса Федоровича иного государя никого не искати и не хотети». Перечисленные чины, в полном составе, не раз пробовали умолять Годунова, чтобы он «был им милостивым государем», — Борис упорно отказывался, и тогда было решено временно отложить избрание преемника Федору Ивановичу — до истечения 40 дней с его смерти, пока «съедутся со всея земли Российского государства митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь священный собор, еже на велицех соборех бывають, и съедутся государские дети разных великих государств, и весь царский синклит всяких чинов, и царства Московского служилые и всякие люди». Во исполнение этого решения патриарх, узнаем далее, «посла по митрополитов, и архиеписко-

¹ «Акты Арх. Эксп.», т. II, № 7.

пов», словом, не повторяя перечня, — по всех только что перечисленных чинов. 17 февраля состоялось совместное собрание чинов, «которые были на Москве», с теми, «которые приехали из дальних городов», и последние «велегласно» выразили свою солидарность с первыми в вопросе о кандидате на престол, своим единодушием заставив Бориса уступить. В этом повествовании ясно выступают два момента: собрание московских «чинов» и съезд «чинов» из дальних городов, сопровождавшийся общим собранием. По существу компетенция того и другого собрания одинакова: московские чины, во главе с патриархом, считают себя вправе просить Годунова на царство, и созыв остальных становится нужным только в виду его уклончивого поведения. Значит, перед нами, строго говоря, два однородных учреждения или два собора: московский и — назовем так — общеземский. Даже более того: по видимому, и различие между ними только количественное — в числе членов, но не в полноте представляемых ими интересов, и лишь в этом — причина большей авторитетности общеземского собора для Бориса. Выражение Утвержденной грамоты, что патриарх послал по людей всяких чинов оставляет впечатление, как будто приглашались лица, заранее известные, и приглашение патриарха заставляло их уже с готовыми представительными полномочиями, обуславливавшимися их общественным положением. Отбрасывая лишнее из многоречивой фразеологии, в какой составители Утвержденной грамоты представили нам состав приглашенных патриархом лиц, может быть, достаточно будет сказать, что старались, по возможности, собрать рассеянный по городам «царский синклит всяких чинов», и что, следовательно, «приезжие чины», принадлежа к тем же группам, как и московские, только усиливали их количество, но не вносили с собой в состав собора новых

общественных элементов. Изучение соборного состава должно дать проверку этому впечатлению.

В Утвержденной грамоте находим два перечня имен: в тексте, где перечислены лица, присутствовавшие на соборе, и в конце (в подлиннике — на обороте), где помещены рукоприкладства членов собора. Сличение обоих перечней обнаруживает значительную разницу между ними: многих из присутствовавших нет в числе подписавшихся, и, наоборот, подписывались лица, которые среди присутствовавших не значатся; тех и других — в общем около 50 имен. Делая это наблюдение исходным пунктом изучения соборного состава, получаем выводы, проливающие значительный свет на те стороны соборной организации, которые анализ соборного акта 1566 г. оставил темными. Как могло случиться, что избирали Бориса одни лица, а подписывали избирательный акт другие? Утвержденная грамота, как значится в конце этого документа, была составлена 1 августа, и тогда же члены собора «руки приложили»; между тем избрание Бориса состоялось 17 февраля: значит, между первым собранием и последним прошло более 5 месяцев. Если принять, что список членов собора составлен был сначала в феврале, а 1 августа был только внесен в текст грамоты, то различие между двумя перечнями можно будет объяснить: в течение 5 месяцев одни члены собора могли уехать, не дождавшись конца, другие же, опоздавши к началу, застали конец. Такое объяснение дал В. О. Ключевский. Это объяснение предполагает, что собор продолжался с 17 февраля по 1 августа, но только на время, в виду предпринятого новым царем в мае — июне месяцах похода против крымского хана, приостанавливал свою деятельность. В качестве доказательства Ключевский ссылался на упоминание о деятельности собора в апреле того же года, встреченное им в разрядной книге крымского похода: там, по поводу местнического спора,

Борису приписаны следующие слова по адресу истца: «били мне челом патриарх Иев и весь собор, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне все, чтоб яз пожаловал, велел боярам, и воеводам, и вам, дворянам, быти без мест на нашей службе; и ты почему так воруюшь?»¹ Указание царя на это челобитье говорит, по мнению Ключевского, что собор оставался при царе в апреле, когда происходил описанный случай. Таким образом, собор является учреждением, сохраняющим, независимо от реальных проявлений своей жизнедеятельности, юридически непрерывное существование, пока имеется налицо определенный специальный состав членов. В этой конструкции вообще немало догадок, оставляющих место сомнению; но, прежде всего, ненадежно основание. Не говоря о том, что ссылка на соборное челобитье, сделанная царем в апреле, не обязывает приурочивать к апрелю собор, от которого вышло челобитье, — самый факт, если бы он был определен и правильно хронологически, скорее опровергает мысль Ключевского, чем ее поддерживает: собор, «бивший челом» Борису об отмене «мест», был новый собор, не тот, который Бориса избирал в феврале. Об этом ясно свидетельствует соборный состав: в апрельском соборе участвуют только Освященный собор и служилые люди, и нет никаких указаний на присутствие торгово-промышленных групп, которые в списке избирательного собора занимают очень видное место. Если смена отдельных лиц в составе представительного учреждения не может изменить характера учреждения, то выпадение целых общественных групп имеет такой эффект неизбежным следствием: это будут уже не разные заседания, а разновидности учреждения. Так было, очевидно, и в настоящем случае, если только, конечно, не объяснять отме-

¹ «Русская Мысль», 1891 г., кн. I, стр. 135.

ченного пробела в апрельском перечне небрежностью составителя разрядных книг; но всякий, знакомый с документами по земским соборам, знает, что тогдашних секретарей можно упрекнуть разве в избытке, а уж никак — не в недостатке усердия. Все это дает чувствовать, что в самой основе конструкции Ключевского есть какое-то недоразумение. И тот же вывод получается, если будем оценивать ее с точки зрения годности для объяснения того наблюдения, которым она вызвана, т. е. для объяснения различия соборных перечней: она не решает вопроса во всем его объеме. Пусть служебные обязанности помешали одним членам собора дожидаться до конца, а другим — явиться к первым заседаниям: это предположение, хотя его и нельзя проверить по тогдашним назначениям, может иметь значение только в отношении к служилым людям. Но вопрос идет не только о служилых людях. Ключевский сам же, напр., отметил, что в числе подписавшихся под Утвержденной грамотой были 11 московских протопопов, которые в списке не названы. Конечно, московских протопопов нельзя заподозрить в склонности к передвижениям, — почему же они не попали на избирательное заседание? В. О. Ключевский, отметивши этот факт, высказал предположение, что их просто «первоначально не думали приглашать на собор», — объяснение, открывающее ничуть не менее щекотливый вопрос: как же сочли возможным позвать их потом?

Надо думать, мы не покончим с этими затруднениями, пока будем подходить к оценке юридического быта далекого прошлого с понятиями, взятыми из современной практики. Собора, как регулярно действующего учреждения, с определенным личным составом и периодически возобновляющимися заседаниями, — с этими чертами современного парламента, в Утвержденной грамоте нет: там проходит перед нами ряд самостоятель-

ных собраний, которые созываются каждый раз непосредственным распоряжением верховной власти (в данном случае заменяющего ее место патриарха) и состав которых, не только личный, но и социальный, постоянно колеблется: по зову патриарха собираются то одни наличные «чины» столицы, то — с ними вместе — нарочно съехавшиеся «государские дети розных великих государств»; иногда он «зовет» на совет людей всяких чинов, не только «детей своих» — духовных лиц и служилых людей, но и гостей, даже «всех православных крестьян», иногда же ограничивается двумя первыми «чинами». Таким образом, то, что принято считать заседанием собора, было в действительности самым собором. На собор, составлявшийся всякий раз заново, а не продолжавший заседания, правительство, конечно, могло призывать, кого «считало нужным», — это объясняет нам, каким образом мог оказываться различным состав двух близких по времени соборов, следовательно, объясняет и различие между двумя перечнями членов так называемого собора 1598 г. Однако сличение обоих перечней показывает, что при известных изменениях или различиях в составе соборов остается широкий круг лиц, который можно назвать общим основным контингентом соборного состава. Как же складывался такой контингент, если всякий раз собор составлялся заново? Этот вопрос подводит нас к наиболее глубокой своеобразной черте наших земских соборов.

Сравнивая соборные списки 1566 и 1598 гг., легко заметить между ними разницу: в первом служилые люди делятся на статьи, во втором — на «чины» — стольников, стряпчих, жильцов, дворян, выбора из городов. Каждый из этих чинов связан был с известной придворной обязанностью или, по крайней мере, с определенной формой представительства при дворе. Как и статьи соборного акта 1566 г., чины 1598 г. опирались на генеалогичес-

кое достоинство лиц, но в отличие от статьи чин не соответствовал тому или другому реальному служебному положению, а открывал в возможности его носителю определенный круг военно-административных должностей, действительное прохождение которых определялось уже личной годностью. Значит, в своей совокупности московские чины означали правящий класс, представители которого — одни реально, другие — в возможности — держали в своих руках все административные нити страны. Отсюда можно понять, почему классификация членов в обоих соборных списках различна: Грозному при решении занимавшего его вопроса нужен был, прежде всего, опыт служилых групп, и соборный акт 1566 г. отметил это делением членов собора на статьи; между тем для Бориса важно было заручиться согласием административных сил страны в возможной полноте, чтобы обеспечить за собой престол, иначе: согласием правящего класса вообще, — такому значению членов собора более соответствовала классификация по чинам. Но та и другая служебная классификация сходится в одном существенном признаке: обе они одинаково скрывают личность за группой, определяя значение первой значением последней, почерпавшимся, в крайнем основании, чаще всего из генеалогического источника. Считалось важным не то, присутствует ли на соборе стольник Замятня-Сабуров или жилец Беляница-Зюзин, но то, чтобы вообще там были жильцы и стольники. Потому, конечно, в соборных перечнях, все равно — к какому бы времени они ни относились, так тщательно и перечисляются разные чины, и лишь в немногих, вполне определенных, случаях называются имена. Эта черта вскрывает перед нами основной смысл соборного представительства. Когда в представительном учреждении правительство ценит или видит орган, посредством которого может узнать действительное мнение или волю

страны, — личность депутата получает огромное значение: от того, в какой степени по своим индивидуальным свойствам члены такого учреждения способны выражать настроение общества, зависит, насколько самое учреждение выполняет свое назначение. Очевидно, подобного назначения земские соборы не имели. Но правительство может поставить представительному учреждению и другую задачу: не узнавать, а создавать чрез него общественное мнение (или руководить общественной волей), — в этом случае члены учреждения, сообразно с своей активной ролью, должны быть вооружены соответствующими средствами воздействия на общество. Доброе старое время знало лишь одно такое средство: власть; с ее помощью московское правительство не только устраивало общественные отношения, но считало возможным обеспечить своим подданным и душевное спасение. Этими особенностями политической педагогики Московской Руси и определился состав того представительного учреждения, какое она сумела создать в XVI в. — земского собора. Административная власть по преимуществу сосредоточивалась тогда в руках правящего класса, разбитого на чины: эти чины в лице тех из своих представителей, которые в нужный момент оставались или были собраны в столице, и являлись основным контингентом соборного состава. Если, по требованию обстоятельств, соборы созывались, как было в 1598 г., несколько раз подряд, то в большинстве на них шли, естественно, одни и те же лица. Но соборный механизм продолжал бы работать без перемены, если бы и произошло какое-нибудь изменение в составе частей, даже если бы они совсем были обновлены: старые или новые, они делались из одинакового материала, и было лишь важно, чтобы они находились на местах. Вот Утвержденную грамоту пришли подписывать 11 московских протопопов, а на избирательном соборе их не

было. Не все ли это равно? Они явились, как члены Освященного собора, а Освященный собор — чин, необходимая составная часть земского собора.

Рядом со служилыми группами в 1598 г., как и в 1566, присутствовали на соборе представители торгово-промышленного населения: гости и старосты торговых и черных сотен. Если, держась принятого раньше метода, мы станем сравнивать личный состав этих групп по известным нам перечням Утвержденной грамоты, то нас встретит некоторая неожиданность: сравнение обнаружит полное совпадение перечней. Такое наблюдение как будто противоречит только что полученным выводам: ведь у гостей и купцов могло быть не меньше, чем у служилых людей, поводов к отлучкам, и если бы, действительно, в составе собора была важна не личная, а социальная сторона, то едва ли у них нашлись бы побуждения быть столь аккуратными. На самом деле аккуратность представителей торгово-промышленных групп, конечно, всего менее объясняется мотивами их доброй воли; причина лежит в том особом принципиальном положении, какое им было дано на соборах. В 1566 г. из торгово-промышленного класса присутствовали на соборе лица, принадлежавшие к высшим его слоям, и, судя по их численности, они призывались едва ли не поголовно. В течение второй половины XVI в. торгово-промышленное население Москвы пережило, по-видимому, вместе с общим развитием довольно энергичный процесс дифференциации, и к концу века получило, соответственно этому, более отчетливую организацию. Этот успех отразился и на составе соборов: вместо неопределенных групп 1566 г. мы имеем в 1598 г. совершенно ясную классификацию, в которой, между прочим, нашел себе место новый элемент: черные сотни и полусотни. Более совершенная организация класса дала возможность правительству лучше воспользоваться

его средствами в целях управления: раньше оно возлагало известные административные функции на высшие его группы целиком, теперь, оставивши такое значение только за гостями, в остальных группах оно распределило эти функции между официальными представителями торгово-промышленных организаций, т. е. между их выборными должностными лицами. В результате представители торгово-промышленной среды, являясь на собор в силу того же служебного принципа, как и столичные чины, заняли в соборной конституции иное положение по сравнению с последними: каждый, принадлежащий к столичному чину, служилый человек был не сегодня завтра администратором в той или другой сфере управления, и потому перемена лиц этой группы была безразлична для учреждения; но в торгово-промышленном классе власть и влияние принадлежали только определенным (должностным) лицам, и потому здесь личность представителя неизбежно получала значение. Какой-нибудь Фома Лазарев, простой тяглец в настоящем и в будущем — что он значил для правительства и мог ли заменить своей безнадежно-обывательской фигурой сотского Ивана Онаньина сына Коробанова, которому сама сотня вручила, с дозволения начальства, известную административную власть над собой? Имя Фомы Лазарева мы видим среди рукоприкладств: он подписался «в соцково в Иваново место Коробанова и во всей сотни место»; но в списке, помещенном в тексте, мы его не найдем: там назван один Иван Коробанов, как не найдем и самостоятельной его подписи под грамотой: значит, он мог быть на соборе только затем, чтобы подписаться вместо официального представителя своей сотни, — может быть, безграмотного. За отсутствием официального представителя той или другой торгово-промышленной организации его место на соборе оставалось пустым, и соответствующая организация оказывалась вне сферы

соборного воздействия. И потому самое большое послабление, какое могло быть допущено правительством в отношении к торгово-промышленному представительству, это — замена одного официального лица другим, таким же официальным лицом. С своей стороны правительство сохраняло за собой полную свободу действий: оно «звало» торговых и черных людей в лице их официальных представителей, когда последние могли иметь значение если не в решении поставленного собору вопроса, то в его исполнении; в противном случае обходилось без них, не вызывая, по-видимому, никаких недоразумений. Когда избирали нового царя и обеспечивали ему благополучное царствование присягой, этих людей, конечно, надо было звать; но вот в апреле поднят был вопрос о службе «без мест»: о таких делах «торговые мужики» судить не могли, и в составе апрельского собора, отмеченного В. О. Ключевским, мы видим только духовенство и служилых людей. Обязательность в соборном представительстве была совершенно односторонняя.

Дополняя этими результатами анализа Утвержденной грамоты выводы, полученные раньше, мы можем теперь наметить общие черты соборной организации XVI в. Соборы составлялись из представителей классов московского общества: духовенства, служилых людей (в широком смысле) и торгово-промышленного населения Москвы. Основание, по которому в состав соборов входили отдельные лица, было для всех их одинаковое: служебное значение классов. Но различные классы были различно поставлены с точки зрения их роли в административной жизни страны, и отсюда выходило, что применение одного и того же представительного принципа создавало в результате для каждого из них особую форму участия в соборах. В этом смысле собор скорее можно бы назвать представительством общественной власти, а не общественных интересов.

Имея такое значение, собор, конечно, не мог составляться избирательным порядком; но вместе с тем члены его не назначались и правительством; в столице сам собой складывался постоянный контингент из общественных групп, представлявших административные функции классов и в этом имевших источник права на участие в соборах. Таким образом, собор мог состояться в любое время и без всякой предварительной процедуры: распоряжением верховной власти определялись нужные для собора общественные категории, и этого было достаточно. Позднее выработалась краткая и очень выразительная формула, по которой собор созывался обыкновенно в один день: «Государь царь и великий князь указал быти собору, а на соборе быти митрополиту, и архимаритам, и игуменам, и всему Освященному собору, и боярам, и окольниковым, и стольникам, и стряпчим, и дворянам, и гостям», и т. д., — в Утвержденной грамоте этой формуле вполне соответствует, по смыслу, еще более краткая: «Патриарх же Иев зовет» и т. д. Однако в исключительных случаях наличный состав, имевшийся в столице, казался недостаточным, и тогда принимались меры к тому, чтобы пополнить его, призвав, кого можно, из «государьских детей», которых служба рассеяла по «разным городам»¹.

¹ Мысль о служебном значении соборного представительства впервые высказал, но в иной постановке, В. О. Ключевский; однако он удерживал за земским собором и значение представительства интересов. По его мнению, члены собора — все столичные дворяне — являлись представителями дворянских обществ тех уездов, где владели вотчинами и куда, по землевладельческой связи, назначались на военно-административные должности. В этой концепции много спорного; главное же положение стоит в противоречии с фактами. Ключевский указал несколько случаев, когда члены собора из столичных дворян служили в своих уездах, но он не доказал, что это было правилом, и не мог доказать, так как можно представить гораздо больше случаев, когда между служебным назначением и отношениями

В документах, относящихся к соборам XVI в., есть, однако, один пункт, который может дать основание к предположению, что уже в XVI в. рядом с служебным принципом находил себе применение в области соборного представительства и принцип избирательный, откуда вся соборная организация должна получить двойственный характер. Среди служилых групп в соборном списке 1598 г. значится группа «выбор из городов». С нею мы встречались и на соборе 1566 г.: это, по обыч-

по землевладению никакой связи не было. См. М. В. Ключков. «Вестник права», 1904 г., ноябрь, стр. 230—240. С другой стороны, Ключевский придавал землевладельческой связи значение критерия при подборе дворянских представителей на соборах, считая поголовный призыв столичных невероятным и ставя на вид, в качестве аргумента, незначительное число дворянских представителей на соборах XVI в. по сравнению с общим числом столичных дворян. Можно, однако, не разделять этих соображений. В. О. Ключевский брал для сравнения цифры дворянских списков от половины XVII в.; но списки более близкого к соборам XVI в. времени дают другое впечатление. В 1566 г. по двум дворянским статьям присутствовало на соборе 196 человек. Исключая отсюда, несомненно, числившихся вместе с столичными, «дворян из выбора», приблизительно в числе 30—40, получаем цифру для столичных чинов 150—160. Но в половине XVI в. общее число столичных чинов, как можно судить по спискам 1577 г. (см. «Акты Моск. Государства», I т., № 26) и 1582 г. (Сторожев, «Материалы для истории русского дворянства», вып. II), едва ли превышало 300 чел.; значит, на соборе 1566 г. присутствовала половина. Подобный же результат получается и для собора 1598 г.: 248 человек бывших на нем представителей столичных чинов приходится на 466 чел. боярского списка 1610—1611 гг. (Сторожев, I с.). Теперь припомним слова В. О. Ключевского: «Столичное дворянство, — писал он, — являясь генеральным штабом, исполняло самые разнообразные военно-административные поручения, которые разбрасывали его по разным городам и углам государства, так что его трудно было и собрать в достаточно полном числе для выбора соборных представителей» («Русск. Мысль», 1891 г., кн. I, стр. 145). Для выбора, конечно, недостаточно; но было достаточно, если остававшиеся в столице чины призывались поголовно.

ному словоупотреблению того времени, — высший разряд провинциальных служилых людей. Само по себе их появление на соборе не представляет ничего загадочного: на них возлагались известные военно-административные поручения, которые и создавали им принципиально одинаковое положение с столичными чинами. Но вопросом является их число на соборе 1598 г.: судя по спискам «выборных» служилых людей бывало в столице довольно много; почему же на соборе их оказалось только 34 человека? По-видимому, производился какой-то отбор или выбор. Вопрос осложняется наблюдением, которое сделал В. О. Ключевский. Оказывается, из этих 34 лиц 9 человек помещены в списке 1577 г. среди «дворян», а один — среди жильцов. Отсюда он заключил, что все члены группы принадлежали к столичному дворянству, и потому термин «выбор из городов», которым названа группа, в применении к ним имел какой-то другой, не обычный, смысл. По мнению Ключевского, здесь под «выбором» надо разумеать столичных дворян, избранных провинциальными дворянскими обществами на соборе. В такой постановке вопрос, затрагивающий на первый взгляд очень специальную подробность, приобретает большую важность, — тем более что в полном объеме может быть отнесен и к собору 1566 г. Но он запутывается еще более ввиду следующего факта: по документам можно убедиться, что три лица из рассматриваемой группы, несомненно, принадлежали к «выбору», т. е. были провинциальными служилыми людьми, а не столичными: один значится в «выборе» по списку 1577 г. (кн. Морткин), другой — по каширской десятне 1599 г. (Ю. Г. Тутолмин)¹, третий — по боярскому списку 1610–1611 гг. (кн. Г. Л. Болховской)².

¹ Описание документов и бумаг, хранящихся в М. А. М. Ю., т. VIII, ст. 148.

² Сторожев. «Материалы для истории р. дворянства», в. II.

Таким образом, состав группы получается смешанный, а между тем, по смыслу, она, конечно, должна быть однородна.

Последнее наблюдение, осложняя вопрос, вместе с тем указывает, однако, то направление, в каком надо искать решения. Из двух, представляющихся несовместимыми, понятий значение одного («выбор») устанавливается, по крайней мере, в применении к трем отмеченным лицам, совершенно точно; следовательно, надо установить или проверить значение другого: столичный дворянин (а также — жилец). В документах такого термина мы не найдем; только в конце XVI в. начинает появляться аналогичный по смыслу термин: «московские дворяне» или «большие дворяне», и то — сравнительно редко. Список же 1577 г. знает просто «дворян», и по отношению к нему выражение «столичный дворянин», которым Ключевский заменяет слово «дворянин», будет уже толкованием. Толкование заключается в том, что эпитет «столичный» вносит в понятие «дворянин» территориальный признак, связывает чин с Москвой. Позднее, как было указано, такая территориализация, несомненно, произошла, но произвольно начинать ее с половины XVI в. В Москве и тогда были местные дворяне, постоянные жители столицы, — у них было и свое название: «с Москвы дворовые»¹. Понятие же «дворянин» было шире, и самый термин применялся не только к московским, но и к некоторым провинциальным служилым людям: в том же списке 1577 г. под этой категорией значатся представители, несомненно, провинциальных родов, как Г. Ф. Сумбулов, И. П. Баркин, кн. Г. Шаховской и др. Признаком, объединявшим в этом случае московских и провинциальных служилых людей, являлся доступ к двору, исполнение определен-

¹ «Витебская старина», т. IV, стр. 28—32.

ных придворных обязанностей. Для провинциального служилого человека это было почетное состояние, связанное и с некоторыми реальными интересами; но оно не всегда означало перемену социального положения. В каком положении он оказывался, если по тем или другим обстоятельствам переставал исполнять соответствующие его званию придворные обязанности? Случаи из практики другого столичного чина — жильцов — дают возможность ответить на этот вопрос. Михаилу Федоровичу подал кн. И. И. Гундоров челобитную, в которой писал, что был он «в житье», т. е. жильцом при Федоре Ивановиче, но в Смуту разорился и «скитался меж двор», а теперь просит государя, чтобы велел ему «быть в житье по-прежнему»¹, т. е. восстановить его в звании жильца. Бывали случаи, когда провинциальный служилый человек добровольно слагал с себя обязанности жильца и, спускаясь ступенью ниже, становился в ряды земляков, служивших «по выбору»; от 1620 г. мы имеем такую челобитную: «Бьет челом жилец князь Федка княж Дмитреев сын Львов, а в челобитной пишет, что живет он у царской светлости в житье 23 года; просит велеть служить ему с Галичем по выбору»². Может быть, таким же путем Ф. М. Чертов-Новосильцев, по списку 1577 г. состоявший жильцом, в боярском списке 1610–1611 гг. оказался среди «выбора по Коломне»³. Из всего этого можно сделать следующий вывод: переставая исполнять придворные обязанности, соединенные с званием жильца, провинциальный служилый человек, если и не совсем возвращался в прежнее состояние, то, во всяком случае, в его положении граница между чинами — столичным и провинциальным — стиралась, открывая для него

¹ «Акты Моск. государства», т. I, № 51.

² Там же, № 134.

³ Описание докум. и бум., хранящихся в Моск. Арх. М. Юст., т. VIII, 148 стр.

возможность числиться там и здесь. Можно думать, что те же самые последствия являлись, если действующим лицом был не жилец, а дворянин, — тем более что оба чина на иерархической лестнице стояли рядом. Косвенным образом это предположение можно подтвердить: 9 членов собора 1598 г. из «выбора», числящиеся среди «дворян» по списку 1577 г., в том же чине занесены и в список 1610–1611 гг.: но только один из них значится «дворянином» в списке 1582 г., представляющем ту особенность, что все столичные чины распределены в нем по местам, какие обязаны были занимать во время придворных церемоний¹: не потому ли и не попали сюда остальные, что они не несли в то время придворных обязанностей? В таком случае составитель и этого списка должен был охотнее отнести их к «выбору», как сделал составитель соборного списка. Так путем более точного определения понятия «дворянин» открывается возможность выйти из того затруднения, в какое ставит исследователя соединение в одной соборной группе представителей различных чинов — столичного и провинциального: при известных условиях, чин дворянина или жильца не мешал их носителю оказаться в рядах провинциальных служилых людей.

Мало того, особенности этих двух чинов позволяют ответить и на вопрос о том, как из массы находившихся в Москве провинциальных служилых людей отбирались те немногие, которые образовали на соборе группу «выбор из городов». Предположение В. О. Ключевского, что в применении к ним вступал в действие принцип общественного избрания, отпадает сам собою, ввиду сделанных разъяснений. Надо думать, что они проходили на собор гораздо более извилистыми путями. В нижних рядах блестящей пирамиды столичных чинов было, без

¹ Сторожев. «Материалы», в. II.

сомнения, немало таких, которые явились в столицу под более скромным титулом «выбора из городов» и уже потом поднялись наверх: в то же время постоянно находились среди них и такие, которые, по своей ли или чужой воле, спускались вниз, смешиваясь опять с знакомой им провинциальной массой. В результате этого встречного движения среди провинциального «выбора» легко могла образоваться группа, члены которой стояли ближе к правящим верхам, чем остальные, и благодаря этому могли скорее других попасть на собор. По крайней мере, в Утвержденной грамоте сохранился след подобных интимных отношений. В числе членов собора были трое Совиных — отец с двумя сыновьями. По списку грамоты отец значится среди жильцов, сыновья — среди «выбора из городов»; но под грамотой они подписались все вместе — в группе «выбор из городов». Кажется очень правдоподобным, что старший сначала помог младшим подняться на ступеньку повыше и потом уже стал с ними в ряд.

Таким образом, «выбор из городов», по-видимому, вполне укладывается в рамки выработанной XVI в. соборной организации, являясь лишь разновидностью служилого представительства. В этой области жизни XVI в., надо думать, кончал теми же формами и теми же принципами, какими и начал. Новое и в том и в другом отношении принадлежит его преемнику.

III

В XVII в. в составе соборов впервые появляется бесспорный выборный элемент, и вместе с ним начинается новая страница в истории соборного представительства. Открытое признание новый принцип получил

в смутную эпоху, в 1610 г., когда правительство, после низложения Шуйского, обратилось ко всем городам Московского государства с предложением прислать в Москву для избрания нового царя, «изо всяких чинов выбрав по человеку». С тех пор, в продолжение приблизительно полувека, население слышало, то чаще, то реже, но звучавшие всегда одинаково настойчиво требования из Москвы о присылке выборных людей «для государева и земского дела».

Наличность выборного элемента в составе сообщает, без сомнения, соборам XVII в. особый характер по сравнению с соборами XVI в. Но по общему характеру трудно судить о степени реального значения совершившейся перемены. С этим вопросом надо обращаться к более надежным показателям, каковыми служат: 1) социальный состав выборных членов собора и 2) положение выборного элемента в соборной организации.

О составе выборного элемента на земских соборах мы можем судить частью по подписям под некоторыми из соборных актов, например, под Утвержденной грамотой при избрании Михаила Федоровича, а главным образом — на основании официальных документов по производству выборов: призывных грамот правительства и воеводских отписок о ходе и результатах выборной процедуры. В призывных грамотах Смутного времени круг избирателей обыкновенно обозначается растяжимой формулой: «всяких чинов люди», а способ ее конкретного применения, вероятно, определялся сам собой, отражая в себе исторически сложившееся строение общества, если только, впрочем, не решал вопрос своею властью воевода. Из подписей под Утвержденной грамотой видно, что население в ответ на обращенное к нему в такой форме требование высылало представителей от трех основных классов общества: служилых людей, посадских и уездных (государственных крестьян). С тече-

нием времени правительство начинает формулировать свои требования в призывных грамотах определеннее, и социальный состав избирателей суживается. Первое точное ограничение устанавливает окружная грамота от 5 июля 1619 г., призывая на собор из трех классов лишь служилых и посадских людей, и с тех пор представители этих двух классов образуют собой весь выборный элемент земских соборов; уездные люди остаются в стороне. Параллельно с ограничением круга избирателей произошла, кажется, перемена и в отношении к сословному значению избираемых. Первоначально и в этом отношении не было, по-видимому, регламентации; в грамоте 1613 г. немало подписей «в посацких и уездных людей место» прикладывающих руки духовных лиц и служилых людей, судя по общему характеру формулы и по некоторым другим признакам — в качестве их выборных представителей. Между тем позднее принадлежность избираемого к сословию избирателей становится правилом, нарушение которого вызывает неудовольствие правительства. В подписях под «уложенной книгой» 1648 г. мы уже не видим случаев сословного расхождения между избираемым и избирателями, в связи с чем, может быть, не видим в составе собора и духовных лиц из провинции, являвшихся раньше, например, в 1613 г., в довольно большом числе, представителями своих духовных детей из низших слоев населения. В 1651 г. крапивенский воевода, пославший, за отсутствием годных лиц из посадских людей, боярского сына да пушкаря в качестве выборных от посада, получил из Москвы выговор. Наиболее яркое выражение сословный принцип в жизни соборного представительства получает во второй половине XVII в., когда его успехи начинают означать уже разложение соборной организации. В это время правительство предпочитает, в случае тех или иных затруднений, требовать «выборных людей» от того сосло-

вия, которого вопрос непосредственно касается, не созывая «совета всех чинов»: на таких началах был устроен ряд совещаний с гостями и тяглыми людьми г. Москвы в 1660 и 1662 гг. по поводу денежного кризиса; подобные же совещания происходили в 1682 г.: с представителями служилого класса о военной организации, с представителями тяглых людей — о податном обложении, — с теми и другими порознь. Конечно, торжество сословного принципа на земских соборах само имело причины в условиях социально-политической жизни, и, являясь показателем происходивших тогда более общих процессов, не оно вызвало это превращение земского собора в комиссию с сословными представителями; но, во всяком случае, оно подготавливает наблюдателя к этому превращению, отнимая у факта остроту неожиданности.

Сословный принцип, в его различных определениях, очерчивал сферу применения выборного начала; самый же результат в значительной степени зависел еще от постановки производства выборов. Как производились выборы в смутную эпоху, в первые дни жизни выборного представительства, — в точности сказать нельзя. Мы знаем только, что призывные грамоты адресовались тогда непосредственно «всяких чинов людям», направляясь обыкновенно в город; и можем предполагать, что собрание («собор» — в документах) этих «всяких чинов людей», выслушав грамоту, поручало исполнять по ней выборным властям, как привыкло за это время поступать и в других подобных случаях. Однако уже к концу второго десятилетия подготовка к выборам и наблюдение над их производством переходят к воеводам (иногда, впрочем, действует губной староста): к воеводе направляется из разряда царская грамота с предписанием «выбрать» столько-то человек, т. е. организовать выборы, на него же затем возлагается обязанность «прислать» выбранных лиц в Москву. Главными документами,

по которым до некоторой степени можно восстановить картину выборной процедуры, служат отписки воевод, содержащие отчеты о результатах выборов. «И по твоей государевой грамоте выбрал я, холоп твой, дворян лучших двух человек... да посадского одного человека, и послал к тебе, государь, с тою отпискою» — вот обычная форма воеводской отписки. Читая подобные документы, можно подумать, что сами избиратели тут были ни при чем, и в Москву ехали представители не населения, а воеводы. На самом деле роль населения была более активная, и только воеводское перо, воспитанное в духе административной практики, не умело иначе передать новые явления, как в старых привычных образах. В этом убеждают отписки, составленные более удачно, по которым можно видеть, как воевода извещал избирателей о царской грамоте, как собирал их в определенный пункт для выборов, прибегая иногда, ввиду их равнодушия к своим избирательным правам, даже к содействию пушкарей и стрельцов,— каковы, наконец, были результаты избирательной кампании. Сохранился даже протокол избирательного собрания от 1651 г. по г. Новосилю, так называемый «выбор за руками», подписанный всеми участниками¹. Впрочем, встречаются иногда в отписках подробности, которые заставляют подозревать, что воевода имел влияние на исход выборов. Один воевода писал царю: «По твоему государеву, цареву и великого князя указу, я, холоп твой, муромцам дворянам... велел съехаться в Муром, в съезжую избу... и выбрать из одной половины, по сказке дворян, дворянина» такого-то, «а из другие половины» — такого то². По смыслу выражений, дворяне как будто только намечали выборных, а решающей инстанцией являлся воевода. Но бывали среди вое-

¹ Большинство этих документов собрано у Латкина, «Материалы по истории земских соборов».

² *Иб.*, стр. 110.

вод люди с очень решительным характером, о деяниях которых приходится узнавать уже из жалоб населения. С одним из таких администраторов знакомит нас челобитная избирателей г. Ельца, в которой «бедные беспомощные ельчане детишки боярские и поместные казацкишка» жалуются на своего воеводу, что он выбрал представителями от них на собор (1648) двух детей боярских «ушников», по отзыву челобитчиков, а людей, которые хранили у себя челобитную о его действиях, «бил ослопом до полусмерти»¹. Неудовольствие челобитчиков вызывает, однако, не столько то, что воевода нарушил их права, сколько то, что он выбрал нехороших людей, — и это, может быть, самое характерное в инциденте. Надо сказать, что в то время подобные проявления административной инициативы встречали решительное осуждение со стороны правительства. Точно неизвестно, какой результат имела челобитная ельчан (некоторые признаки, впрочем, имеются, что дело было решено в их пользу), но мы знаем, как отнеслось правительство к донесению воеводы, который, поняв по-своему царскую грамоту, сам выбрал представителей на собор: на его отписке была положена следующая резолюция: «Послать грамоту с осудом к Василью Астафьеву; послана к нему грамота, велено дворянам промеж себя выбрать дворян добрых, а не ему выбрать, и за то его осудить гораздо»². Правительство, правда, не совсем отказывалось от влияния на выборы; но оно ограничивалось только тем, что устанавливало моральный критерий, которому должен удовлетворять выборный, предписывая выбирать людей «добрых и постоянных» или «лучших». Это была единственная директива, исходившая из центра.

¹ «Акты, относящиеся к истории земских соборов». Изд. под ред. Готье, стр. 62.

² Латкин, «Земские соборы», стр. 267.

Как бы часто ни повторялось вмешательство воевод в производство выборов, — все же оно оставалось не правилом, а злоупотреблением, и в результате выборов собор получал действительных представителей населения, хотя и с сословным значением. Таким образом, если предположить, что выборное представительство в XVII в. заменило собой официальное XVI в., то мы имели бы в соборе XVII в. совсем новое учреждение. В действительности, однако, было иначе. Собор старого типа пережил Смуту и перешел в XVII в. в том самом виде, как сложился в XVI. Значит, выборное представительство являлось только новым элементом соборной организации, который должен был найти себе место рядом с прежним — служебным, и для понимания соборов XVII в. необходимо выяснить, какое отношение существовало между тем и другим.

Можно установить, как общее положение, что между выборным и служебным элементом (долгое, по крайней мере, время) не было необходимой органической связи, которая не допускала бы раздельного существования обоих. Это положение, очевидно, было бы подтверждено, если бы и в XVII в. оказались случаи, когда собор созывался исключительно по служебному принципу. Таких случаев можно указать несколько. 1) В Разрядных книгах под 27 июля 1618 г. находим следующую запись: «Государь царь и великий князь Михайло Федорович говорил с митрополитом Ионою... и с архиепискупы, и с архимариты, и с игумены, и со всем Освященным собором, и с бояры, и с окольниковыми, и с думными людьми» о том, чтобы «служилым людям, у всех дел по нынешним по литовским вестям быти без мест»¹. На присутствие выборных людей здесь не только нет указаний, но перечень чинов, заканчиваясь думными людьми,

¹ Книги Разр., т. I, стр. 559—560.

не дает и возможности предполагать, что они были; между тем собрание тут же, лишь несколькими строками ниже, названо собором. По всей вероятности, это был такой же собор, какой, мы знаем, был собран в апреле 1598 г. 2) В 1618 же году состоялся другой собор — по поводу открытия военных действий со стороны Польши. Краткость срока не позволяет предполагать, чтобы могли быть произведены выборы именно к этому случаю: известие о вступлении Владислава было получено 8 сентября, а 9-го Михаил Федорович уже «говорил митрополитам, и архиепископам, и епископам, и игуменам», и прочим, знакомым нам чинам речь — с призывом стоять против врага, т. е. 9 сентября уже происходило соборное совещание. Ввиду этого признается, что выборные люди были призваны раньше, по другому поводу, а собор 9 сентября был только одним из заседаний сессии. Насколько это убеждение хочет основываться не на вере только, а на данных источников, — оно единственную опору для себя может находить в перечне чинов, который заканчивается указанием на «дворян и детей боярских из городов и всяких чинов людей». Не кроются ли здесь искомые выборные люди? Ответ можно найти во второй половине акта, где распределяются наличные силы или гарнизон Москвы по разным пунктам. Видно, что приближающаяся опасность вызвала полную мобилизацию в столице: поставлены на ноги не только военные люди, но и гости, и черные сотни, и подьячие, и конюхи; попал в число защитников столицы даже «греческой переводчик». Но нет и намека на присутствие среди всех этих тщательно пересчитанных людей выборных, посадских и уездных представителей, которых можно бы подозревать под титулом «всяких чинов людей», хотя вообще, надо сказать, в соборных актах этот титул играет роль скорее заключительного аккорда, чем конкретного показателя. Иначе относительно «дворян и

детей боярских из городов»: из одних городов их совсем нет, из других — по несколько человек (2–10), из третьих — очень много (смоленских, например, 56, можайцев — 46, новгородцев и звенигородцев по 30)¹. При общей мобилизации, конечно, должны были бы попасть в расчет и представители провинциальных дворян и можно было бы ожидать более или менее равномерного распределения их по городам: соборный акт показывает другое, и это — явный знак, что в соответствующем чине перечня мы имеем не выборных представителей, а «выбор из городов», обычный элемент собора XVI в. 3) Во время второй войны с Польшей (1632–1634 гг.) выяснилось, что «денежкой государевой казне... без прибыльных казны (т. е. без чрезвычайного налога) быть не уметь». Ввиду этого 28 января 1634 г. великий государь Михаил Федорович «указал быть собору», и 29 января собор состоялся². И на этот раз все произошло, как видим, в течение одного дня; следовательно, также нельзя и здесь предполагать, что созыву собора предшествовали выборы. Зато имеется как будто основание считать этот собор одним из заседаний сессии, начавшейся ранее. В соборном акте 1634 г. упоминается собор, созывавшийся по такому же вопросу в 1632 г., причем он назван там «первым», — не был ли он просто первым заседанием, относящимся к предполагаемой сессии? Если же оба собора понимать как заседания одной и той же сессии, — спешность созыва собора 1634 г. сама по себе уже не будет говорить против возможности выборного элемента в его составе. При таком предположении решение вопроса ставится в зависимость от того, имеются ли положительные указания на присутствие среди членов того и другого собора выборных людей. Но подобных указаний ни в обстоя-

¹ Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 40.

² Там же, № 99.

тельствах созыва собора, ни в перечнях чинов нет: в акте и др. документах, относящихся к этим соборам, названы только московские чины, хотя в распоряжении составителей, несомненно, имелись особые термины для обозначения выборных людей, в других случаях употребляющиеся ими. Еще важнее, однако, то, что предположение о непрерывной сессии 1632—1634 гг. не внушает доверия, так как строится очень искусственным путем. В соборном акте 1634 г., правда, делается ссылка на решение, принятое «в прошлом году» «на первом соборе». Но трудно допустить, чтобы этот собор мог быть назван первым, если бы в промежутке между ним и собором 1634 г., на протяжении года с лишком, имел место целый ряд заседаний (на которые, добавим, нет никаких намеков), как требует понятие сессии: такое словоупотребление психологически неестественно. Предполагать непрерывность заседаний тем труднее, что после первого собора «архимариты, и дворяне, и приказные» — эти официальные члены собора — были, как видно из акта 1634 г., разосланы в провинции для сбора установленного в 1632 г. чрезвычайного же налога. Таким образом, сохраняя название сессии за тем, что происходило в 1632—1634 гг., пришлось бы допустить, что выборные люди после заседания в 1632 г. целый год оставались в Москве только для того, чтобы в следующем году почти с буквальной точностью повторить постановление, сделанное ими ранее, а затем разойтись по домам. Едва ли надо доказывать, как мало подобная картина подходит к понятию о назначении выборного представительства, к тому же осуществляемого в условиях древнерусской жизни. Но если понятие сессии в данном случае неприменимо и оба собора были самостоятельными, то спешность созыва собора 1634 г. получает полное значение, и вопрос о присутствии в его составе выборных людей должен быть решен отрицательно.

Приведенные примеры, а число их можно увеличить, удостоверяют, что соборная организация XVI в., сохраняя свою жизненность и в XVII, появлялась по временам в форме самостоятельного учреждения. Как в XVI в., так и теперь собор этого типа составлялся из наличных служилых чинов Москвы, без всякой предварительной подготовки и в самый короткий срок. Это наблюдение позволяет найти простое и естественное объяснение явлениям, которые до того вызывали очень искусственные и — в такой же степени — сомнительные построения. История земского собора за XVII в. обыкновенно представляется в трех различных стадиях. Первая стадия — первое десятилетие новой династии: земский собор действует непрерывно, причем выборный состав сменяется по сессиям (через каждые три года), — совсем так, как в стране с развитым парламентским строем. Вторая стадия — следующее десятилетие (1621—1632): перерыв в соборной деятельности, когда исчезают следы не только парламентской техники, но и самого собора. Третья стадия: возобновление соборов, однако уже без соблюдения правильной периодичности выборов (понятие сессии применяется только к собору 1634 г.). Эти стадии, пройденные собором в XVII в., производят в общей сложности впечатление каких-то судорожных скачков; но другой картины и не может получиться, если во всех случаях, когда созываются соборы, предполагать непременно присутствие выборного элемента. Так, в первое десятилетие собор упоминается, действительно, часто и в разных источниках, а между тем сохранилось от того времени всего 4 призывных грамоты (относящиеся к двум соборам) — в Пермь великую от 15 января 1616 г., на Тотьму и к Соли Вычегодской от 6 января 1616 г. и в Устюжну от 9 сентября 1619 г. Если выборных людей считать необходимым элементом соборов XVII в., то, конечно, только с помощью понятия

сессии и можно объяснить, каким образом правительство, производя так редко выборы, могло так часто созывать соборы. С другой стороны, полное отсутствие указаний на производство выборов в следующем десятилетии, а также молчание источников о соборах, должны вести к заключению, что соборы вдруг прекратились, хотя бы только что перед тем были постоянно действующим и технически правильно поставленным учреждением. Наконец, в последнем периоде, когда собор созывался чрез очень различные промежутки, встречаются случаи возобновления выборов на протяжении всего только 1¹/₂ года: поэтому понятие сессии в применении к последнему периоду оставляется историками, однако, без объяснения, почему соответствующая практика оставляется тогдашним правительством. Так упрямой непоследовательностью отвечает древнерусская действительность, если подходить к ней с понятиями и критериями, взятыми из современной парламентской практики. Но предположим, оставив позднейшие образцы, что выборные люди участвуют далеко не во всех соборах и что наиболее употребительной формой собора и в XVII в. осталась та, какую знает еще XVI в. При таком предположении историческая жизнь соборов получает гораздо более ровное и последовательное течение. Редкие указания источников на производство выборов так и будут означать редкие случаи обращения правительства к выборному представительству. С другой стороны, официальный собор по особенностям своего характера и состава не мог сам по себе являться чрезвычайным событием в придворной жизни и, вероятно, отмечался в дворцовых записях, главным образом, ввиду важности обсуждавшихся на нем вопросов. Отсюда — частые упоминания о соборах в первое десятилетие, богатое важными и тревожными вопросами государственной политики; но отсюда же и молчание о нем

источников за второе десятилетие, не ознаменовавшееся никакими выдающимися событиями: соборы могли и быть, но о них не было достаточного повода говорить.

В тех случаях, когда официальный собор выступает в XVII в. в качестве самостоятельного учреждения, ни в его составе, ни в организации незаметно, до 1642 г., никаких перемен по сравнению с тем, каким мы видели его в XVI в. Однако несомненны и такие случаи, когда собор XVII в. становится сложным учреждением, в котором рядом со служебным элементом появляется выборный. Какое положение займет каждый из них относительно другого, и будет ли между ними какое-нибудь взаимодействие? К сожалению, источники очень мало говорят о внутренней организации земских соборов в их новом виде, и ее можно восстановить лишь отчасти путем умозаключений, отправляясь от очень мелких наблюдений.

Соборные акты и простые записи содержат в себе, как мы знаем, почти всегда перечни групп, присутствующих на соборе. В этих перечнях на первых местах мы неизменно находим названия известных нам столичных чинов; но тут же встречаем иногда и новые термины, свидетельствующие о перемене в составе учреждения: «из городов выборные люди», «изо всех городов выборные всякие люди», «из городов приезжие всякие люди», иногда «дети боярские всех городов», «торговые люди всех городов». Подобные термины появляются всякий раз, когда можно тем или другим путем удостовериться наличность выборного элемента, в составе собора, и, наоборот, они отсутствуют там, где предполагать присутствие выборных людей нет оснований. Мы знаем, что выборные присылались городским дворянством, посадским населением и волостным крестьянством; но раз во всех случаях официальный состав перечней остается неизменным, то надо будет допустить, что появле-

ние выборных на соборах не мешало оставаться в составе последних с прежним значением не только столичным чином, но и провинциальным дворянам из «выбора», присутствовавшим по служебному положению, а также — официальным представителям торговых и черных сотен. Значит, оба элемента представляют в составе собора как бы два параллельных ряда, мирно уживающихся один подле другого. Эта параллельность особенно отчетливо выступает в перечных Утвержденной грамоты 1613 г., где не только столичные чины, но и «дворяне из городов и дети боярские» прямо отличаются вообще от «выборных людей, которые съехались из городов для государского обирания»¹. Тот же вывод можно сделать еще из другого наблюдения.

После избрания Михаила Федоровича была отправлена земским собором к новому царю известительная грамота. Она написана от всего собора — от чинов и выборных людей, что и естественно. В грамоте рассказывается о событиях, предшествовавших избранию царя, и среди рассказа мы наталкиваемся на следующую неожиданную фразу: «и мы, богомольцы твои государевы, всяких чинов люди Московского государства, писали во все

Царь Михаил Федорович

¹ Утвержд. Грамота, стр. 68, 72.

Украинные, и в Поморские, и в Понизовые, и в Северские города», чтобы «для государского избранья ехали из городов к Москве из всяких чинов»¹. Сделавши справку насчет того, кто были авторы посланных во все города писем — эти «всяких чинов люди Московского государства», узнаем, что то были «бояре, и окольные, и чашники, и стольники, и стряпчие, и дворяне большие, и жильцы, и из городов дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и всяких чинов люди»². Ясно, что тут действовал собор официального типа, и он же, напоминая о себе, говорит от своего лица («мы») в грамоте, писанной уже после того, как выборные съехались, — от «совета всей земли». Отсюда следует, что в составе собора он продолжал оставаться как бы самостоятельной группой.

Но документы позволяют сделать шаг еще дальше: не только установить в известных случаях параллельность существования служебного и выборного элементов, но и определить приблизительно их положение в конституции собора или их относительное значение. В этом отношении особый интерес представляет Окружная грамота от 5 июня до 1619 г.³ Там сообщается, что по возвращении патриарха Филарета из плена Михаил Федорович «с отцом своим святейшим патриархом, и с митрополиты, и с архиепископы, и с епископы, и со всем Священным собором, и с бояры, и с окольными, и с думными людьми, и со всеми людьми Московского государства, учиня сбор, говорили, «как бы исправить» разные недостатки в управлении и «земля устроить». Решено было, в качестве одного из средств к поставленной цели, вызвать в Москву выборных от населения: «а из го-

¹ Собр. Гр. и Дог., III т., № 2.

² Дворц. Разр., т. I, стр. 7–8.

³ Собр. Гос. Гр. и Дог., III т., № 47.

родов изо всех для ведомости и устроенья указали есмя, читаем в грамоте, взят к Москве, выбрав... из всякого города из духовных людей по человеку, да из дворян и детей боярских по два человека, да по два человека посадских людей, которые бы умели рассказать обиды и насильства и разоренье». Как охарактеризовать юридически то, что здесь произошло? Держась привычки мыслить старину в образах современности, мы должны были бы сказать, что имеем перед собой обычную, при некотором, правда, отступлении от конституционных форм, смену представительного состава: один собор, заканчивая свою сессию, делает постановление произвести выборы для другого собора. Несомненно, такая формулировка не соответствовала бы действительности. По точному смыслу грамоты, вызов «добрых и разумных людей» из городов был новой мерой, которую правительство, желая упорядочить жизнь страны, предпринимает наряду с другими мерами и которой непосредственно перед тем оно не располагало. Собор, принявший это решение, был, очевидно, собором старого типа, т. е. официальным, и грамота не дает даже почувствовать, что его дальнейшая судьба как-нибудь связана с призывом выборных людей. Да и что бы могла означать в применении к нему смена состава? На такие соборы приглашаются не лица, а чины, которые всегда — одни и те же, и пока производятся выборы, великий государь, может быть, еще не раз позовет их на совет. Нельзя поэтому съезд выборных приравнивать к открытию нового собора: выборные приедут и заявят государю о своих «обидах», — это самый важный момент их роли: о нем только и говорит грамота, как будто даже не предусматривая, будут они участвовать на соборах или нет. Только по перечням соборных актов, обычно обнимающим обе категории членов собора, мы можем думать, что выборные люди присоединились к московским

чинам, но в такой постановке они являются всего лишь случайным добавлением к служебному составу собора, — побочной пристройкой к главному зданию. Приблизительно с одинаковым значением выборный элемент выступает в документах, относящихся к собору 1648 г. Этот собор принято считать наиболее ярким моментом в истории соборного представительства, и против такой оценки трудно возражать, если иметь в виду продукт его деятельности — Соборное Уложение и размеры влияния выборных людей на содержание этого памятника. Но, важное практически, значение представителей земли совмещалось с очень скромным юридическим положением на соборе. При созыве собора имелось в виду «написать и изложить общим советом» статьи «на всякие расправные дела», т. е. составить свод действующего права. Этот общий совет осуществлялся тем путем, что законодательный процесс разбивался на две стадии: с одной стороны, комиссия кн. Н. И. Одоевского готовила проект Уложения, а с другой — царь с Освященным собором и думными людьми слушал и давал утверждение. В этой организации выборные люди не заняли самостоятельного положения: они присоединены были к комиссии кн. Одоевского. Так и выражались в официальных документах, если хотели точно обозначить положение выборных: «а быти им на Москве в приказе у бояр (у кн. Одоевского с товарищи) для государевых и земских дел»¹, «был на Москве у государева и земского дела в приказе з бояры...»² Конечно, представители сословий своими челобитьями а, может быть, и личными справками, давали составителям проекта необходимый материал для «докладов наверх», и отсюда возникли новые статьи; но все это не выводит комиссию (или, по тогдаш-

¹ Латкин, «Материалы», 57 стр. и др.

² Ibid.

нему выражению, приказ) кн. Одоевского из ранга вспомогательного органа, который вызван был к жизни временной потребностью и не был органической частью постоянно действующего учреждения. Совершенно так же должна быть оценена и роль выборных людей, раз они были причислены к комиссии, и едва ли она становится юридически более значительной от того, что Уложение, в окончательном его виде, было им «чтено» в общем заключительном заседании, в присутствии кн. Долгорукого. При свете этих выводов особую выразительность приобретает отрывок из грамоты на Тотьму от 11 июня 1617 г., в которой также изображены стадии соборного приговора: «и по нашему указу,— читаем здесь,— власти и бояре наши, говоря с московскими з гостями и с торговыми и со всякими людьми, приговорили...»¹ «Власти и бояре» — решающая инстанция, выборные люди — вспомогательная при ней,— так характеризовало правительство соотношение двух элементов собора еще на первых порах выборного представительства.

Положению, какое выборный элемент занимал в соборной конституции, соответствует и то конкретное назначение, какое указывало земским людям правительство. Несомненно, в первые годы царствования новой династии земский собор играл чрезвычайно большую роль в жизни государства. В глазах общества он пользовался таким авторитетом, что иногда даже официально ставился рядом с верховной властью: в царских грамотах того времени не редкость встретить ссылку на «все-народный» приговор. Можно думать, что этим своим значением земский собор был в значительной степени обязан присутствию в его составе выборных людей. Было бы, однако, ошибкой характеризовать подобными

¹ С. Б. Веселовский, «Семь сборов запросных и пятинных денег», прилож., № 63.

чертами вообще полномочия выборного представительства. Задача, для которой призывались с самого начала выборные люди, была довольно специальной: она состояла в избрании царя. Но ни в призывных грамотах, ни в обширной переписке земского «совета» с новоизбранным царем нет мысли о том, что земские люди предназначаются для участия в управлении. Это было, может быть, непредвиденным расширением задачи, если фактически им пришлось потом выступить в роли органа управления рядом с служебными чинами, — расширением, которое вызывалось желанием правительства, ввиду слабости собственных средств, усилить вес своих мероприятий авторитетным голосом избранников земли. Однако по мере того как в правительстве крепнет чувство уверенности в своих силах, оно все реже пользуется моральным авторитетом «вселенского совета», а вместе с тем изменяется и назначение земских людей, все заметнее принимая характер простой осведомительной функции. Это новое назначение уже очень ясно выражено в рассматривавшейся ранее окружной грамоте 1619 года: «а выборных бы естя людей,— говорится здесь,— отпустили бы к нам в Москву не мешкая, чтоб нам и отцу нашему и богомольцу о всем новгородском разореньи было ведомо, и, выслушав от них челобитья, учали бы есмя, прося у Бога милости, говорити и промышляти о них ко всякому добру», или, как еще выразительнее оттеняет роли обеих сторон такая же грамота в Галиче: «а мы, Великий Государь, с отцом своим и богомольцом... советовав, по их челобитью... учнем о Московском государстве промышляти»¹. Итак, бывший член полномочного собрания стал челобитчиком о нуждах и «разореньи» своей местности. Эта его роль для правительства теперь была ценнее; непрерывные финансо-

¹ «Акты Арх. Эксп.», т. III, № 105.

вые затруднения, испытываемые правительством в течение XVII в., требовали от него возможно полной осведомленности в положении местных дел, а может быть, создавали также нужду и в прямом содействии местных людей: той и другой потребности и должны были удовлетворять выборные люди. Любопытную иллюстрацию к тому наклонному пути, какой прошел избранник земли, спускаясь с высот морально-политического авторитета на скромную ступень сведущего человека, дает история пятинных сборов. Первый сбор пятинной деньги был назначен в 1614 г. по царскому указу и соборному приговору. Пятинщики, приезжая на места, должны были передавать населению грамоты — одну от государя, другую от собора¹: очевидно, авторитет собора считается необходимым для обеспечения сбора. Второй сбор в апреле 1615 г. был установлен без участия выборных людей. Правительство было уже достаточно авторитетным, чтобы взять эту меру на себя. Однако к концу 1615 г. стала выясняться неудовлетворительность организации сборов, в силу чего поступления затягивались². В начале 1616 г. был назначен третий сбор, но на этот раз снова вызваны были выборные люди: их указания, основанные на знакомстве с условиями местного быта и хозяйства, должны были устранить недочеты в постановке дела, и, действительно, как выражается грамота на Тотьму, чины собора «меж себя о том советовали и думали по многие дни»³. Еще уже роль выборных людей при назначении 4-го сбора: по знакомой нам грамоте на Тотьму от 11 июня 1617 г. активной стороной в постановлении приговора являются «власти и бояря», земские же люди выступают лишь с значением стороны, дающей справку или показание. В двух других грамотах о сборе

¹ Веселовский, I. с., стр. 36.

² Ibid., 2-я гл., также стр. 60.

³ Ibid., прилож. № 56.

4-й пятины делается ссылка только на боярский приговор, а о выборных людях не упоминается совсем. Наконец, в указах о пятом сборе нет уже никаких следов участия собора: это значит, что предыдущие сборы снабдили правительство достаточным запасом опыта, и оно пока не нуждалось в помощи сведущих людей. Так было, по-видимому, и в других случаях: обращались к населению, когда жизнь выходила из привычной колеи и ставила правительству задачи, которые оно затруднялось решить, не освеживши своего опыта, т. е. своих знаний о положении страны и способов воздействия на население. Перемена в назначении выборного элемента соборов сказалась даже на терминологии: хорошо известный официальному языку в последний период Смуты и в первые дни новой династии термин «совет всея земли», или «вся земля», скоро перестает встречаться в документах.

Становясь осведомительным орудием в руках правительства, представители «земли» постепенно усваивают себе черты, которые роднят их с представителями официального мира. Представительство начинает рассматриваться, как своего рода служба, за которую, как и за всякую другую, можно получать государево жалованье и просить наград. Сохранилось много челобитных с таким содержанием, особенно от 1648—1649 гг.: в одних «бьют челом» выборные дворяне о денежном жалованье или о награждении чином, в других — выборные посадские люди о доступной для них «государской милости» — праве беспощинно курить вино или топить баню. Но красноречивей содержания самый тон, каким написаны челобитные этих законодателей. «Прибрели, Государь, мы, бедные и разоренные холопы твои из городов, — пишут, например, в коллективной челобитной дворяне 6 городов, — бояся твоего, Государева, страху, спеша к указному сроку к тебе, Государю, к Москве без запасны... И ныне,

Государь, мы, бедные и до конца разоренные холопи твои, ожидая на Москве твоего, Государева, и земского дела вершенья, волочась со всяких нужд и голодом помираем. Милосердый и праведный Государь, помилуй нас, вели, Государь, свое, Государево, жалованье дати нам, чтобы голодом не помереть»¹. А вот представитель посада, холмогорец Васька Филатов, служивший раньше по выбору посадских людей таможенным целовальником, человек бывалый и, видимо, состоятельный, просит Государя: «пожалуй меня, сироту своего, выборного за мою службу, вели, Государь, чтобы стояльцы никакие на дворишко мое не ставилися, и пите мне на Холмогорах, вино и пиво, варить про себя и держать беспенно и беспошлинно. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй»². Но раз, таким образом, «служба по выбору» стала рисоваться обывателю в привычных красках государственной повинности, которую надо исполнять, «бояся государева страху», то не замедлило произойти сближение между столь различными областями и в других отношениях. Если раньше правительству приходилось постоянно жаловаться на уклонение служилых людей от военной повинности, то довольно скоро оно столкнулось с таким же отношением и к выборам. В представительстве избиратели видят свою обязанность, не чувствуя в нем своего права, и потому не является неожиданностью, если мы узнаем, что воеводам иногда только с помощью пушкарей и стрельцов удавалось заставить население осуществлять свои избирательные права. С другой стороны, назначением, какое получили выборные люди, объясняется и та заботливость, с какой правительство оберегает свободу выборов. Выборные несли ему не решения и не критику, а свое знание местной жизни и готовность содейство-

¹ Латкин. «Материалы», стр. 51.

² Гутье, I. с., стр. 64.

вать его желаниям; поэтому фальсифицировать выборы значило бы с его стороны затемнять себе дорогу, осветить которую оно имело в виду с их помощью. Впрочем, один раз, на соборе 1642 г., правительство услышало очень суровый приговор над своей политикой; но этот случай, надо думать, был для него таким же сюрпризом, каким он остается и для современного исследователя.

Заимствуя некоторые черты, характеризующие служебное представительство, выборный элемент косвенным образом содействовал в свою очередь существенной перемене в положении официального элемента в составе собора, обозначившейся к половине века. В XVI в. столичные чины, призывавшиеся по своему служебному значению, являлись на собор в наличном своем составе, участвуя в соборных заседаниях на одинаковых началах с думными людьми, в присутствии государя. Такой порядок соблюдался и в начале XVII в. Но в 1642 г. мы замечаем важную перемену: призванные на собор обычным порядком, служилые чины, в целях лучшего выяснения вопроса, были разбиты на комиссии, причем состав каждой определялся путем выбора¹. Отсюда оставался уже один шаг до применения к служилым группам выборного принципа в полном объеме, и такой шаг был сделан в 1648 г.: в этом году поголовно были призваны на собор только думные чины, а остальные служилые чины: стольники, стряпчие, дворяне московские и проч., должны были избирать из своей среды представителей в определенном, сравнительно небольшом, числе. Эта перемена, вероятно, была вызвана сильным количественным ростом столичного дворянства, который делал созыв его представителей на прежних началах неосуществимым; но, сближая служилый элемент

¹ О соборе 1642 г. см. мою статью «К вопросу о составе и значении земских соборов». «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1910 г., июнь.

собора с земским или выборным в одном отношении, она проложила путь к сближению их и в другом: и в самой конституции собора первый начинает занимать такое же положение, как и последний, т. е. отодвигается на задний план. В 1648 г. одни думные чины заседают с государем, а служилые все причислены к приказу кн. Одоевского вместе с выборными людьми. Перемена чувствуется и в организации собора 1651 г. В соборном акте после изложения обстоятельств, побудивших к созванию последнего, читаем: «И по государеву указу стольникам и стряпчим, дворянам московским» — короче: всем чинам, кончая «выборными торговыми людьми» — «в столовой избе по сему письму объявлено. А Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Руси в то время был, а при нем, Государе, бояре и думные люди в столовой избе»¹. Разница характерная: раньше государь указывал «быти на соборе при себе, Государе», всем членам собора до торговых и всяких чинов людей включительно², — а теперь «при нем, Государе», только бояре и думные люди, остальные от него отделены; раньше сам государь обращался с речью ко всем присутствующим, и те в свою очередь — люди больших и малых чинов — «на соборе говорили»³, теперь же служилые чины и выборные люди были призваны в столовую избу как будто для того только, чтобы им, в присутствии государя, «по сему письму объявлено было». Эта картина нового строя соборного представительства находит себе дополнение и отчасти — объяснение в обстоятельствах, при каких состоялся собор 1653 г. Собор был назначен на 1 октября, праздник Покрова Богородицы. По сообщению соборного акта, государь пришел «для собо-

¹ Латкин. «Материалы», стр. 81–87.

² См. Г. Г. и Д., III т., № 99 и др.

³ Ibid.

ра» в Грановитую палату «от праздника, от Покрова Пресвятыя Богородицы», т. е. отстояв обедню. Сначала, «по указу Государя», было «чтено всем вслух» о «неправдах» короля Яна Казимира и о предложении Богдана Хмельницкого, и после чтения «бояре,— читаем в акте,— приговорили: за честь Великого Государя стояти и против польского короля война весть». Вслед за тем и остальные члены собора были «допрашиваны ж по чинам, порознь», причем служилые люди заявили о своей готовности «биться, не щадя голов своих», а торговые люди обещали «вспоможенье», добавив, что они также «за государскую честь головами своими ради помереть». Все эти подробности не оставляют, думается, сомнения в том, что соборное заседание заняло небольшую часть дня, и что от «всяких чинов людей», в том числе — и служилых, правительству нужно было получить не совет, а просто заявление о согласии, становившееся обязательством, жертвовать «головами» и «вспоможеньем». Самое же решение вопроса, вероятно, заранее и заготовленное, принадлежало боярам. Тот же, конечно, смысл имело «чтение письма» на соборе 1651 г., и подобный же, т. е. желание заручиться обязательством исполнять, — «чтение» Уложения в 1648 г. Во всех этих случаях одинаковое расстояние отделяет служилые чины и земских людей от правящего круга, ставя первых на одинаковый уровень политического значения¹.

¹ Интересно сопоставить с этим характеристику церковных соборов XVI—XVII вв., которую находим в книге Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (т. II, стр. 108—109): «В действительности нашим архиереям на соборах XVI и XVII столетий принадлежала самая скромная, малодейственная и маловлиятельная роль. Они являлись на собор вовсе не потому, что у них самих, или в среде их паствы, назревала настоятельная потребность соборно обсудить и порешить те или другие выдвинутые жизнью вопросы, а единственно потому, что явиться на собор им приказывал царь, так что они являлись на собор только в силу своего официального положения,

Итак, с самого начала XVII в. земский собор обнаруживает двойственный характер, объединяя в своем составе официальный элемент и земский. Первый можно назвать основным по его устойчивости и влиянию, второй представляется более или менее случайным. Тот и другой восполняют правительству недостаток в средствах управления, но каждый — по преимуществу в своей области: служилые чины — содействуя, в качестве привычного административного аппарата, осуществлению правительственных мероприятий, земские люди — доставляя ему, в качестве местных обывателей, необходимые сведения о состоянии страны. С течением времени, однако, между обоими элементами собора происходит известная ассимиляция, причем они взаимно обмениваются своими признаками, и вместе с этим наблюдается перемена в соборной организации: линия раздела, проходившая раньше между представителями официального и выборного начала, передвигается выше, оставляя около государя только правящую группу с значением основного ядра, а всех остальных членов ставя в положение случайного или временного добавления. С этой точки зрения боярские комиссии с сословными представителями, которыми стали во второй половине XVII в. заменять соборы, были только наиболее ярким моментом давно начавшегося процесса.

а не по своим внутренним влечениям или убеждениям, или как представители голоса, нужд и интересов своей паствы. Являясь из своих епархий на собор, они совсем не были подготовлены к решению соборных вопросов... На соборе им давался уже готовый и более или менее обработанный предсоборной комиссией материал, причем в работах ими руководили лица, ранее назначенные царем и несравненно лучше и больше их знавшие... Они не смели... расширять рамки тех вопросов, которые им были поставлены; их рассуждения должны были вращаться в тех пределах, какие строго и определенно были указаны царем».

IV

Предшествующее изложение имело целью установить признаки, характеризующие земский собор, как учреждение, путем анализа данных, относящихся непосредственно к его составу и его деятельности. Но всякое учреждение многообразными нитями связано с современной ему действительностью, потребностями которой оно вызвано к жизни и своеобразие которой оно отражает в своей организации. Ввиду этого характер учреждения должен выступить яснее, если, не ограничиваясь юридическим анализом, рассматриваем его в соответствующей исторической обстановке: она может досказать нам то, о чем умалчивают прямые источники. Такой прием в применении к земским соборам, может быть, особенно уместен, ввиду скудости и неопределенности относящихся к ним прямых данных.

Момент возникновения соборов падает приблизительно на половину XVI в. Уже известные нам особенности соборной организации, сложившейся в это время, показывают, что собор зародился в официальной обстановке, с самого начала был приспособлен более к нуждам власти, чем к потребностям общества. Значит, и условия, его вызвавшие, должны скрываться не столько в состоянии русской общественности того времени, сколько в задачах русской государственности.

К началу XVI в. закончился процесс объединения русской земли под властью московского князя. Удельную раздробленность должен был сменить государственный порядок. Этот процесс своими конечными результатами вполне отвечал национальной потребности, но по способу своего осуществления шел поверх основного населения, являясь по преимуществу односторонним действием московской политики. И потому порядок,

в котором видимым образом воплощалось достигнутое единство, на первых порах очень мало затрагивал внутренние отношения объединенных областей. По существу он заключался в том, что в составе населения введен был новый класс с официальным характером — служилые люди, частью в виде помещиков, владевших землей в непосредственной личной зависимости от князя московского, частью в виде кормленщиков, в награду за службу получавших от него во временное пользование ту или другую публичную функцию с ее доходами. Созданная нуждами удельного князя-вотчинника, эта система удерживалась московскими князьями и тогда, когда их княжество стало национальным государством. К половине XVI в. она успела, однако, обнаружить свою негодность в роли государственного порядка, вызвав сознание необходимости другой, которая лучше бы соответствовала новому значению Москвы. Реформы Грозного в значительной степени и вышли из этого сознания, положив начало порядку, в котором место частно-правовых отношений заступили более объективные, общеобязательные нормы. Обязательная служба, устанавливавшаяся раньше, на тех или других условиях, путем частного соглашения государя с вольным человеком, была перенесена с лица на землю, в силу чего самый факт владения — на поместном или вотчинном праве безразлично — стал налагать на владельца повинности в точно определенных размерах. Таким образом, в положении служилого человека объективный экономический принцип заслонил собой прежнее субъективное основание — договор, и служба из личного обязательства стала государственной повинностью. Одновременно с этой была произведена другая реформа, может быть, подсказанная первой. Отменена была система кормлений, являвшаяся наиболее ярким выражением частно-правовых отношений в политике и теперь оказывавшаяся в противоречии с но-

вой постановкой государственной службы. Кормленщики были выведены из провинции, и их административные функции были переданы самоуправляющимся общинам в лице выборных властей, которые становились чрез то заместителями государственной власти. Этими двумя реформами под государственное здание подведен был новый фундамент; но они вместе с тем затрагивали и вершину здания, так как могли быть осуществлены лишь под условием соответствующих перемен в высшем управлении. Наверху, в качестве правящего класса, стояло боярство, являясь объединительным органом, к которому сходились все нити управления. Но оно могло выполнять свою задачу только при прежней постановке службы, с помощью рассылавшихся во все концы кормленщиков. Служебная реформа, сделав служилых людей землевладельцами и связав их службу с местом земельного владения, должна была разбросать их по всем уездам государства и тем самым произвести брешь в системе высшего управления. Центру грозила опасность быть отрезанным одновременно — и от военно-служилого класса и от самоуправляющихся общин.

Реформы Грозного вводились не вдруг, путем частичных изменений. Несомненно, им предшествовали тщательные обсуждения в правящей среде, чем достигалась известная согласованность отдельных мероприятий. Но мысль о реформе из правящего круга проникла и в общество, вызвав появление своеобразной публицистической литературы. В произведениях этой литературы мы находим, с одной стороны, резкую критику аристократического строя общества и управления, в которой, можно думать, сказалось сознание переживавшегося тогда правительственного кризиса («Челобитная Ивашки Пересветова»), а с другой — попытку решить стоявший на очереди вопрос о преобразовании высшего управления, — попытку, которая показывает, что идея

земского собора уже носилась в воздухе. Автор политического памфлета, известного под названием «Иного сказания Беседы Валаамских Чудотворцев», видит выход в учреждении «единомысленного вселенского совета»; он уверен, что «Царство Московское придет во благоденство», если царь «без величества и без высокоумия гордости» будет «погодно» собирать людей «всяких мер» «от всех градов своих и от уездов городов тех» и «добре» расспрашивать их «про всякое дело мира сего». Вместе с тем царю рекомендуется держать при себе «разумных, мудрых и надежных воевод и воинов», не разлучаясь с ними «ни на один день». Так заполнялась в проекте публициста XVI в. пропасть между центром и периферией, которой угрожала реформа служилого класса.

Московское правительство вышло из затруднения несколько иначе. Строго говоря, вопрос был предreshен своеобразной мерой, принятой Грозным в 1550 г. В этом году велено было отобрать из разных уездов детей боярских, «лучших слуг», 1000 человек и наделить их поместьями в Московском и смежных с ним уездах. Все они предназначались, по выражению указа, для «посылок», т. е. для разных военно-административных поручений. Вероятно, несколько позднее, в связи с проведением служилой реформы, правительство стало вызывать с той же целью, в дополнение к «тысяче», и других «лучших» служилых людей из провинции — так называемый «выбор». В результате под рукой у правительства оказался довольно многочисленный контингент лиц, через которых оно имело возможность поддерживать постоянную связь с разными пунктами государства и в нужных случаях оказывать на местную жизнь свое воздействие. Благодаря этому реформа служилого класса могла быть выполнена без всяких потрясений в высшем управлении: выпадавшие, с отменой кормлений, части прави-

тельственного механизма немедленно заменялись новыми, более приспособленными к назначению целого. Так образовался совершенно особый общественный слой, который, являясь административным посредником между властью и населением, служил вместе с тем проводником единства в управлении, и теперь надо было дать ему такое юридическое положение, которое наилучшим образом обеспечило бы ему выполнение его задачи. Важно было, чтобы между правительством и этой группой его агентов в ее целом сохранялась постоянная непосредственная связь, и вотчинная традиция указала ту форму, которая делала подобную связь осуществимой: это — двор государев. Принято говорить, что «тысяча» вошла в состав столичного дворянства: это должно означать не то, что все дети боярские из тысячи сделаны были «дворянами», такого числа не было столичных «дворян» даже в XVII в., — но то, что они получили, вместе с «выбором», доступ ко двору государя. Подобно столичным чинам, и для них были отведены, по-видимому, особые места при дворе, которые они должны были занимать во время придворных церемоний. Одновременно с провинциальными служилыми людьми на государевом дворе появляются официальные представители торгово-промышленного населения Москвы, — надо думать, также в качестве посредников между властью и обществом — в своей области. Таким образом, при Грозном двор, не в бытовом, а в юридическом смысле, стал включать в себя всю официальную Москву. В этом составе его чаще всего можно было наблюдать в каких-нибудь торжественных случаях, когда (например, при приеме послов) царский трон должен был выступать в полном блеске. Тогда можно были заметить — не у самого трона, где располагались важные чины, а подальше — «в сенях на лавках» или «по крыльцу», и «гостей в золоте», и «дворян из городов в цветном платье», и «сотенных торго-

вых людей»¹. Но в том же составе двор становился политическим учреждением, если причиной собрания служил не случай бытового характера, а государственный вопрос. Право государя, как понимал его Грозный, «хотение свое творити от Бога повинным рабом» (т. е. подданным), страдало так же мало, когда он звал этих рабов, чтобы они сказали ему «свою мысль», как и тогда, когда он окружал ими свою особу, чтобы придать своим выходам нужный блеск. Так определилась форма «единомысленного вселенского совета», в которой «высокоумие гордости» самодержавного царя примирилось с участием общественных сил страны в управлении государством: желание автора «Иного Сказания» осуществилось, но в своеобразной постановке.

По составу и характеру собор был, прежде всего, принадлежностью придворной жизни и потому, вероятно, гораздо более привычным явлением, чем принято думать, привычным настолько, что разве лишь по связи с исключительными событиями привлекал внимание придворных хроникеров или летописцев. В летописи рассказ о соборе 1566 г. начинается так, как будто речь идет о самом обычном явлении: «28 июня Царь и Великий Князь Иван Васильевич говорил со князем Володимиром Ондреевичем и с своими богомольцы» и т. д.² Это и понятно: разнообразные проявления политической жизни, сосредоточиваясь по существу в ограниченном кругу лиц, каким был государев двор, легко сливались с чисто бытовыми явлениями, теряя разграничительные черты. Читая записи того времени о разных событиях придворной и собственно политической жизни, — как будто всегда видишь перед собой действующим одно и то же учреждение, которое позволяет разли-

¹ См., напр., «Русск. Истор. Библ.», т. IX, стр. 432—433.

² Л. с., т. III, стр. 277.

чать только поводы для собраний, да еще, может быть, костюмы участвующих лиц. Вот один из многих возможных примеров. Вскоре после возвращения митрополита Филарета из плена в Москву, столичные чины «приходили к государю и говорили» о том, чтобы отец его «принял» святительский престол патриаршеский, и великий государь «с Ерусалимским патриархом Феофаном и Московского государства с митрополиты, и с архиепископы, и с архимариты... и с бояры, и с окольнічими, и думными людьми, и с стольники, и с стряпчими, и с дворяны московскими, и с приказными людьми, и с дворяны и детьми боярскими из городов, и с гостями, и с торговыми и всяких чинов людьми Московского государства приходил к отцу своему и богомольцу и говорил и просил со всяким молением»¹. Что это: собор, государственное учреждение, занявшееся частным делом, или бытовая сцена, проведенная людьми, которые в другой обстановке составляют государственное учреждение? Рассматриваемый с такой точки зрения, собор является органом московских государей, привычным и постоянным в такой же мере, как окружавшая его служилая среда.

Располагая, в качестве исполнителей военно-административных поручений, запасом опыта, чины, призывавшиеся на собор, своими знаниями могли, без сомнения, углублять мотивы принимавшихся правительством решений. Но в некоторых случаях их значение могло идти и далее. Представляя из себя, в полном составе, администрацию страны, они, по всегдашней склонности управителей подменять собой личности управляемых, могли казаться в собственных глазах, да и в глазах правительства, заместителями населения. По выражению «соборного определения», Бориса Годунова

¹ Книги Разрядные, т. I, стр. 610–611.

поставила царем «вся земля»¹, хотя в составе избравшего его собора были только лица официальные. В этой же подстановке понятий лежит, вероятно, и главный источник чрезвычайных политических притязаний чиновной Москвы, ее уверенности, что она вправе решать вопросы, касающиеся всего государства, как, например, вопросы об избрании или низложении царя. Очень ярко охарактеризовал положение, занятое Москвой в политической жизни страны, патриарх Гермоген: противникам Шуйского, доказывавшим незаконность этого царя тем, что «князя-де Василья одной Москвой выбрали на царство, а иные города того не ведают, он говорил: «до-толе Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астарахань, ни Псков, и некоторые города не указывали, а указывала Москва всем городам»². Значит, расширяя состав двора включением общественной группы с административным значением, Иван IV сосредоточивал около себя силу, которая могла до известной степени гарантировать ему исполнение правительственных мероприятий не только за себя, но и за «всю землю». Мнение этих лиц, высказанное в торжественном заседании и скрепленное, как показывают соборные акты, присягой, и должно было служить такой гарантией. В XVII в. такое значение административного авторитета официального собора выступает с особенной ясностью. Известно, например, с каким трудом московское правительство собирало в XVII в. разные экстраординарные налоги, от которых почти не давало населению передохнуть; и когда в подобных случаях оно обращалось на собор к официальным его членам с предложением дать денег или посылало их «с собору» для сбора нового налога, то, без сомнения, оно имело при этом в виду, что их админист-

¹ «Акты Арх. Эксп.», т. II, № 6.

² Ibid., № 169.

ративное представительство давало им возможность оказывать желательное воздействие на население. А отсюда следует, что и самая прочность собора в его официальном составе должна была находиться в зависимости от устойчивости административного значения соответствующих общественных групп.

Такова историческая обстановка, в которой сложился официальный тип собора. Совсем иные условия вызвали к жизни земское выборное представительство. Оно возникло в период, когда нарушилось привычное течение жизни,— в обстановке, которая была создана Смутой.

Смута вызвала необычайную самодеятельность в населении — от крупных городов до мелких уездных обществ. Благодаря ей, вышли наружу те противоречия, какими была проникнута социальная и политическая жизнь Московской Руси, и каждая общественная группа, по связи экономических и социальных интересов с тем или другим политическим порядком, оказалась вовлеченной в борьбу, которая шла между политическими партиями. Смута была временем междоусобиц, но она же явилась вместе и школой солидарности. Если современники, пережившие непосредственно ужасы «великой разрухи», с негодованием говорят о проявлениях взаимного ожесточения и ненависти среди русских людей, то мы, наблюдая ее издали, можем, наоборот, удивляться тому, сколько единодушия, при полной анархии, обнаружено было отдельными мирами, которые поняли общность своих интересов. Объединяло, главным образом, движение, имевшее целью освобождение Москвы. Начавшись на севере, оно постепенно разрасталось, захватывая все новые и новые области и сближая между собою пункты и районы, до того времени остававшиеся чуждыми и далекими друг для друга. Но чем больше разрасталось это движение, тем яснее чувствовалось, что

Москва теряет свое руководящее значение, и ее прежняя роль начинает распределяться между пробудившимися к политической жизни уездными мирами. Каждый уезд, во главе с городом, образуют самостоятельную политическую единицу, а ее организующим элементом являются административные чины, из которых иные по служебным отношениям принадлежали к официальной Москве и, может быть, не раз бывали на соборах. Призывные грамоты, которыми обмениваются города во время Смуты, обыкновенно начинаются приветствиями, и в перечнях чинов, от которых или к которым идут эти приветствия, на первом месте стоят: духовные чины, а за ними — воеводы, дворяне и дети боярские, земские старосты и целовальники. Когда в Нижний Новгород пришла одна из троицких грамот, то нижегородские власти учинили, по словам летописца, на воеводском дворе совет: «а на совете том были Феодосий, арх. Печерского монастыря, Савва, Спасский протопоп, да иные попы, да Биркин, да Юдин, и дворяне и дети боярские, и головы и старосты, от них же и Кузьма Минин»¹. Совершенно ясно, что советы в таком составе дают нам довольно точную копию земских соборов того типа, какой мы наблюдали в XVI в., конечно, с отличием в иерархическом значении чинов, соответствующим разнице между столицей и уездным городом. Отсюда и напрашивается мысль, что стоявшие во главе уездного управления официальные лица играли при начавшемся движении организующую роль, имея перед глазами знакомый им образец. Однако сила общественной инициативы не могла уложиться целиком в эту казенную форму и сказалась появлением в составе советов элемента, совершенно неизвестного официальному собору. Во всякой грамоте перечень знакомых нам чинов заканчи-

¹ С. О. Платонов. «Очерки по истории Смуты», стр. 530.

вается новым титулом — «всяких служилых и жилецких людей», к которым нередко присоединяются «волостные крестьяне», иногда же вместо всех этих групп называется одна: «христоименитый народ». И это — не простая формула, как можно подумать на основании позднейшей соборной практики. Сохранилась грамота из Ярославля от 1611 г., под которой подписались лица, составлявшие тогда ярославский городской совет: там, за подписями духовных и должностных лиц (от воеводы до целовальника), идут подписи, авторы которых не поставили при своих именах никаких официальных титулов, а один прямо сам назвался посадским человеком, другие же заставляют отнести себя к этому разряду потому, что величают себя слишком просто для официальных лиц: Клим, Володя¹. Очевидно, это — заурядные обыватели города или уезда, «жилецкие люди», которые попали на совет по общественному доверию, а не по служебному значению.

Ярославскую грамоту можно считать исключением только в том смысле, что она сохранила подписи членов городского совета; но то явление, которое вскрывается благодаря этим подписям, было, без сомнения, общим для всех городов. Наличие выборного элемента в составе городских советов устанавливала близкую непосредственную связь между ними и населением, придавая им необычайную жизненность, а утрата с падением Москвы политического центра сообщала самим городам давно забытое ими самостоятельное политическое значение. Получилась изумительная картина: во всех этих городах, от Вологды и Устюга до Казани и Перми, убогих и по внешнему виду, и по количеству населения, и, наконец, по материальному достатку, забытых и загнанных Москвой, ключом закипела жизнь и неистощимым ис-

¹ «Акты Арх. Эксп.», т. II, № 188.

точником забил неподдельный энтузиазм. Читая их призывные грамоты, с трудом веришь, что носителями этого подъема и этой моральной стойкости были те незаметные люди, размеры политической правоспособности которых еще накануне определялись термином: холопы. Теперь унижительный титул исчезает сам собой, заменяясь более соответствующим моменту: «господам» (таким-то) начинаются грамоты, перечисляя в приветствии и чины и состояния, к которым адресуются; «и вы бы, господа»... — неизменная форма обращения авторов к своим корреспондентам. Вместе с подвигом не только поднялось общественное самосознание, но и явилось чувство власти. Поручая исполнение своих решений отдельным лицам, города или городские советы дают им наказы, с изложением их обязанностей и с особой санкцией¹. Такова была атмосфера, в которой выросло и окрепло выборное представительство и которая явилась благоприятным условием для того, чтобы оно из узкой сферы городской жизни было перенесено на широкую государственную арену. Один факт отмечает момент завершения этого процесса: в грамотах начинает встречаться термин «вся земля», как выражение созревшего в нации сознания политической солидарности: а рядом с ним появляется и другой термин: «совет всея земли», как стал называться орган общеземского представительства. Впервые последний выступает с признаками высшего государственного учреждения в ополчении Пожарского, своим составом ясно свидетельствуя о перемене, происшедшей в характере земского собора и даже указывая отчасти путь, каким выборный элемент проник на соборы. Сличая по подписям состав ярославского городского совета с составом образовавшегося позднее в Ярославле «совета всея земли», находим там и

¹ «Акты Арх. Эксп.», т. II, № 181.

здесь, среди простых «жилецких людей», одних и тех же лиц¹. Значит, выборный для представительства в городском совете, в некоторых, по крайней мере, случаях, продолжал свою политическую карьеру уже в общегосударственном учреждении, в качестве избранника «земли». В то же время выборное начало нашло еще и другой путь, разъясненный С. Ф. Платоновым. Когда население в борьбе с врагом стало смыкаться в общий союз, то городские миры усвоили обычай посылать «для доброго совета» в другие города своих представителей. Таким образом, соединение в одном всесословном «совете» представителей нескольких областей образовалось естественно, вследствие исключительных событий смутной эпохи. А отсюда уже был один только шаг и до «совета всей земли»².

«Совет всей земли», в своем полном составе, был живым воплощением того подъема, который спас страну в минуту грозной опасности. Здесь лежит причина того факта, что и по прекращении Смуты, в течение некоторого времени, он пользовался чрезвычайным авторитетом, иногда становясь рядом с носителем верховной власти. Но политический авторитет собора не был формулированным правом, а только фактом, и мало оснований думать, чтобы в момент вступления новой династии была тенденция превратить этот факт в право³. Таким образом, дальнейшая судьба собора зависела, с одной стороны, от того, в какое отношение станет к нему правительство, а с другой, — как в этом вопросе поведет себя общество. Но правительство, уладив с помощью народных представителей наиболее тревожные затруднения и почувствовав себя с наступлением относитель-

¹ «Акты Арх. Эксп.», т. II, № 203.

² «К истории Московск. земских соборов», стр. 27–31.

³ См. С. Ф. Платонов. «Московское правительство при первых Романовых».

ного «покоя» увереннее, не имело побуждений поддерживать политическое значение «совета земли». В том идейном запасе, какой правительству новой династии достался по традиции, народное представительство, в смысле политической силы, не могло найти опоры; зато там были понятия, сложившиеся на практике земского областного самоуправления, и они послужили правительству готовым образцом при определении его отношений к земскому представительству на соборах. Давая в XVI в. земским мирам самоуправление, правительство по существу перелагало на них часть своих обязанностей в лице их выборных; той же тактики оно начинает держаться и в отношении к соборному представительству: местные люди должны были заполнить для него пробелы в средствах управления, какие особенно остро чувствовались в первой половине XVII в.: недостаточную осведомленность в состоянии народного хозяйства и слабость финансовой администрации. Поставленное на этот путь, выборное представительство довольно скоро сблизилось, как мы видели, с служебным, а в результате явилась новая организация собора, построенная на одинаковом юридическом значении обоих элементов. И в этой форме соборное представительство ценится правительством постольку, поскольку оно вынуждено пользоваться общественными силами для достижения административных целей. Отсюда: быстро растущая с половины XVII в. бюрократизация центрального и областного управления должна означать приближение конца земского собора.

Новое освещение получит картина постепенного упадка земских соборов, если от правительственной практики подняться в сферу идей и чувств, характеризующих настроение общества. Здесь на первом же шагу мы встречаемся с поразительным фактом: общество, которое характеризуется в отношении политического разви-

тия, как своей главнейшей чертой, деятельностью земских соборов, не оставило никаких известий об этих соборах, и мы, по всей вероятности, ничего не знали бы о судьбе земского представительства по окончании Смуты, если бы не сохранили память о нем московские канцелярии по долгу службы. Такое наблюдение заставляет предполагать, что в расцвете земского представительства мы имеем дело скорее с временным эпизодом, чем с прочным направлением чувств и понятий. Был подъем, созданный исключительным моментом, когда политические вопросы, к которым русский человек привык подходить с боязливостью, выдвинуты были с чрезвычайной резкостью и откровенностью. Неожиданно нарушены были все политические традиции, и общество, за несколько лет Смуты, получило запас впечатлений, который при обычных условиях оно собирало бы долгие годы. Это, конечно, выбивало из колеи, но еще не означало нового политического мировоззрения и не давало надежного политического воспитания. Подобные явления наблюдаются и в личной жизни человека, когда какая-нибудь катастрофа производит резкую перемену в душевном настроении: в этих случаях от окружающей обстановки часто зависит, пустит ли новое настроение глубокие корни в душе, или будет только слегка окрашивать поведение человека. Так было и с русским обществом XVII в. Из Смуты оно вынесло новые чувства и новые взгляды, пережило за это время высокий подъем национального и политического самосознания. Но Смута кончилась: стал налаживаться общественный и государственный порядок, и тут, прежде всего, выяснилось, что социальная почва для развития политического представительства не тверда. Смута выдвинула средние классы общества, по преимуществу среднее дворянство, и придавила низшие. Такой результат означал усиленное развитие в ближайшем будущем крепостниче-

ских отношений, и действительно, как только страна оправилась от потрясения, начинается безостановочная работа по закреплению крестьянства, которая к половине века дружными усилиями дворянства и правительства и приводится к благополучному окончанию. Но крепостное право, отдавая крестьянина в распоряжение помещика, в то же время делало и господина холопом перед властью, которая санкционировала этот порядок. Таким образом, зародыш политической свободы, который, может быть, скрывался в земском представительстве, должен был развиваться в атмосфере, насыщенной рабством. С другой стороны, с прекращением Смуты замирает живое взаимодействие земских миров, так расширившее в смутный период практику выборного представительства, и цельный поток народной жизни снова разбивается на отдельные ручейки. В результате чиновная Москва снова чувствует себя нервом политической жизни, и, может быть, отчасти потому преобладающей формой представительства становится и в XVII в. официальный собор, к которому сравнительно редко присоединяются «мирские челобитчики». Все это возвращало русского человека к прежней изолированности и пассивности; интерес к представительству, выращенному Смутным временем, слабел, и самые выборы становились неприятным и ненужным бременем. Приближавшееся царство бюрократии и абсолютизма ждала подготовленная почва.

А. Заозерский

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 Г.

В 1648 г. Москва переживала большую тревогу. Вспыхнувший в мае, в присутствии самого царя, мятеж московской черни, хотя скоро и решительно подавленный, был симптомом широко разлитого в разных слоях населения недовольства и резкого раздражения против многих порядков государственного и общественного строя. Вся сила народного гнева обрушивалась на «сильных» людей, т. е. на тех влиятельных представителей придворного и чиновного мира, от злоупотреблений которых страдало и разорялось население и на которых оно не находило скорой и верной управы и защиты. Не мог не пострадать вместе с тем и авторитет царской власти, плотно окруженной этими ненавистными народу «сильными людьми». Обаяние личности молодого и добродушного царя могло произвести минутное успокаивающее впечатление на толпу; но втихомолку и про царя шли иногда нехорошие речи; царя попрекали молодостью и неразумием, тем, что он «глядит все изо рта» Морозовых

и Милославских. Все эти формы и симптомы бродившего в различных слоях населения недовольства представлялись тем более тревожными и опасными, что еще были живы воспоминания и предания «великой разрухи» государства.

При таком положении дел меньше, чем через два месяца после московского мятежа, приступлено было к давно назревшему предприятию — составлению нового законодательного кодекса. Патриарх Никон, обычно резко и односторонне оценивавший людей и события, высказался однажды, что составление Уложения принято было «боязни ради и междуособия от всех черных людей, а не истинныя правды ради», т. е. что в данном деле действовало не сознание высших государственных интересов, а малодушный страх и желание скорее утишить общественное недовольство, которое вырывалось в мятежах городской черни. Это, конечно, слишком уже упрощенное и одностороннее объяснение причин, вызвавших земский собор для составления нового Уложения. Но несомненно, что условия тревожного времени, среди которых московское правительство решило взяться за это дело, положили свой отпечаток на новый кодекс, и в последнем живо отразилось острое столкновение противоречащих жизненных интересов, порождавших общественное недовольство и беспокойство правительства.

16 июля 1648 г., говорится во введении к Уложению, царь советовался с отцом своим и богомольцем патриархом Иосифом и со всем Освященным собором и говорил со своими боярами, окольными и всеми думными людьми: которые статьи написаны в правилах св. апостол и св. отец и в градских законах греческих царей, — и те бы статьи выписать и чтобы прежних великих государей, царей и великих князей российских указы и боярские приговоры на всякие государственные и зем-

ские дела собрать, а со старыми судебниками справиться. А на которые статьи в прежних судебниках указа не положено и боярских приговоров на те статьи не было,— и те бы статьи по тому же написать и изложить общим советом, «чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшого чина, суд и расправа была во всяких делах равна». Ближайшим образом исполнение этой кодификационной работы поручено было особой комиссии, в составе бояр кн. Н. И. Одоевского, кн. С. В. Прозоровского, окольничего кн. Ф. Ф. Волконского и дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова. Вместе с тем «для того своего государства и земского великого царственного дела» указал царь созвать в Москву выборных: от стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов по два человека, от дворян и детей боярских больших городов по два, из новгородцев с пятины по человеку, от гостей трех человек, от суконных сотен по два, от черных сотен, слобод и посадков по человеку — «добрых и смышленных людей, чтобы его государево царственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставити, чтобы те все великие дела по нынешнему его государеву указу и соборному Уложению впредь были никем нерушимы». 28 июля были разосланы грамоты о присылке выборных в Москву к 1 сентября.

Несмотря на большую сложность и трудность нового законодательного предприятия, оно было проведено с чрезвычайной быстротой. Составление проекта Уложения комиссией кн. Одоевского, при участии выборных людей, закончено было к октябрю, и с 3 числа этого месяца началось соборное обсуждение проекта в двух палатах: в одной заседал царь с Боярской думой и Освященным собором, в другой, «ответной» палате — выборные люди под председательством кн. Ю. А. Долгорукого.

29 января 1649 г. Уложение было закончено обсуждением и переписано; члены собора приложили к нему свои руки. Напечатанное весной особою книгой Уложение быстро разошлось, и в том же году напечатано было второе издание.

Такова вкратце внешняя история составления Уложения. В официальном ее изложении, которое мы находим в введении к самому Уложению, опущен наиболее интересный для нас момент — активное участие выборных людей в составлении кодекса. В помянутом введении сказано только, что Уложение было «чтено» выборным, и последние приложили к нему руки. Отсюда следовал вывод, что участие выборных было чисто пассивное. Это старое мнение должно быть совершенно оставлено теперь, когда детальное исследование источников Уложения открыло, что значительное число его статей (до 60) возникло из челобитий выборных людей. Не все эти челобитья, конечно, получили удовлетворенье, и правительству было известно, что в некоторых городах «шумели, что выборные на Москве разных их (горожан) прихотей не исполнили». Сами выборные просили у правительства береженных грамот на случай резкого выражения недовольства со стороны избирателей, так как «у твоего государева соборного Уложения по челобитью земских людей о их нуждах не против всех статей твой государев указ учинен». Все это показывает, что составление Уложения не было спокойной бесстрастной работой над приведением в порядок действующего законодательства. Участие выборных осложнило эту работу постановкой ряда злободневных вопросов, возбуждавших страсти и несбыточные иногда пожелания и надежды. По отзыву Никона, Уложение и было «по страсти написано многонародного ради смущения».

Официальная история составления Уложения не отметила также еще одного, весьма важного источника, из

которого широко почерпнули наши кодификаторы,— Литовского статута. В подлинном свитке Уложения сделаны отметки о заимствовании 56 статей из Статута. Специальное же исследование проф. Владимирского-Буданова показало, что таких заимствований гораздо больше. Почти целиком заимствованной оказалась вся первая часть Уложения, посвященная вопросам государственного права, также глава XXII — о смертной казни; заимствованы из Статута и многие статьи в других главах. Но, как обнаружено тем же исследованием, заимствования из Статута не представляли собою точного и буквального воспроизведения тех или других постановлений литовско-русского права; иногда наши кодификаторы коренным образом перерабатывали заимствуемые нормы или заимствовали только постановку определенного вопроса, а решение его давали свое. При краткости времени, в которое было составлено Уложение, можно предполагать, что обширные заимствования из Статута были произведены с помощью материала, уже заранее подготовленного путем давней приказной практики.

Представляя собою кодекс несравненно более полный, чем Судебники, охватывая все отделы действующего права, Уложение стремится и к большей систематичности изложения всего введенного в него материала. Последний разбит на 967 статей, сведенных в 25 глав. Но система Уложения еще очень несовершенна. Некоторые главы посвящены отдельным, очень специальным вопросам права, например, глава 4-я — «о подпизчиках и которые печати поддельывают» или глава 5-я «о денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги»; другие совмещают постановления по разным отделам, например, обширная глава 10-я — «о суде». Проф. Владимирский-Буданов находит возможным разбить все главы Уложения на 5 главных групп, соответственно главным отделам права: 1) главы 1—9-я содержат государственное

право, 2) главы 10–15-я — устав судоустройства и судопроизводства, 3) главы 16–20-я — вещное право, 4) главы 21–22-я — уголовное уложение, 5) главы 22–25 — добавочная часть: о стрельцах, о казаках, о корчмах.

Обратимся теперь к обзору важнейших постановлений Уложения по вопросам, особенно волновавшим политическую и общественную жизнь Московского государства в середине XVII в.

Уложение открывалось главой «о богохульниках и церковных мятежниках». За хулу на Бога и Божью Матерь, на святых и на честный крест устанавливалась смертная казнь чрез сожжение, за всякие производимые в храмах бесчинства и беспорядки, к числу которых относилась и подача челобитий царю или патриарху во время богослужения, налагались также суровые наказания, от смертной и торговой казни до тюремного заключения. Но этой краткой первой главой не исчерпывались постановления, касавшиеся различных церковных вопросов, интересов и отношений. Такие постановления в большом числе рассыпаны в последующих главах. Таковы постановления о присяге для людей духовного и мирского чина, о совращении православных в басурманство, об ограничении прав иноверцев, о покровительстве новокрещеным, о самозванных попах и монахах, о браке, об охране церковных имуществ от похитителей, об охране чести духовных лиц, о почитании праздников, о святительском суде, церковных приказах и т. п. Все эти меры направлялись к ограждению достоинства и интересов православной церкви и к упорядочению церковной жизни. Но вместе с тем в Уложении проведено несколько чрезвычайно важных постановлений иного характера, вызвавших сильное недовольство со стороны церковной власти. Это было учреждение Монастырского приказа и ограничение церковного землевладения, Монастырский приказ, учреж-

денный по челобитью выборных людей, т. е. по желанию самого земского собора, поставлен им, как государственное судебное учреждение, ведавшее «во всяких истцовых исках» все духовенство и подведомых ему людей (гл. XIII). Во главе нового приказа поставлен был председатель комиссии, выработывавшей проект Уложения, кн. Н. И. Одоевский, против которого особенно раздражен был Никон, называвший Одоевского «новым Лютером». По челобитью же выборных людей подверглось существенным ограничениям и церковное землевладение. Принадлежавшие церковным властям и учреждениям в городах, на посадах и около посадов, слободы и вотчины были «взяты за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно» (гл. XIX). Наконец категорически воспрещалось всем духовным властям и учреждениям каким бы то ни было способом приобретать вотчины, а мирским людям отдавать вотчины в монастыри. В статье, излагавшей это постановление (гл. XVII, ст. 42), подчеркивалось, что оно принято государем по совету с патриархом и всем Освященным собором, с боярами и выборными людьми. Авторитет всего земского собора должен был поддержать смелое решение этого острого и сложного вопроса, затрагивавшего самые разнообразные интересы — и церковные, и государственные, и социально-экономические. Так Уложение довольно полно отразило в разных своих частях те вопросы церковной жизни и церковных отношений, которые волновали московское правительство и общество накануне эпохи никоновских преобразований.

Разыгравшийся на глазах самого царя московский мятеж 1648 г. должен был оживить печальные воспоминания Смутного времени, когда царская власть так много пострадала от всякого рода «измены». Под влиянием, можно думать, этих воспоминаний и только что пережитых событий в Уложение введены были главы «о государ-

ской чести и как его государское здоровье оберегать» (гл. II) и «о государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было» (гл. III). Первая из этих глав, заимствованная, главным образом, из Литовского статута и отчасти из «градских законов», устанавливала кары за политическую измену, за всякий злой умысел против государева здоровья, за приход к государю «скопом и заговором на его государевых бояр и окольных и на думных и на ближних людей». Следующая глава, вся заимствованная из Литовского статута, стремилась оградить жестокими наказаниями спокойствие и достоинство государева двора от всяких бесчинств и самоуправства. Обе эти главы Уложение были первой попыткой законодательной нормировки вопросов, касавшихся верховной власти. Но Уложение затронуло некоторые вопросы из области чисто внешних отношений верховной власти и обошло молчанием коренные вопросы государственного права — о существовании верховной власти, о порядке ее преемства и т. п. Факт воцарения новой династии путем народного избрания вызывал новые политические понятия и создавал новые по существу политические отношения, которые, казалось бы, не могли быть укреплены силою старого, исторически сложившегося обычая, на каком держалась власть старой династии, а требовали укрепления силою закона. Но следует вспомнить, что характерной чертой восстановления разрушенного Смутой государственного порядка было признание, что новая династия вступает на московский престол столько же в силу избрания, сколько и в силу наследственного на него права по родству с угасшей династией Рюриковичей. Новые политические понятия, возникавшие в умах московских людей после Смуты, не разрушили, однако, старого взгляда на Московское государство, как на вотчину государя. А этот взгляд делал ненужным законодатель-

ное определение существа власти государей новой династии. Такое определение впервые дано было уже Петром Великим.

Активное участие в составлении Уложения выборных людей особенно остро выдвинуло некоторые крупные вопросы социальной жизни, требовавшие законодательного разрешения. Чтобы уловить общее направление, в каком Уложение разрешило эти вопросы, надо припомнить, как сложились главные линии общественных отношений после Смуты. Старое московское боярство, разбитое в Смуту, потерявшее политический и моральный авторитет, теперь не могло уже выступать сплоченным классом, могущим энергично и успешно отстаивать свои классовые интересы. Из среды того боярства середины XVII в., которое складывалось отчасти из остатков старых боярских родов, отчасти из новых хутородных людей, могли выходить только отдельные «сильные» люди, но именно против них и направлялось общественное недовольство, которое оказало такое влияние на постановку вопроса о новом законодательном кодексе. Чем глубже падало после Смуты значение боярства, как сплоченного класса, тем выше вырасталось значение средних общественных классов, особенно служилого класса, дворянства. Этот класс дал, главным образом, ту военную силу, которою земское движение конца Смуты одолело внешних и внутренних врагов. Дворянство численно преобладало на земских соборах, восстанавливавших, вместе с правительством новой династии, государственный порядок. Наконец в данный момент, перед лицом народного мятежа, правительство могло опереться только на тот же общественный средний слой, на служилое дворянство. С неменьшим весом выдвигались теперь и интересы другого среднего класса, посадского населения. Посадские и уездные миры явились в годину полной разрухи государства последни-

ми надежными пунктами, вокруг которых завязалось и от которых пошло подлинное земское движение. Прислушиваясь внимательно к заявлениям о нуждах посадского населения и выражая пожелание, чтобы оно после разорения «поражилось», правительство новой династии, конечно, хорошо понимало связь между благосостоянием этого населения и финансовыми казенными интересами. Выдвинувшиеся, таким образом, на первый план интересы средних общественных классов решительно заслоняли, с другой стороны, интересы низших классов: крестьянства, холопства, казачества. В эпоху Смуты, когда служилый класс начинает приближаться к власти, отчетливо выступает с его стороны тенденция укрепить и развить те крепостные отношения, протест против которых со стороны низших классов, крестьянства и холопства, превратил политическую смуту в социальную и сообщил ей особенно разрушительный характер. Все сказанное заставляет ожидать, что разрешение важнейших социальных вопросов данного времени будет подвинуто Уложением в интересах, главным образом, служилого класса, представители которого на соборе 1648 г. по своему числу решительно преобладали над всеми другими группами выборных людей.

Все интересы, которыми жило служилое дворянство, сводились к двум главным — службе и землевладению. Глава VII Уложения — «О службе всяких ратных людей Московского государства», заимствованная, в большинстве своих статей, также из Литовского статута, не вносила никаких изменений в существующую военную организацию. Она только подтверждала общие нормы отправления военной службы, устанавливала порядок сбора на службу и увольнения от нее, вводила наказания за «нетство», за преступления, совершенные на службе, ограждала несслужилое население от насилий и самоуправства со стороны служилых людей. Более живой ин-

терес представлял для дворянства вопрос об упорядочении служилого землевладения, которому посвящены две главы Уложения (XVI — о поместных землях и XVII — о вотчинах), главным источником которых послужила Указная книга Поместного приказа, составленная после большого московского пожара 1626 г. Смутное время внесло большую путаницу во владельческие отношения служилых людей: многие утратили крепости на свои земли; многие владели незаконно по крепостям, выданным самозванцами и другими представителями незаконной власти. Восстановление нормальных порядков служилого землевладения было необходимым условием и восстановления военной силы государства. Вот почему после Смуты упорядочение служилого землевладения стало одним из самых важных вопросов и для самого землевладельческого класса, и для правительства. «Указная книга» Поместного приказа, почти целиком, с редакционными изменениями и поправками, вошедшая в Уложение, представляла уже некоторый свод предшествующего законодательства. Сохранив в силе главные нормы этого законодательства, запретив только отдавать вотчины по душам в монастыри, Уложение точнее определило круг лиц, имевших право владеть вотчинами: это право принадлежит только служилым людям, в том числе состоявшим на службе у духовных властей на высших должностях, а также «гостям». Дворовых людей, служивших духовным властям, и неслужилых отцов детей, купивших себе «порозжие» поместья в вотчины, велено было «по тем вотчинам написать в государеву службу в города», а кто не похочет службы служить, у тех отнять вотчины и в раздачу раздать, кому государь укажет. Запрещено было также вотчины покупать и держать в закладе боярским людям и монастырским слугам. Усваивая, таким образом, вотчинному землевладению характер сословной привилегии служилого класса, Уложение

вместе с тем санкционировало давно уже обозначившийся процесс слияния поместий с вотчинами; оно допускает свободу обращения поместий между различными группами служилых людей, мену поместья не только на поместье, но и на вотчину и, обратно, сдачу поместий. Право таких сделок, хотя и совершаемых с дозволения правительственного учреждения, Поместного приказа, являлось прочной основой для процесса слияния поместий с вотчинами, который с этого времени бытовым порядком быстро пошел к своему завершению, утвержденному уже законом Петра Великого 1714 г. о единонаследии.

Еще более важным в землевладельческих интересах служилого класса, чем урегулирование и укрепление вотчинных и поместных прав, был вопрос об отношении его к крестьянству. Этот вопрос, затрагиваемый доселе лишь частичными узаконениями и мероприятиями, давно уже требовал общего законодательного разрешения; в нем, можно сказать, завязывался главный узел всей социальной политики Московского государства XVI–XVII вв.

Особенность постановки в Уложении крестьянского вопроса открывается уже из самого заглавия XI главы — «Суд о крестьянах». Уложение подошло к этому многосложному вопросу с одной преимущественно стороны, наиболее жгучей в данный момент, со стороны запутанной борьбы между землевладельцами за обладание крепостным крестьянским трудом. Лет за десять до Уложения служилые землевладельцы, преимущественно мелкие землевладельцы провинциальных городов, обращаются к правительству с настойчивыми коллективными челобитьями об отмене установленного в 1597 г. пятилетнего срока для исков о беглых крестьянах. Правительство, под влиянием, надо думать, «сильных людей», для которых эти «урочные годы» были выгодны,

не сразу уступило натиску челобитий служилых людей. В 1640–1641 гг. установлена была общая исковая 10-летняя давность для беглых крестьян и 15 лет для вывозных крестьян. В 1646 г. в наказе о дворовой переписи дано было обещание отменить урочные годы после составления переписных книг, по которым уже впредь должны были стать крепкими крестьяне и бобыли. Это обещание не удовлетворило служилых землевладельцев, и на соборе 1648 г. они сделали последний натиск, добиваясь безусловной отмены урочных лет и прикрепления крестьян не только по новым переписным, но и по старым писцовым книгам. Заявленное в такой серьезный момент, когда правительство особенно внимательно должно было прислушиваться к голосу выборных людей, это челобитье, наконец, достигло цели. Отмена «урочных лет», т. е. исковой давности на беглых крестьян, и установление за прием и укрывательство беглых крестьян 10-рублевого штрафа в год за каждого крестьянина были основными мерами Уложения по крестьянскому вопросу. Все остальное содержание XI главы, можно сказать, посвящено нормировке последствий, вытекавших из этих мер, которых так настойчиво добивались служилые землевладельцы. Совокупность этих норм не исчерпала вполне вопроса о крестьянском прикреплении, не разрешила всех противоречий и сомнений, какие неизбежно возникали на практике от несогласованности отмены исковой давности на беглых крестьян с некоторыми прежними правилами. Уложение даже прямо неверно освещало действительное положение дела до отмены урочных лет, когда утверждало, что «по нынешний государев указ государевы заповеди не было, что никому за себя крестьян не приимати, а указаны были крестьяном урочные годы» (ст. 3). Но если взгляд на XI главу Уложения, как на первый закон, в общей форме установивший крепостное право на крестьян, и подлежит значительно-

му ограничению, то все-таки можно признать, что Уложение прямо санкционировало или молча признало ряд таких отношений между землевладельцем и крестьянином, которые легли прочной основой для окончательного развития крепостного права. Вечная крепость по писцовым и переписным книгам и иным крепостям распространена была не только на самих крестьян-дворохозяев, но и на их «братью, детей, племянников и внучат, с женами и детьми». Допускалось распоряжение личностью крестьянина, отрывавшее его от земли. Было предоставлено на произвол землевладельца определение земельного участка крестьян и размер повинностей. Личность крестьянина не ограждена была от жестокого обращения. Запрещалось крестьянам владеть городскими дворами и лавками и вступать в некоторые личные обязательства. Не ограждено было право крестьян на принадлежащее им движимое имущество, — «животы», которое могло иногда отбираться в уплату долгов господина. Наконец запрещено было принимать от крестьян «изветы» на господ, «опричь великих дел», т. е. измены и злоумышления на государя. В общем, говоря словами проф. Ключевского, «личные права крестьянина не принимались в расчет; его личность исчезала в мелочной казуистике господских отношений; его, как хозяйственную подробность, суд бросал на свои весы для восстановления нарушенного равновесия дворянских интересов». Но как ни легко жертвовало Уложение интересами крестьянства в пользу служилого класса, оно все-таки сохранило за крестьянским прикреплением государственный характер. Крестьянин остался государственным тяглом и ясно отличается от холопа: на него нельзя было взять служилой кабалы; за ним сохранены были еще некоторые личные и имущественные права; установлена была плата за его бесчестье и увечье. Государственный характер крестьянской крепости обнару-

живается и в новом порядке поступления в крестьяне «вольных людей». Это поступление совершается через государственное учреждение, Поместный приказ. Желавшие поступить к кому-нибудь в крестьяне расспрашивались в Поместном приказе и по удостоверении, что они действительно вольные люди, записывались в приказе и отдавались уже вечно в крестьянство. Этот новый порядок записи в Поместном приказе не устранял, однако, старой практики поступления в крестьяне по порядным, даже на определенный срок.

В момент составления Уложения не возбуждал столько страстей, как крестьянский вопрос, вопрос о холопстве. Главным источником главы XX «Суд о холопах» — явилась книга Приказа холопьяго суда, и в составлении этой главы не заметно инициативы выборных людей, которая клонилась бы к каким-нибудь существенным изменениям в законодательстве о холопах.

Различая два главных вида холопства, «полное» и «кабальное», Уложение нормировало оба эти института в направлении, определившемся уже в XVI в. и имевшем в виду, главным образом, государственные интересы. Оставляя неприкосновенным сущность института полного холопства, т. е. безусловного рабства, Уложение сохранило в полной силе только один источник холопства, т. е. средство обращения свободного человека в раба, именно рождение от холопа. Все остальные действовавшие в Древней Руси источники рабства (плен, преступление, торговая несостоятельность, служба «по ключу», семейный союз) или вовсе теперь исчезают, или подвергаются более или менее существенным ограничениям. Везде, где в Уложении говорится о поступлении свободных людей в холопство, разумеется холопство не полное, а кабальное. По отношению к последнему Уложение осталось на почве законодательства конца XVI в., которое вполне отчетливо определило сущность кабль-

ного холопства, как особого вида личной пожизненной службы. Давший на себя служилую кабалу жил и работал во дворе господина до смерти последнего и не мог освободиться даже уплатою долга, если его кабала связывалась с займом. Смерть господина, безусловно, превращала кабального опять в вольного человека. Давать на себя служилые кабалы могли только «вольные люди», т. е. неслужилые люди и неслужилых отцов дети, не записанные в тягло, ни крестьяне, ни бобыли, ни холопы. Выдаются на таких вольных людей служилые кабалы только в Холопьем приказе, где их расспрашивали, подлинно ли они вольные люди, и записывали в книги «в рожей и в приметы». Вольные люди могут жить за кем-нибудь и без всякой кабалы, но лишь «не многое время», не больше трех месяцев; кто жил дольше, на того обязательно уже должна быть выдаваема кабала. Допуская, что кабальное холопство сообщается по мужу жене и обратно, и разрешая выдавать на детей, родившихся в холопстве, служилые кабалы «из неволи», Уложение, однако, тщательно оберегает существенный принцип кабального холопства, пожизненность, и принимает меры против таких возможных обходов этого принципа, которые обращали бы кабального человека в полного холопа. С этой целью запрещено выдавать на одного человека служилую кабалу сразу отцу с сыном, брату с братом, дяде с племянником. По смерти господина его наследники не могут удержать за собою его кабальных людей иначе, как взяв на них, с их согласия, новые кабалы. Само собою разумеется, наконец, что, будучи зависимостью личной и временной, кабальное холопство не давало права господину распоряжаться кабальным человеком, как полным холопом, т. е. завещать его по духовной, дарить, продавать.

Если в стеснении источников полного холопства и в стремлении поставить на место полного кабальное холопство некоторые историки видят «движение Уложе-

ния к свободе», то, с другой стороны, те же историки признают, что «Уложение проводит более резкую границу между свободой и неволей, чем та, которую выработала наша древняя практика», и что «Уложение, несомненно, возвышает господскую власть» (проф. Сергеевич). Раб подвергается за некоторые преступления более строгим наказаниям, чем свободный. Бегство раба рассматривается как преступление, караемое публичным наказанием. У холопов отнимается право владения недвижимостями, вотчинами, дворами, лавками, амбарами и т. п. Движимым имуществом холопы владеют лишь по упущением господ. Это имущество идет иногда на уплату господских долгов. Холопы не имеют, за некоторыми исключениями, права иска против господ. Но, наряду с такими постановлениями, следует отметить и другие, ограждающие личность холопа. Запрещена жестокая личная расправа господина с беглым холопом. За холопами признается личная честь, оцененная у боярских служилых людей в 5 руб., а у простых рабочих людей в 1 руб. Если господин в голодные годы не кормит раба и «сошлет его со двора», то холоп получает свободу. Некоторое признание за холопом гражданской личности можно видеть в допущении его свидетелем на суде. Таковы были главные основания, исходя из которых Уложение нормировало «суд о холопах», т. е. разнообразные отношения между господами и холопами, с одной стороны, и отношения между самими господами, возникавшие из сделок на холопов, с другой.

Сопоставляя теперь постановления Уложения по вопросам о крестьянстве и холопстве, можно видеть в них две как бы противоположные тенденции: затягивая над крестьянином узел крепостной зависимости и приближая его к положению полного холопа, Уложение в то же время ведет к упразднению древнего рабства и стремится заменить его новым видом холопства, личной и вре-

менной зависимостью. Уложение проводит ясное различие между крестьянином и кабальным холопом. Условия экономической и социальной жизни второй половины XVII в. сближают все виды поземельной и личной зависимости, различаемые Уложением, и дают в результате, под действием высших государственных интересов, новый институт крепостного состояния, в котором сливаются и крестьяне и холопы.

Вместе с выборными от служилого класса, к заявлениям которых особенно внимательно прислушивалась государственная власть, на соборе 1648 г. выступили с челобитьями о своих нуждах и представители городского торгово-промышленного населения, посадских людей. Глава XIX Уложения — «о посадских людях» — в основе своей явилась ответом на челобитья выборных людей. Два обстоятельства особенно вредно действовали в данный момент на положение посадского населения. В посадах и около посадов торговали и промышленляли разными промыслами много разных чинов людей, из служилых, духовных, крестьян, которые не участвовали в тягле с коренными посадскими тяглецами и были для последних в торговле и промыслах сильными конкурентами. Не менее вредно было для посадского населения развитие так называемого «закладничества», приводившее к тому, что около посадов образовывались целые слободы заложившихся за «сильных людей», за бояр, за духовных властей, за монастыри, тягла избывавших, но занимавшихся «всякими промыслами и торговыми великими». Избавиться от конкуренции людей не тяглых, уничтожить закладничество, чтобы всем торговым и ремесленным людям на посадах «быть его, государевым, и ничьим иным, опричь его государевых людей, не быть», — вот к чему сводились пожелания посадского населения, на которые ответом явилась XIX глава Уложения. Это пожелание, естественно, не встречало пре-

пятствий со стороны государственных интересов, и Уложение полностью его удовлетворило. Расположенные около посадов частновладельческие слободы отбирались на государя и приписывались к посадам, равно как и подгородные вотчины и поместья, владельцы которых могли получить земли в обмен, в других местах. Всяких чинов люди, торговавшие на посадах, должны были войти в тягло в сотнях и в слободах и «в ряд с черными людьми подати давать». Боярским и иных чинов людям и крестьянам, владевшим на посадах дворами, лавками, амбарами и погребями, предписывалось продать все эти имущества государевым торговым посадским людям. Западничество запрещалось под страхом жестокого наказания кнутом и ссылки в Сибирь на Лену. Вместе с тем подлежали возвращению на посады в тягло все самовольно от него ушедшие, не исключая вступивших в некоторые службы: псари, стрельцы, воротники, кузнецы, пушкари, ямщики. Всех их повелено «свозити на старые их посадские места, где кто жывал наперед сего, безлетно и бесповоротно». Не подлежали возвращению те, кто, перечислившись в другие посады и сотни, успел там «ожиться». Таким тяглецам разрешено было и оставаться там, «где они ожилися, а с Москвы в города по старине и из городов к Москве и из города в город из посадских тяглых людей не переводити». Так определились в Уложении два основных начала, легшие в основу организации посадского населения: обособление его от других общественных классов и прикрепление к тяглу. «Посадское тягло с торгов и промыслов стало сословной повинностью посадского населения, а право городского торгова и промысла его сословной привилегией» (проф. Ключевский). Так удовлетворение жалоб и челобитий посадских людей дало в Уложении результат более резкий, чем, может быть, рассчитывали сами челобитчики.

Но, сосредоточивая торгово-промышленное население на посадах и прикрепляя его к тяглу, Уложение удержало то исключительное положение, которое уже давно заняли представители высшего слоя этого населения, так называемые гости и члены гостинной и суконной сотен. Как раз незадолго до Уложения, в 1648 г., по челобитью гостей и торговых людей гостинной сотни, им была выдана общая жалованная грамота, освобождавшая их от несения всяких видов тягла и податей, падавших на черное посадское население. Та же грамота устанавливала высокий размер платы за бесчестье гостей: лучшим людям — по 20 руб., средним — по 15 и младшим — по 10. Явная противоположность интересов привилегированных торговых людей и посадских тяглецов, для которых было крайне невыгодно изъятие из тяглой общины ее наиболее состоятельных «нарочитых» членов, породила борьбу, один эпизод которой разыгрался перед самым созывом собора 1648 г. Пользуясь смутой этого года, посадские люди требовали возвращения в состав тяглых общин лучших людей, взятых в гостинную сотню. Гости же и гостинная сотня, сначала не смеявшие, за боязнь Смутного времени, протестовать против этих домогательств, стали потом жаловаться на трудность при своей малочисленности нести исправно службу. Уложение сохранило за гостями и гостинной и суконной сотнями их привилегированное положение; но была сделана уступка и посадским тяглецам. Городовым торговым людям, написанным в гостинную и суконную сотни, но торгующим по городам на старых своих дворах, а тягла с тех своих дворов и промыслов не платящим, велено было продать свои дворы и промыслы посадским тяглым людям, а самим жить на Москве в гостинной и суконной сотнях. Если же они не пожелают продать своих дворов и промыслов, то должны платить с них тягло с посадскими людьми по-прежнему.

Так ответило Уложение на ряд жгучих вопросов, политических и особенно социальных, волновавших московскую жизнь в начале царствования Алексея Михайловича. Отражая общий характер данного момента истории Московского государства, Уложение явилось не новым кодексом, стремившимся реформировать это государство на новых началах, но сводом действующего законодательства, направленным к охране того государственного и общественного строя, который поколениям, еще полным воспоминаниями о Смуте, казался менее прочным, чем он был на деле.

С. Рождественский

ФИНАНСОВЫЕ РЕФОРМЫ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И «ГИЛЬ» 1662 Г.

Трудны были последствия Смутного времени для Московского государства. Много тяжких жертв и самоограничений потребовалось от народа для восстановления порядка внутреннего; еще больше — для поддержания международного авторитета, внешней безопасности и территориальных приобретений. Государство «полнилось» и «приходило в достоинство» ценою закрепощения сословий и чрезмерного напряжения платежных средств и военных сил населения. Потребности государства шли впереди роста народного хозяйства на всем почти протяжении первых двух царствований династии Романовых. Наступившее было после первой польской войны «время тишины и покоя», когда, по выражению современника, «люди в животах своих пополнились гораздо», продолжалось

только 14 лет — промежуток отдыха, слишком незначительный даже для того, чтобы дать время затянуться ранам пережитой «разрухи» и напряженной борьбы с соседями; разразившиеся затем вторая и третья войны с Польшей и, кроме того, с Швецией, Крымом и Турцией предъявили народу еще большие финансовые требования в связи с реорганизацией русских военных сил (наем иноземных войск и обучение русских полков по иноземному образцу).

Уже во время второй польской войны общий расход на содержание войск доходил до 600 000 руб., т. е. превосходил больше чем вдвое обычный военный бюджет того времени¹.

Война из-за Малороссии потребовала еще больших затрат: только за первые два года ее ведения (1654 и 1655) Московское правительство истратило, если верить официальному отчету, предъявленному Москвою польским уполномоченным, 1 300 000 руб., — сумма, громадная по тому времени, если принять во внимание, что тогдашний рубль равнялся приблизительно нашим 15 рублям. Тяжесть этих военных расходов усугубляется еще тем, что продолжительная война надолго вырывала из народного хозяйства производительные силы страны: по собранным П. Н. Милюковым данным, с 1654 по 1679 гг. было принято в даточные до 70 тысяч человек. К бедствиям войны присоединилась моровая язва, унесшая, если верить Коллинсу, врачу Алексея Михайловича, до 700—800 тысяч человек; по сообщению Мейерберга, в одной Москве умерло от морового поветрия 70 тысяч человек.

На этом фоне финансовых напряжений и военных бедствий нам понятны становятся как лихорадочные

¹ П. Милюков. «Государственное хозяйство в России», изд. 2-е, стр. 47.

финансовые реформы, своими промахами еще больше увеличивавшие тяжесть хозяйственной жизни населения, так и те частые волнения, которые сообщили времени царствования Алексея Михайловича характер «бунташного времени», по выражению современника.

I

Финансовые реформы в первые два царствования новой династии производились под давлением однородного настроения, официально выраженного еще правительством Михаила Федоровича: «государственной казны нет нисколько»; а «служилых людей, казаков и стрельцов в городах прибыло, жалованье им дают ежегодно, докуки государю от служилых людей, дворян и детей боярских большие, а пожаловать нечем». Старая податная система не удовлетворяла новым потребностям государства, как в виду рутинности приемов обложения, раскладки и сборов, так особенно потому, что бури смутного времени произвели громадные изменения и перемещения в народном хозяйстве, и старые приказные представления о средствах и силах тяглого населения не отвечали действительному их расположению и состоянию. Приходилось не только выяснять наличное количество единиц земельного оклада (соха), но и устанавливать их платежеспособность в зависимости от живущего на них тяглого населения (живущая четверть), заботясь в то же время по возможности о равномерном распределении повинностей и чтобы «никто в избылых не был», т. е. не ускользал от повинностей. Предпринимается сложная и кропотливая работа по составлению земельного кадастра (дозорные и писцовые книги с 1614 по 1630) и регистрирование тяглых рабо-

чих сил, прикрепляемых «переписными книгами» с 1646 г. к тяглу.

Путь этих радикальных мер, направленных к выяснению действительных условий хозяйственной и экономической жизни народа, давал в руки правительства наилучшее, по тем временам, средство к оздоровлению государственного и народного хозяйства через установление правильного соотношения между потребностями государства и тяглыми силами и средствами страны; но путь этот был медленным, а международные отношения предъявляли России такие неожиданные и чрезвычайные требования, на которые правительство вынуждено было реагировать экстренными финансовыми мерами в виде чрезвычайных военных сборов и рискованных финансовых операций, направленных к быстрому наполнению пустой казны. Сюда относятся, прежде всего, экстренные военные сборы так называемой пятой (20%), десятой (10%), пятнадцатой деньги и рублевый сбор с двора — с торговых людей; полтинные и полуполтинные деньги — с духовенства и служилых людей; в то же время делается проба ввести постоянную военную подать стрельцкую, сначала только в некоторых городах и волостях Новгородской и Устюжской четверти, а также на Вятке и Волге. Как ни тяжелы были эти экстренные налоги, мешавшие «людям Московского государства в животах своих пополниться», все же в основании их лежал реальный расчет на жизненные силы страны, и назначались они с совета всей земли, по всестороннем обсуждении вопроса на земском соборе, с точки зрения политической необходимости и хозяйственной возможности подобных сборов. Это земское одобрение чрезвычайных налогов примиряло с ними население, так как обыкновенно сборщики соборные грамоты «чли перед всем народом». У нас есть основание думать, что сборы, произведенные не в силу постановления собора, а приказным порядком,

встречали у населения не совсем одобрительное отношение. Это видно из ответа «гостей и гостинные и суконные сотни людей», спрошенных в 1662 г. о причинах дороговизны товаров. Попеняв на то, что у них «лутчие товары взяты на великого государя не против их сказок (т. е. не согласно с их добровольным показанием, а по распоряжению администрации), и оттого учинилась в торгах и товарах немалая помешка», эксперты в то же время заявили, что разрешить кризис может только земский собор, — «а чем тому помочь, и о том мы ныне сказать подлинно недоумеваемся для того, что то дело всего государства, всех городов и всех чинов, и о том у государя милости просим, чтобы... государь... указал для того дела взять изо всех чинов на Москве и из городов лучших людей по 5 человек, а без них нам одним того великого дела на мере поставить невозможно»¹.

«Гости» не без основания намекали правительству Алексея Михайловича на то, что в хозяйственном кризисе страны не без греха приказная практика, не хотевшая знать земские мысли всего государства. Правительство Алексея Михайловича, однако, не отказалось от осторожных, хотя и тяжеловесных способов взимания экстренных сборов предшествующего царствования, в виде назначения пятой, десятой и т. д. деньги; но на этом осторожном способе, не всегда гибком и целесообразном, особенно ввиду неохоты населения давать подлинные сказки своим доходам, правительство царя Алексея не остановилось: чрезвычайные расходы во время второй и третьей польской войны побуждали его прибегнуть к более смелым и рискованным способам обогащения казны, основанным на слишком теоретических расчетах. Разъединение с земскою мыслью развязывало

¹ Зерцалов. Материалы «о московских мятежах». Чтения в Общ. Истор. и Древ. Росс., 1890 г., кн. 1, стр. 260.

крылья просвещенным теоретикам — советникам царя. Обладая достаточно ясным умом, чтобы проникнуться новыми творческими началами финансовой политики, правительство царя Алексея не обладало достаточной выдержкой и предусмотрительностью, чтобы учесть реальную сторону своих творческих замыслов и вовремя остановиться при видимом успехе их. К таким мерам относится попытка ввести единый, для всех неизбежный и равномерный, а для казны обогатительный налог на соль. 7 февраля 1646 г. последовали указ и боярский приговор: «для пополнения государския казны служилым людям на жалованье положити на соль новую пошлину — за все стрелецкие пошлины и за проезжие мыты — перед прежним с прибавкою: на всякий пуд по 2 гривны... А как та пошлина в нашу казну сполна сберется, и мы, великий государь, указали: со всея земли и со всяких людей наши доходы, стрелецкие и ямские деньги сложити и заплатити теми соляными пошлинными деньгами». Выгода этой меры, по мнению прожектеров, состояла в том, что та «соляная пошлина 1) всем будет равна; 2) в избылых никто не будет; 3) платить всякий станет без правезу собою»¹.

Разнообразие податей и их размеров по местам, неодинаковый способ их взимания и поступление по разным учреждениям, — все это вносило большую путаницу в финансовую систему, и мысль объединить все эти подати в одну диктовалась потребностями казны столько же, сколько интересами плательщиков. Такой цели хотели достигнуть путем переложения прямых налогов на один косвенный, падавший на всем необходимый предмет потребления, для всех, следовательно, в равной мере обязательный. Главная неудача этой теоретически прекрасной меры была в том, что она устанавливала

¹ Милюков. *Op. cit.*, 52 стр.

весьма тяжелый налог на необходимый предмет потребления. Налог этот должен был лечь большою тяжестью на бедные слои населения и критически отразиться на соляной торговле. По вычислению проф. А. С. Лаппо-Данилевского, эта пошлина превосходила рыночную цену соли почти в полтора раза, т. е. равносильна была строжайшей запретительной пошлине на главнейший предмет потребления¹. Мера эта вызвала сильнейшие злоупотребления со стороны местной администрации и сборщиков податей. Бунт, вспыхнувший в 1648 г., почти одновременно в Москве, Сольвычегодске и в Устюге, и направленный против местной администрации, заведывавшей сборами податей, также отмена соляной подати вслед за этими мятежами, по-видимому, не дают сомневаться в связи этих мятежей и злоупотреблений с соляною пошлиной.

Еще ярче характеризует теоретичность финансовых реформ царя Алексея, а также нетерпеливое желанье найти быстрое средство обогащения казны фантастическим способом, без желанья взвесить результаты этих средств, финансовая реформа 1654—1656 гг., которая вызывает удивление пред гениальною смелостью плана и в то же время пред неумением вовремя остановиться в упоении успехом. Я разумею историю с выпуском медных денег при Алексее Михайловиче.

Вопрос о выпуске кредитных медных денег, составляющий яркий эпизод царствования Алексея Михайловича на общем фоне финансовых настроений этой поры, тесно связан с историей денежной регалии в Московском государстве. Скороспелая идея кредитных денег, обычно приписываемая, с легкой руки г. А. Строева², финансово-

¹ А. Лаппо-Данилевский. «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1890 г., 24—25 стр.

² «Московские Ведомости» за 1856 г., № 96 и 98.

му гению Ртищева, в сущности выдвинута была систематической необходимостью для Московского правительства приспособляться к денежным знакам Западной Европы в связи с применением их во внутренней торговле и в податных сборах. Зависимость эта объясняется современником описываемого события так: «в Московском государстве золота и серебра не родится, хотя в Крониках пишут, что Русская земля на золото и серебро урожайная; однако сыскать не могут, а когда и сыщут, то мало: к тому делу московские люди не промыслены»... Правда, можно было бы допустить до этого дела иностранцев с их капиталами и знаниями, при условии определенных гарантий; но в том-то и дело, что в московские гарантии иноземцы не верили: «Иных государств люди те места, где родится золото и серебро, сыскали бы, а не хотят к тому делу пристать, потому что много потеряют на завод (т. е. на оборудование) денег и когда они свой разум окажут (свое искусство проявят), их от дела отлучат, — ни во что поставят их промысл и завод»¹.

Не имея собственного драгоценного металла, Приказ Большой Казны, ведавший «Денежный двор», волею неволей должен был зависеть в своих монетных операциях от иноземцев, доставлявших драгоценный металл в виде слитков — «прутовов» или в распространенных в международной торговле монетных знаках, главным образом в виде «иохим-сталеров»². До 1654 г. ходовою монетою были иностранные золотые и серебряные монеты, а также мелкая разменная монета, чеканенная на «Денежном дворе» из прутового серебра и расплавленной иноземной монеты, что делалось не без выгоды для

¹ Котошихин. «О России», изд. 1859 г., гл. VII, стр. 81.

² Соловьев, IX, 170 (изд. 3-е); Д. И. Прозоровский. «Монета и вес в России до конца XIII века». СПб., 1865, стр. 109.

казны. При Котошихине такая практика, по-видимому, была не новостью.

Московское правительство, таким образом, издавна привыкло драгоценные металлы, полученные в обмен за казенные товары от иноземцев, пускать во внутренний оборот в виде монеты по значительно более дорогой цене, чем металлы стоили себе. Правительство царя Алексея решилось повторить неудавшийся опыт предшествующего царствования, предварительно запретивши подданным торговать с иноземцами вновь выпускаемой легковесною монетой, этим путем думали устранить причину неудачи предшествующего царствования: иноземцы, получая прежнюю монету, протестовать не будут, подданные — не осмелятся. Правда, эти соображения могли только отстранять сомнения в конечном успехе предприятия. Были более веские причины, побудившие приказное правительство царя Алексея прибегнуть к порче монеты, как к одному из экстренных источников наполнения казны. Начавшаяся война с Польшей за Малороссию, по всем видимостям, застала государственное казначейство мало к ней подготовленным. Правительство с первого же года повысило оклад стрелецкой подати с 168 на 228 рублей с сохи (на 35,7%); в этом же году была определена пятая деньга «с промыслов и животов» (т. е. 20% с доходов); но, видимо, этого было мало: правительство хлопочет о внешнем займе у Венецианской республики, который не мог состояться, вследствие войны Венеции с Турцией. Тогда решено было прибегнуть к эксплуатации монетной регалии в широких размерах. Котошихин ставит эту меру в прямую связь с войною. «Как учинилося у московского царя с польским Яном Казимиром королем недружба и война, а потом и с королевским величеством Свейским: и за продолжением польской войны, и для пополнения казны и для поспешения ратным людям на жалованье, деланы деньги новые»...

В целях завести мелкую разменную монету, правительство приказало на денежном дворе разрезать серебряные ефимки на четыре части и на каждую часть налагать штемпель, показывающий номинальную стоимость этой монеты в 25 копеек. Это так называемые «четверти», «четвертины», «полуполтинники». На этой операции правительство получило 138% прибыли с каждого ефимка¹.

Меры эти были как бы пробными и наводящими шагами к выпуску таких денежных знаков, которые по несоответствию между их реальной и номинальной стоимостью вполне могут быть названы кредитными деньгами.

Таким образом, если и можно приписывать Ртищеву, на основании неясной народной молвы, идею кредитных знаков, то мыслью этой он был в значительной степени обязан традиционной практике московского правительства в затруднительных случаях прибегать к порче монеты, что было свойственно правительствам многих стран, веков и народов.

Проба в этом направлении была сделана в том же 1654 г. «Да в то же время делали деньги «полтинники медные», — пишет Котошихин. Медные полтинники по величине и чекану сходны с новыми «рублевыми» ефимками; на них значился «1654 год»; только надпись на них не «рубли», а «полтина», «полтинник»². Опыт сначала оказался не совсем удачным, главным образом, кажется, потому, что разнообразие денежных знаков, к тому же разных валют, производило путаницу в рыночных расчетах. Цены на товары возвысились. «И видя царь, что в

¹ Котошихин, *Op. cit.*, стр. 81; Брикнер. «Медные деньги в России». СПб., 1864 г., стр. 11; П. Милоков, *Op. cit.*, стр. 57; Ил. А. Шторх. «Материалы для Истории денежных знаков в России» в «Ж. М. Н. Пр.», ч. СХХХVII, стр. 773.

² Брикнер. *Op. cit.*

тех деньгах не учало быти прибыли, а смута почала быть большая, велел на Москве, и в Новгороде, и во Пскове, а потом и в Куконаузе делать на дворах своих деньги медные — алтынники, грошевики, копейки по образцу старых серебряных копеек, и от тех денег меж крестьян потомуж была смута; и те прежние деньги, алтынники и грошевики, велел царь принимать в казну и переделывать в мелкие копейки. И деланы после того деньги медные ж мелкие, и ходили те мелкие деньги многое время с серебряными заравно: и возлюбили те деньги всем государством, что всякие люди их за товары принимали и выдавали».

Правительство решило помочь делу выпуском более мелкой медной монеты (алтынников, грошевиков и копеек), уравнив их номинальный курс не с новой порченной серебряной монетой 1654 г., а со старыми русскими серебряными копейками; но созданное таким путем еще большее разнообразие монет старых и новых выпусков, серебряных и медных, усилило замешательство на рынке и не устранило недоверия к медным и легковесным серебряным деньгам. Тогда правительство прибегло к решительным мерам: в целях установления однообразия монеты и внушения доверия к кредитным деньгам оно скупило в казну всю эту пеструю монету («те прежние деньги, алтынники и грошовики велел царь принимать в казну»), надо полагать, по номинальной цене, укрепив таким образом доверие в платежеспособность казны; вместе с тем были выпущены однообразные медные деньги по принудительному курсу серебряных копеек. Таким путем было устранена «неровность и смешанность» денежных знаков, а вместе с тем внушено доверие к медным деньгам и на будущее время — главным образом, распоряжением принимать в казну подати и повинности медными деньгами. Приходится удивляться только творческой находчивости и присутствию духа за-

правил этого предприятия, которые в самом разгаре кризиса нашлись, как остановить панику; был принят во внимание и опыт предшествующего времени: чтобы не вызвать замешательства в международной торговле и в натуральном обмене с Сибирью, было запрещено употреблять медные деньги в торговле с иноземцами, Сибирью и в пограничных странах. Предприятие увенчалось полным успехом: «и возлюбили те деньги всем государством, что всякие люди их за товары выдавали и принимали». «Возлюбили», как увидим, между прочим, и потому, что фабрикация их была легка и выгодна не для одного правительства, а и для простых смертных. Даже иноземцы не прочь были поторговать на медные деньги, платя ими за русские товары. Эта неожиданная любовь к медным деньгам объясняется громадной разницей между их номинальной и реальной стоимостью. По свидетельству Мейерберга, царь, купив меди на 1 руб. 60 коп., мог чеканить из нее 100 руб. мелкими медными деньгами (т. е. 98,4% чистой прибыли).

Немудрено, что этот легкий способ превращать медь в серебро настолько понравился правительству, что оно, если верить осведомленному Мейербергу, за 5 лет выпустило медных денег на номинальную сумму в 20 миллионов рублей.

Если вычесть из этой суммы 320 тысяч рублей — цену употребленной на монету меди, мы получим более 19 миллионов чистой выгоды, которую получило правительство на этой операции. Так думает Брикнер. На самом деле расчет этот преувеличен. Даже если и признать цифру Мейерберга точною, не следует упускать из вида, что сумма эта была выпущена не в первый год, когда медный рубль шел действительно за рубль серебряный, а в течение 5 лет; причем, уже начиная с 1 марта 1659 г., покупная стоимость медного рубля начинает падать сравнительно с стоимостью серебряного; и пра-

вительство, расплачивавшееся медною монетою, вынуждено было делать надбавки, например, при уплате жалованья, на 25 и 50%. Но даже и эти соображения не мешают представить себе той громадной выгоды, которую извлекло правительство из этой колоссальной по тем временам кредитной операции, легшей, как увидим, всюю тяжестью своей на доверчивое население.

Блестящий успех казны вызвал у многих частных лиц охоту к подражанию. Колоссальная выгода предприятия, дешевизна меди и ее плавкость, легкость отливания медной монеты,— все это содействовало тому, что подделка денег превратилась в очень распространенное ремесло.

Первыми соревнователями казны были, кажется, люди, близкие к монетному двору. По словам Котошихина, «диавол возмутил разум» тех самых «верных голов и целовальников, из гостей и торговых людей, честных и пожиточных», которые как раз и поставлены были «для досмотру и приему и расходу меди и денег»; они «покупали медь на Москве и в Свейском государстве и привозили на денежные дворы с царскою медью вместе, и велели делать деньги, и сделав, свозили с денежного двора с царскими деньгами вместе, и царские деньги в казну отдавали, а свои к себе отвозили».

По стопам «верных голов и целовальников» пошли «денежные мастера, серебрянники, котельники, оловянщики и иные люди». С пыток они винулись, что не только «денег своего дела выдали на всякие покупки немалое число», но и продавали самые орудия производства поддельных денег: «чеканы делав, продавали многим людям — посадским и попам, и черницам, и крестьянам, и нищим». Тщетно правительство изошрялось в изыскании способов борьбы с такой грозной конкуренцией по производству «излюбленных денег». Оно за это время успело перейти к нескольким системам наказа-

ния, разработав с удивительной тщательностью градацию преступлений и наказаний за «воровские деньги». Действовавшая до 1661 г. старая кара «денежным вора́м» чрез за́литие горла расплавленным металлом была заменена: 1) отсечением руки и обеих ног для делающих матошники и с них переводящих чеканы; 2) отсечением левой руки и ноги — работающим «воровские деньги» на чужих матошниках; 3) отсечением только левой руки: а) нашедшим чужой матошник и не заявившим о том; б) скупщикам заведомо фальшивой монеты и дающим пристанище вора́м; 4) отсечением 2-х пальцев на левой руке карались те, кто все приготовил для производства фальшивой монеты, но не делал ее и т. д.

Это не были только теоретические угрозы. Тюрьмы были переполнены «денежными вора́ми»: по сообщению Мейерберга, в его время сидело в московской тюрьме около 400 поддельщиков. Воров пытали, «и кто до чего довелся, казнили смертно́ю казнью, и отсекали руки и прибывали у денежных дворов на стенах, а дома их и животы имали на царя безденежно». Но игра, видимо, стоила риска потерять пальцы и руки: «Те люди на такие великие мучения и смерти и разорения не смотрели, делали такие воровские деньги аж до скончания тех денег; и мало кто из таких воров не пойман и не казнен». Надежда на безнаказанность особенно у крупных фальшивомонетчиков поддерживалась мощным покровительством тестя царя, И. Д. Милославского, который «за посулы воров из беды избавливал» и сам, по сообщению Мейерберга, приказал сделать для себя лично 120 тысяч медных денег.

К отечественному фальшивомонетному производству присоединились монеты заграничной работы, которые, по сообщению Гордона и Мейерберга, в большом количестве привозились в Россию морем и чрез сухопутную границу.

Это подтверждается, по-видимому, приказом от 1661 г. олонецким стрельцам осматривать на кондуйской заставе торговых людей, чтобы они не привозили тайно съестных припасов, медных денег и никаких заповедных товаров¹. Торговые люди прямо указывали, что «воровские деньги» привозятся между прочим греками, которые «приезжают из-за рубежа и покупают великую соболиную казну на медные деньги, и медными деньгами покупают серебряные деньги; а преж сего те греки привозили к Москве ефимки и золотые... а чинится дорогов (хлебу) от воровских медных денег»².

II

Трудно представить, сколько было выброшено на рынок казенными и частными, русскими и заграничными мастерскими медных денег. То обстоятельство, что, при объявлении банкротства, правительство выдавало за медные деньги цену, которая была ниже реальной стоимости содержащего в них металла, как будто говорит за то, что фабрикация медных денег привлекла в страну такое количество меди, которое превышало спрос на нее на широком рынке для удовлетворения более общих нужд (выделка котлов, пушек и т. п.). Если даже мы примем указание Мейерберга о 20-миллионном выпуске казенных медных денег и 120 тыс. для Милославского, то потребное для этого количество меди в 70 тысяч пудов без малого едва ли бы могло оказать особое заметное влияние на перепроизводство меди в Рос-

¹ А. И. IV, № 162.

² Зерцалов. Материалы «о московских мятежах» в Чт. Об. Ист. и Др. Росс., 1890, кн. III.

сии, тем более что медные деньги нашли себе выгодный сбыт в Сибири, куда, несмотря на запрещение, московские купцы везли их вместо товара, наживая на сбыте их от 200 до 400% чистой пользы, сравнительно с курсом медных денег в Европейской России.

Уже априорные соображения о перепроизводстве медных денег приводят нас к мысли о необходимости падения их номинального курса, при развитии недоверия к этой финансовой авантюре правительства Алексея Михайловича. Поданная 15 июня 1663 г. царю Алексею таблица лажа на серебряную монету наглядно показывает быстрое падение курса медных денег: в 1655 г. серебряный рубль соответствовал одному медному руб. в 1663 — 15.

Сверх того, известно из Мейерберга и других иностранных писателей того времени, что после 1 июня 1663 г. платили за серебряный рубль 50 рублей медными деньгами¹.

Причины этого быстрого крушения «гениальной» финансовой системы царя Алексея отчасти ясны уже из предшествующего изложения.

Упоенное успехом предприятия, правительство не знало границ эксплуатации народного кредита, и количество выпущенных в оборот медных денег, в связи с подделкою их в разных слоях русского общества, создало перепроизводство денежных знаков, превышавших спрос на них. Но этого мало: обилие денежных знаков, при доверии к ним общества и рынка, само является толчком к развитию производительных сил страны, если только это доверие базируется на возможности и решимости правительства во всякое время, по требованию кредиторов, перевести номиналь-

¹ И. Шторх. «Материалы для истории денежн. знаков в России», Ж. М. Н. Пр., ч. СXXXVII, стр. 774.

ную ценность кредиток на предмет соответственной реальной ценности, будет ли то принятие в казну за повинность, или размен на монету и вещи из драгоценного металла.

Такого кредитного фонда правительство царя Алексея не имело: иначе зачем бы ему было прибегать к подобным рискованным мерам и крайне обременительным сборам?

Доверия общества правительство могло требовать разве ценою обещания брать в казну налоги, пошлины и пр. медными деньгами по цене, «почему даваны из государственной казны». Но правительство скоро отступило от своих обещаний в этом отношении. Оно не было последовательно в своих намерениях уравнивать медную монету с серебряною: свое предпочтение к серебряной монете оно косвенным образом выразило уже в 1656 г., когда распорядилось медными деньгами собирать подати, только начиная с 1656 г., а «за прошлые годы государевы долговые деньги собирать в государеву казну мелкими серебряными деньгами»; другой раз оно распорядилось (в грамоте к бежецкому таможенному голове) государственные доходы собирать двумя долями серебряной монеты и одной долей медной; в 1659 г. правительство распорядилось присылать серебряную монету предшествующего чекана в Москву, обменивая ее на медные копейки¹. Эти и подобные меры не могли, конечно, поддерживать доверие к номинальному курсу медных денег, раз правительство стало само предпочитать им деньги из драгоценного металла.

Полицейские указы, которыми правительство рекомендовало населению отдавать свои товары за медные деньги «безо всякого сомнения», грозя сомневающимся «чинить наказание», могли только усилить панику недо-

¹ Брикнер. *Op. cit.*

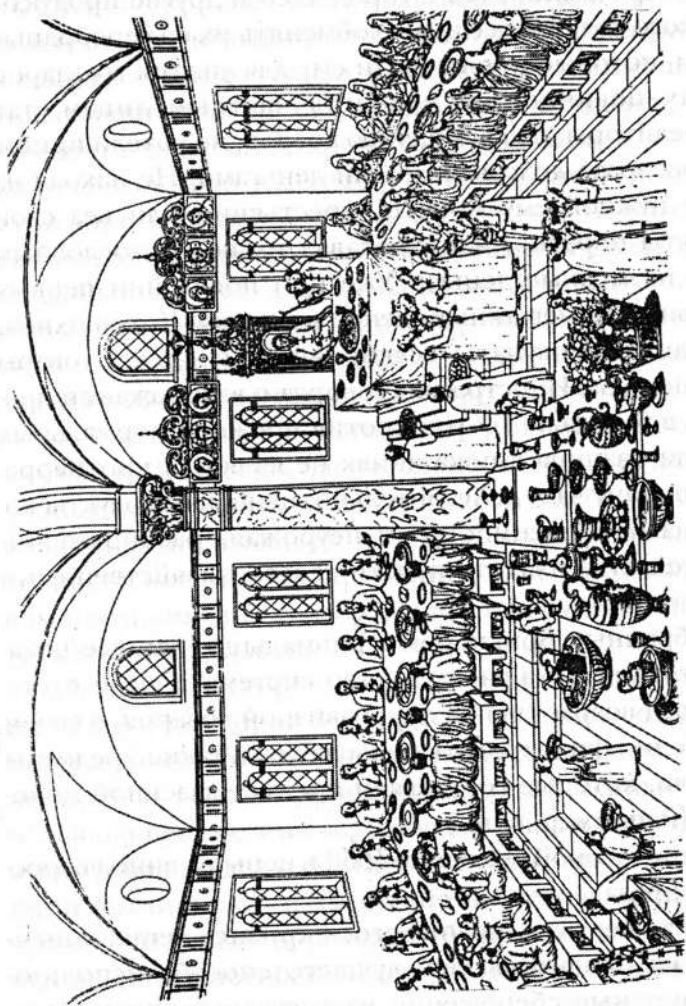

верия к ним, но не укрепить их курса. Вслед за правительством и общество начало проявлять предпочтение реальным ценностям пред номинальными. И в этом отношении, кажется, впереди всех шли фальшивомонетки, знавшие настоящую цену «медным деньгам». Они спешили поместить «воровские деньги» в более прочные ценности, даже рискуя выдать себя этою поспешностью. Котошихин говорит, что подозрение в «денежном воровстве» пало на «денежных мастеров, котельников, оловянных» и др., «потому что до того времени, как еще медных денег не было, и в то время жили они не богатым обычаем, а при медных деньгах испоставили себе дворы, каменные и деревянные, и платье себе и женам поделали с боярского обычая, также и в рядах всякие товары и сосуды серебряные и съестные запасы почали покупать дорогою ценою, не жалея денег».

Таким путем лица, обладавшие большою свободою наличностью дешево доставшихся им капиталов, «не жалея денег», набивали цену на дорогие товары, понижая этим самым покупную ценность медных денег. Медные деньги дешевели еще и потому, что серебро безвозвратно уходило за границу. Об этом ясно заявляли русские купцы правительству.

«Иноземцы своих товаров на медные деньги ни почем не продают, а которые товары купили мы у иноземцев на серебряные деньги, и те товары покупные продали на медные деньги, и тем серебряным деньгам к нам возврату не стало»¹. Итак, ценные товары уходили из торговых рядов в руки обладателей дешевых денег, драгоценная же монета, благодаря стремлению правительства обменивать ее на медную и получать подати серебром, а расплачиваться с населением медью, ушла в казну и за границу, вследствие чего медная монета пре-

¹ Зерцалов. *Op. cit.*, стр. 264.

Трапеза Михаила Федоровича. Из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича»

вратилась почти в единственную, доступную для широкого рыночного обмена: не на ценности приходилось теперь обменивать ее, а на предметы первой необходимости. Крестьянин вез в город хлеб и другие продукты сельского хозяйства с целью обменять их на серебряные деньги, которые нужны были ему для уплаты государственных повинностей и долгов частным лицам, так как кредиторы, по сообщению воевод, не хотели принимать возврата долгов медными деньгами. Не находя на рынке нужной ему монеты, крестьянин или вез свои продукты обратно, или продавал их по баснословным ценам на медные деньги. Уже при появлении первых «неровных и смешанных» денег, по словам Котошихина, приходилось покупать «всякие запасы и харч, и товары вдвое ценою». Иностранцы говорят о вздорожании продуктов в 6¹ и даже 14² раз против прежних нормальных цен. Эта разница в показаниях не является противоречием, потому что, действительно, цены на продукты колебались в зависимости от неурожая, распоряжений правительства платить подати сельскохозяйственными продуктами и т. п.

Собранные Брикнером официальные данные показывают, как само правительство систематически отступало пред возраставшей дороговизной товаров, в своем стремлении фиксировать цены даже на такие предметы торговли, которые составляли предмет казенной монополии (например, вино).

Уже во второй половине 1660 г. цены на вино возросли в 3—4 раза.

Вся тяжесть разразившегося кризиса легла, конечно, не на правительство: лучшего способа использовать народные сбережения на государственные цели

¹ Коллинс.

² Мейерберг.

правительство придумать не могло; нельзя его упрекнуть и в том, что оно не вовремя приостановило платежи по вексям, выданным обществу в виде «медных денег»; кризис не без пользы был и для производителей необходимых продуктов питания: крестьянское хозяйство могло только выиграть от неимоверного возвышения цен на его продукты, а в худшем случае обменять свой хлеб, дрова и другие запасы на такое количество меди в деньгах, которое своею реальною стоимостью делало обмен не так уж невыгодным. Неожиданным источником обогащения оказался финансовый кризис для помещиков, имевших свои запашки, и особенно для монастырей. Последние, поистине, собирали, где не сеяли... Очень выразительным представляется в этом отношении содержание приходо-расходных книг вологодского архиерейского дома на 1662 г. Обозначая баснословно высокие цены, полученные за продажу монастырского хлеба, книга эта неоднократно заявляет, что хлеб продавался из архиерейских житниц «по архиепископлю указу вологожанам посацким и всяким маломочным людям для (в виду) хлебной скудости».

Эксперты из торговых людей заявляли правительству: «хлеб учал дорог быть высокою ценою от медных денег потому, что вотчинники и помещики и их крестьяне хлеб, и сено, и дрова продают на медные деньги большою ценою, а на серебряные деньги ржи четверть купят рубля по два с полтиною, а иные многие помещики, и вотчинники, и крестьяне на медные деньги и не продают, и в таком дорогом хлебе и во всяком харчу скудные людишки погибают и многие чернослободцы торговые люди ожидают себе от медных денег конечныя нищеты»¹.

¹ Зерцалов. *Op. cit.*, 265 стр.

Эти цитаты не только указывают на тех, кто выиграл от наступившей «дорогови», но и адресуют нас к тем, на кого пала главная тяжесть финансового кризиса в рассматриваемое время.

«Посадские и всякие маломочные люди», «скудные людишки» и «чернослободцы торговые», живущие промыслами, торговлей и мелким заработком в городах, волей-неволей должны были разменивать свой дешево ценившийся труд на «медные деньги», которые оказывались, как мы знаем, непригодными ни для приобретения на них хлеба насущного, ни для уплаты тягла государству. Для этого рода людей была «хлебная скудость» даже и в том случае, если бы боярские и монастырские житницы трещали от «хлебного обилия».

Купцы прямо заявляли, что «великая безмерная дороговизь хлебная и соляная и всякая харч учинилась не от хлебного недороду и соленого промыслу, а от медных денег, а хлеб милостей Божией родится по-прежнему, а у вотчинников, и у помещиков, и у пахотных людей в селах и в деревнях многие скирды и одонья стоят не молоченого хлеба, не токмо нынешнего году, но и прошлых лет, а продают хлеб большою ценою, и от того бедные люди от нынешней дороговли помирают голодною смертию»¹.

Заплатить «маломочному» за четверть ржи 4 рубля серебром или 36 рублей медью едва ли было под силу. Заработная плата, при общем кризисе, должна была уменьшиться, а цены на главные продукты питания увеличились в 20 с лишком раз. «В прежних летех мочно было мастерскому человеку и с женою быть сыту днем алтынным хлебом, а ныне мастерскому человеку одного хлеба и харчу сам-другу надобно на 26 алтын», заявляли «московских черных сотен и слобод соцкие и все тяглые

¹ Зерцалов. Ibid., 249.

люди». Положение «посацких» и вообще «маломочных» во время этой голодной «дорогови» еще ярче определяется по сравнению с положением служилых ратных людей и иноземцев, которым «давали жалованье медными деньгами против того, как преж сего давано серебряными» и во всяком случае в большем количестве, чем получали «посацкие» с своих животов и промыслов. О положении получающих жалованье рейтар дает понятие челобитная терских ратных людей: «мы, богомольцы и холопы твои,— били челом служилые люди царю,— обедняли и обнищали, стали наги и босы — лошадей купить не на что,— на медные деньги не продают, а серебряных негде взять... Обнищали мы великими долгами, — и дворишки, и животишки, и детишки закладывали, и со всякие нужи в конец погибаем и помираем голодную смертью». И это не единичная грамота, рисующая бедственное положение служилых ратных людей, получающих от государства жалованье деньгами.

Денежный кризис отразился на торговом классе и лег на отдельные разряды его тем тяжелее, чем «маломочнее» был торговый человек, зависевший не только от международной торговли, от рынка, но еще и от старшего купечества. Купечество в поданных И. Д. Милославскому сказках красноречиво и трезво изображает те нестроения и разорения в торговой среде, которые явились результатом финансовой авантюры правительства. «А которые были прежних лет немецкие товары дешевою ценою покупаны, и те товары распроданы не с большою прибылью на медные деньги (очевидно, в период их «излюбленности»); а после того, и сами те товары покупали у немец на серебряные и медные деньги большою ценою; а оставшиеся немецкие товары продают ныне дорогою ценою на медные деньги для того, что возмут сто рублей медных денег, а после сами того товару купить не добудут и за 1000 руб. на медные деньги, по-

тому что иноземцы ныне товаров своих русским людям на медные деньги не продают ни в тридцать цен, — просят за свои товары русских товаров; а русские товары, которые были иноземцам годны, все взяты у торговых людей на Москве и в городех на государя, и ныне нам немецких товаров купить стало не на что: которые у нас были деньги серебряные, и те все перевели в медные, и которые ныне люди хотя и дорогою ценою продают остатные немецкие товары на медные деньги, и те деньги без торгу проедают. При таком дорогом хлебе и во всяком харче тех им медных денег станет не надолго; и ныне они, торговые люди, стали без серебряных денег и без товаров, — и все ожидают себе конечныя нищеты»... Таких зол ожидали себе богатые «гости и гостиной сотни торговые люди»; про средних же и молодых людей они сказывали: «торговые многие люди стали без торгов и без промыслов и в великих убытках и долгах: в рядах многие лавки запустили; а торговые люди, будучи без промыслов и от дорогови хлеба и всяких харчей, многие обнищали и одолжали»...

Самочувствие торговых людей ухудшалось еще от того, что, торгуя по независимо от них взвинченным ценам, они, «торговые люди, сверх того, от нерассуждения, стали возненавидены от всех чинов за тое товарную продажу». Отклоняя от себя, видимо, ходячий упрек, что вы, мол, «от медных денег великие промыслы и богатства учинили и дома свои пополнили», торговые люди заявляли, что, наоборот, «мы от медных денег оскудели — прежние свои палаты прожили»¹. Больше того, — они кивали на помещиков, говоря: «а отчего цены прибывают, про то ведомо помещикам». Последнее «оправдание» торговых людей ценно для нас особенно

¹ Зерцалов. Материалы «о московских мятежах». Чт. в Об. Ист. и Др. Росс., 1890 г., кн. III.

потому, что оно проливает свет на социальную ненависть, разросшуюся под давлением тяжелых условий жизни до такого состояния, когда люди «от нерассуждения» не могут видеть истинных виновников своего горя, и готовы под первым попавшимся предлогом и против первого показавшегося виноватым излить свой неудержимый гнев.

III

Предшествующее достаточно ясно указало нам ту среду, в которой зрело недовольство, и ту атмосферу, которая позволяла современникам видеть надвигавшуюся грозу голодного бунта.

Мейерберг, выехавший из пределов Московии задолго до бунта, писал, что в Москве ожидали восстания месяца за два до бунта. Демка Филипов слышал от незнакомых людей: «чернь де собирается и чаят от них быть погрому двору боярина И. Д. Милославского, да гостя Василия Шорина, и иных богатых людей за измену в денежном деле»...

Ожидания и разговоры вскоре нашли себе грозное воплощение. Описание Котошихина в связи с застеночными речами¹ участников бунта, припоминавших на пытке историю его возникновения и развития, дает возможность не только ярко воспроизвести «гиль» 1662 года, но и вникнуть в ее сущность.

В ночь под 25 июля 1662 г. агитаторы «прибили и воском приклеили воровские листы во многих местах Москвы, по воротам и стенам». «Написаны были эти листы на двух столбцах».

¹ См. Материалы «о мятежах» Зерцалова.

Утром около этих листов стали собираться кучки народа, проходившего мимо «в город» «в ряды».

Явились грамотеи, которые «кричали шумно, чтобы слушали все», и «чли те письма на все стороны всем вслух», некоторые «трижды», по требованию мира. Царь Алексей Михайлович в это время был «в походе» в своем любимом селе Коломенском со всем двором, поручивши «быть на Москве князю Ф. Ф. Куракину с товарищи». Проведавши о «воровских листах», кн. Куракин послал дворянина и дьяков «взять то письмо и принести пред бояр». Но появление «приказных» только подлило масла в огонь. По докладу одного из посланных, народ грудью стал за «воровские письма»: «Я Сенька да дьяк Афонасий по то письмо ездили: и у решетки то письмо чтут многие люди разных чинов. И как (мы) то письмо взяли, и в те поры закричали многие люди разных чинов на меня, Сеньку, и на дьяка, а говорили: «вы де то письмо везете к изменникам, а государя на Москве нет, а то де письмо надобно всему миру». И изымали меня, Сеньку, и дьяка за лошадь и за ноги, и то письмо отняли; а за нами гнались до Спасских ворот и кричали, чтоб нас перенять, и мы ушли в город»... Между тем отдельные группы стягивались к торговым рядам, и здесь при большом стечении народа чтение «воровских писем» продолжалось. Чтецы при этом рекомендовали не выпускать письма из рук: «если отвезут то письмо к И. Д. Милославскому, и там то дело так и изойдет, и за то де «воровское дело» вы, православные христиане, всем миром постоит»... Стрелец Куземка Нагаев при этом рекомендовал «миром постоять на изменников!» Здесь же решено было идти к царю в Коломенское и «всем миром» подать ему «обретенный» лист для личного прочтения «перед миром». Но что же заключалось в этих «листах», так сильно взволновавших жителей Москвы?

На допросе в застенке участники бунта припоминали, что в том письме было написано: «Изменники — Илья Данилович Милославский, да окольный Ф. М. Ртищев, да И. М. Милославский, да гость Василий Шорин». Вот и все немногое, что могли воспроизвести в своей памяти из столько раз читанного листа. Но для москвичей и этого было достаточно. Неведомо кем написанная грамота была в их руках неопровержимым доказательством того, о чем и раньше все думали. Скучность содержания грамоты восполнялась богатством предшествующих переживаний голода и народного бедствия, связанного с именами этих лиц.

Ртищев, по мнению всех, был главным затейщиком «медных денег»; Милославские — первые «денежные воры» и покровители «денежных воров». Шорин, разбогатевший, может быть, не без отношения к медным и воровским деньгам и в момент всеобщего разорения имевший ежегодного доходу с «промыслов и животов» до 75 тысяч рублей¹, ненавистен был для разоренного посадского населения еще как сборщик пятой деньги. Но всего этого для установления пред царем факта «измены» было недостаточно; а потому «гилевщики припомнили очень популярное со времени царя Грозного обвинение против бояр в «пересылке» с иноземными государями, — лозунг, сыгравший важную роль в Псковском и Новгородском мятеже 1650 г.; а потому и в «листе», по словам Котошихина, написали, «будто названные бояре ссылаются листами с польским королем, хотя Московское государство погубить и поддать польскому королю». Авторы этого обвинения постарались и «улики» привести. Они воспользовались внезапным бегством из

¹ Котошихин пишет, что вследствие разграбления «царь не велел с Шорина иметь пятые деньги, а довелось было с него взять больше 15 тыс. рублей», что составляет 20% дохода.

Москвы Василия Шорина, как доказательством, что этот изменник «побежал в Польшу вчерашнего дня, с боярскими листами». Свидетелем тому выставили родного сына Шорина, который должен был под страхом смерти подтвердить пред царем взводимое на отца обвинение в присутствии всего мира.

Так было обосновано массовое движение в Коломенское с официальной стороны; но все это было только официальным предлогом: на самом деле толпой руководили другие побуждения. Котошихин указывает на два побуждения, двигавшие главарей бунта в их действиях. Это, с одной стороны, справедливая месть главным денежным вора, ускользнувшим от правосудия, благодаря близости их к царю; с другой стороны, под этим законным предлогом «бунтовщики» хотели «учинить в Москве смуту для грабежу домов».

Застеночные ответы «гилевщиков», по-видимому, подтверждают Котошихина. Действовать на чувство раздражения населения против ненавистных временщиков и звать «униженных и оскорбленных» «известить» высокопоставленных воров, поживиться за счет «разграбления» их нажитого кривдами имущества — значило рассчитывать на полный успех движения: порукой тому было памятное восстание 1648 г., когда царь должен был выдать на растерзание толпе приказных насильников и слезной просьбой вымалывать жизнь фавориту (Морозову).

Толпа, шедшая в Коломенское, обращалась к встречным и колеблющимся с такими словами: «На Москве забивают всех ослопьем; в Коломенское идем для того, чтоб побить изменников; а будет кто учнет за изменников стоять, мы де и тех побьем; а самим всем стоять друг за друга и помереть всем за одно, и про листы на изменников сказывали,— признавался на пытке «Покровския сотни Тимошка Андреев».

Другие участники «гиля» откровенно объясняли свое участие в походе в Коломенское «с бунтовщики» тем, что «в мысли у (них) о бунтовстве и о грабеже дворов было».

Эта мысль, навеянная голодом и бьющим в глаза экономическим неравенством разных слоев населения Москвы, сказала в том, что вслед за походом в Коломенское началось открытое разграбление в Москве богатых домов; грабили главным образом тех, чье имя так или иначе было связано с переживаемым финансовым кризисом и дороговизной. «Чернь де собирается,— говорили в народе,— и быть от них погрому двора И. Д. Милославского, да гостя Василия Шорина и иных богатых людей за измену в денежном деле».

Самый состав «гилевщиков», по-видимому, не дает сомневаться в том, что движущей, сознательной или бессознательной силой мятежа были мотивы, непосредственно вытекавшие из экономической тяжести переживаемого момента.

Мы уже а ргіогі можем представить себе те элементы, которые должны были участвовать в этой «гили». То были уже известные нам наиболее пострадавшие от финансового кризиса, дороговизны и рыночного голода «маломочные» элементы московского населения. Котошихин прямо перечисляет их: «а были в том смятении люди торговые и их дети, и рейтары (ратные, получавшие жалованье), и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские гулящие и боярские люди».

В списке наказанных после сыска и пытки мы находим полное подтверждение и наших ожиданий, и сообщения Котошихина. Больше всего встречается здесь представителей «маломочных» разрядов населения Москвы: здесь вы найдете рядом с сыном кузнеца монастырского конюха, огородников, «тяглецов» подмосковных слобод, квасника, дьячков, монастырских служек,

«татаровей» разных городов, жильцов и т. п. Значительный процент наказанных составляет служилый военный элемент новой формации (рейтарской службы на жалованье), начиная с капитана князя Кропоткина, поручиков, прапорщиков и кончая капралом, служилыми татарами и солдатами 5-й, 9-й, 10-й, 13-й, 14-й и 21-й рот. Котошихин не прав только в одном своем замечании, будто «в том деле несыскано ни единого человека из иноземцев»; на самом деле в списке сосланных значатся несколько «иноземских детей и иноземец Андрушка Васильев».

До нас дошла официальная бумага, несколько иначе рисующая состав «гилевщиков» и отношение к ним «разных чинов людей». В «официальном сообщении», посланном на другой день мятежа на имя воеводы и других начальных людей городов Севска, Смоленска, Владимира, Суздаля, Арзамаса и Коломны, событие описывалось так: «...июля в 25 день в нашем царствующем граде Москве, собрався воры разных чинов худые людишки, учинили мятеж, а учили было дома грабить, и иные учили нам, в. г., бить челом с большим невежеством, а наши великого государя всяких чинов ратные и торговые и земские люди к тому их воровству никто не пристали. И били челом нам, в. г., ...всяких чинов служилые люди и всякие торговые и жилецкие люди, чтоб мы указали тех воров и мятежников переимать, чтоб те воры большого дурна не учинили... А наши ратные всякие люди и стрельцы, и торговые, и земские люди к тому их воровству не пристали», еще раз подчеркивает «официальное сообщение» о составе «гилевщиков».

Мы привели это «официальное сообщение» не для того, чтобы показать степень соответствия его с действительностью, а чтобы оттенить тот естественный страх московского правительства, который вытекал из

опасения военного бунта в среде рейтарских полков как московских, так и иногородных.

Для Алексея Михайловича не опасны были безоружные гилевщики, «разных чинов худые людишки», а страшны явившиеся вместе с ними в село Коломенское незваная рота во главе с капитаном Кропоткиным и многие «солдаты иных рот без начальных людей». Страшны они были своим «непослушанием начальным людям» и странным поведением в Коломенском. По рассказу поручика Ивана Грабленого, когда начальные люди приехали в Коломенское, то увидели, что «солдаты их полку и иные многие люди стояли в то время у государева двора; и окольниковый Р. М. Стрешнев... велел говорить, чтоб от государева двора солдаты отошли прочь... и солдаты не послушали, от государева двора прочь не пошли»...¹

Может быть, этим объясняется, что Алексей Михайлович уговаривал (требовавших выдачи изменников) «тихим обычаем, чтоб они шли в Москву, а он, царь, учинит сыск и указ».

Такое обращение с первой партией «бунтовщиков», пришедшей в Коломенское, во всяком случае, не объясняется их «вежливым челобитьем». «Ведь те люди говорили царю и держали его за платье, за пуговицы: «чему де верить», и царь, по словам Котошихина, «обещался им Богом и дал им на своем слове руку, и один человек из тех людей с царем бил по рукам».

Когда вторично пришедшая толпа, по выражению официального сообщения, стала «невежливо челом бить», Алексей Михайлович после того, как «стрельцы к нему на помочь в село пришли», «закричал, отдав приказ тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити».

¹ Зерцалов. Материалы «о московских мятежах».

«Официальное сообщение» по иногородным полкам о непричастности к «гили» ратных людей имело своей естественной целью предупредить брожение, которое происходило среди служилых людей по причинам, общим как для столицы, так и для провинции. Я разумею отмеченное выше несоответствие между жалованьем и дороговизной продуктов.

В приведенном «официальном сообщении» в высшей степени характерно для вызванной дороговизной междуклассовой ненависти указание, что «гости и гостинные и суконные сотен старосты и всякие торговые и жилецкие люди (сами) просили великого государя тех воров и мятежников переимать, чтоб те воры большого дурна не учинили». Это сообщение, если не целиком отвечает действительности (потому что всякие торговые и жилецкие люди участвовали в «гили»), то оно правильно истолковывает самочувствие богатых гостей, которые должны были в правительстве искать поддержки против той ненависти «маломочных людей», которые «по нерассуждению» приписывали «дорогов» их «алчности».

Котошихин прямо говорит, что «гости и добрые торговые люди (т. е. богатейшие купцы) к тем ворах не пристал ни один человек — еще на тех воров и помогали, — и от царя им было похваление».

Правительство Алексея Михайловича жестоко расправилось с «худыми людишками» за их «невежливое челобитье». По уверению Котошихина, с протокольной точностью описавшего «денежный бунт», во время коломенской сечи «потопилось в реке больше ста человек, а пересечено и переловлено больше семи тысяч человек... И того же дни около того села повесили 150 чел., а достальных всех пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног пальцы, а иных, бив кнутем, клали на лице на правой стороне признаки,

разжигали железо на красном, а поставлено на том железе «буки», т. е. «бунтовщик», чтоб был до века признателен, и разослали всех в дальние города — в Казань, в Астрахань и на Терки и в Сибирь... А пущих воров в ночи, завязав руки назад, посадя в большие суды, потопили в Москве реке».

Котошихин отмечает безрассудную стихийность этого наказания. Из казненных, потопленных и разосланных, «не все были воры, а прямых воров больше не было 200 человек: и те невинные люди пошли за теми ворами смотреть, что они, будучи у царя, в своем деле учинять, а ворами, при таком множестве людей, надежно было говорить и чинить, что хотели».

IV

Описанный бунт ярко показал правительству царя Алексея, к чему может повести дальнейшее промедление в ликвидации системы медных денег. Тем не менее оно медлило с отменой медных денег еще около года и совсем не потому, что не знало, как поправить плоды своей финансовой изобретательности. Еще за полгода до мятежа гостинные и торговые разных категорий люди на запросы правительства о причине «дорогови» и о средствах устранить ее дали глубокий анализ создавшегося положения и указали средства к выходу из него.

Указывая на медные деньги, как главный источник дороговизны и голода, купцы в своих сказках рекомендовали: 1) отменить медные деньги; 2) «учинить с неприятелями мирное постановление»; 3) запретить грекам покупать русские и сибирские товары на медные деньги беспощинно; 4) установить монопольную торговлю с иноземцами на поташ, смолчугу, юфть, пеньку, соболя,

сало и смолу для привлечения драгоценных металлов; 5) созвать земский собор для рассмотрения того дела, которое является «делом всего государства всех городов всяких чинов людей».

Несмотря на ясность совета носителей земской мысли, своевременное выполнение которого предотвратило бы взрыв 25 июля 1662 г., правительство и после мятежа не решалось расстаться с медными деньгами и не хотело снова обращаться к земле за советом. Только боязнь, «чтоб еще чего меж людьми о деньгах не учинилось», побудила правительство царя Алексея через год после мятежа издать ряд мер для ликвидации медных денег. Рядом быстро следовавших один за другим указов (от 11, 15, 23 и 26 июня 1663 г.) повелено: 1) Выдавать жалованье, собирать доходы и производить торг одними серебряными деньгами. 2) Променивать медные деньги в государевой казне, с получением за 1 медный рубль по 2 серебр. деньги. Нежелавшим променивать дозволялось переливать деньги в медные вещи. 3) Казенные недоимочные сборы и частные долги уплачивать серебряною монетой по курсу на медные деньги того же года, месяца и числа, когда учинена запись, заключен контракт или взяты в долг деньги. 4) Уничтожить денежное медное дело в Москве, Новгороде и Пскове. 5) Завести на Москве серебряный монетный двор¹. 6) Еще раньше была введена, по совету купцов, монополия на отпускаемые за границу сырые товары.

Собственно, меры эти были признанием злейшего банкротства государства пред своими кредиторами. Расплачиваясь по 2 деньги за рубль (по 1%), правительство в сущности платило дешевле, чем стоил содержащийся в медном рубле металл. Но не одним только разорением и голодом поплатилось население за реформу приказных

¹ Шторх. *Op. cit.*, 775 стр.

финансистов. Не считая умерших «голодной смертью», Котошихин подводит такой итог только казненным в связи с этой финансовой реформой: «А людей за те деньги, как они ходили, за их воровство (подделку), что они делали, и смуту, что они чинили, казнено в те годы смертной казнью больше 7 тысяч человек; да которым отсекали руки и ноги, и чинено наказание и ссыланы в ссылки и дома их и животы иманы на царя (конфискованы),— больше 15 тысяч человек,— московских и городовых и уездных всяких чинов людей; и много оттого погибло честных и знатных и богатых людей»...

В. Уланов

«РАЗИНОВЩИНА»

I

Если московскому правительству удалось сравнительно легко справиться с московской «гилью», то не так просто пришлось ему затушить вспыхнувшее в 1668—1671 гг. пламя социальной революции, обнявшей почти все Поволжье и грозившей разлиться по всему государству. Бунт Стеньки Разина — чрезвычайно сложное явление. В нем соединились и старое казацкое стремление «достать зипуна», и недовольствие мелкого служилого люда своим положением, и сепаративные стремления еще незамиранных инородцев Поволжья, и реакция тяглых слоев русского общества против непосильного гнета тягловых и крепостных отношений.

Последний фактор, впрочем, является основным источником, питавшим все те силы, которые создали «Разиновщину». По меткому выражению Костомарова, «весь порядок тогдашней Руси — управление, отношение сословий, права их, финансовый быт» — все давало пищу народному недовольству, и вся половина XVII в. была приготовлением эпохи Стеньки Разина¹.

С воцарением дома Романовых усилиями земских соборов была прекращена Смута, но далеко не устранены все причины, ее вызвавшие. На место сметенного с исторической сцены родовитого боярства с его политическими притязаниями и социальной мощью выдвинулись «вперед простой дворянин и «лучший» посадский человек»². Захватив на земских соборах силу общественного мнения в свои руки, эти два представителя русского общества все влияние свое направили на обращение начавшегося еще до Смуты процесса закрепощения сословий в свою пользу.

Развитие крепостнической практики, естественно, усиливало социальную вражду между торжествующими и угнетаемыми, вражду еще большую, чем та, которая бросала крестьян под знамена самозванцев и всякого рода «лихих людей» времени Смуты: ведь тогда в «урочных летах» у попавших в «крепость» крестьян был еще выход из господской неволи!

Не теряли времени и «лучшие» посадские люди, пользуясь своим весом на земских соборах: они добились юридического ограждения тяглых посадков от вторжения в их среду привилегированных конкурентов (в лице обеленных промыслов, лавок помещичьих, боярских и т. п.); добились возвращения в посадское тягло

¹ Костомаров. «Бунт Ст. Разина», в Истор. моногр., т. II, стр. 212. СПб., 1863 г.

² С. О. Платонов. «Очерки по истории Смуты». СПб., 1899 г. 568 стр.

вышедших из него плательщиков и прекращения дальнейшего выхода из посада его тяглецов: привлекли «для легкости» в посадское тягло конфискованные у частных собственников слободы на городских землях; наконец, устранили торговую конкуренцию иноземцев, беспошлинно торговавших в стране. Все эти меры, конечно, направлялись к облегчению тягловых тяжестей посадских людей, с успехом «пополнявших свои животы и промыслы» в тесном круге посадского мира, вне конкуренции более сильных и, конечно, не без эксплуатации труда и средств маломочных тяглецов посада, прикрепленных к нему поневоле: не без достаточных же оснований «маломочные люди» стремились и после «Уложения» уйти из посада и «заложиться» за сильных людей или продаться в холопы. Возвращаемые в посадское тягло неволею, маломочные люди, вынужденные голодом и правежом входить в экономическую зависимость к своим однопосадцам, едва ли питали чувства благодарности к своим «хозяевам» и порядкам, превращавшим бедняков в «посадских людей» поневоле.

В предшествующей статье отмечалось, как чувствовали себя «лучшие» гости и купцы благодаря ненависти к ним тех элементов, которые выступили против гостя «Шорина и других богатых людей». Да и сами «лучшие» посадские люди скоро могли убедиться, как непрочны те юридические стены, которыми они хотели оградить себя от конкуренции сильных соперников. Уже в 1662 г. «гости и гостинные и суконные сотни торговые люди» докладывали в Москве, что «ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление (т. е. законы)»¹.

¹ Чтен. в Об-ве Ист. и Др. Росс., 1890 г., кн. III, 259–260 стр.

Тяжесть сословных отношений, возбуждавшая словную вражду между угнетенными и торжествующими, усиливалась тягловыми повинностями государства, которое, под давлением военных затрат, предъявляло обществу требования, не отвечавшие его платежным силам и средствам. Следующие цифры приблизительно показывают колоссальный рост повинностей, предъявляемых государством населению:

В 1640 г.	с сохи	взимали	120 руб.	стрелецк. подати
– 1660	–	–	228	–
– 1671	–	–	822 руб.	31 коп.

Мы не говорим уже об изнурительных экстренных сборах 5-й, 10-й, 15-й деньги, а также разорительных финансовых операциях вроде выпуска медных денег, соляной пошлины и т. п. По мнению исследователей экономической жизни России XVII в., увеличение налогов далеко не обуславливалось естественным приростом населения. Население в это время росло очень медленно. «Будучи прямым последствием тяжелого фискального гнета, задержка в приросте населения сама становилась одной из причин этого гнета: чем менее население могло дать лишних налогов, тем более правительство в них нуждалось, и чем более правительство их требовало, тем менее состоятельными оказывались плательщики»¹.

Лучшим показателем истощения платежных сил и средств населения является рост недоимок во время, близкое к «Разиновщине». Так, в 1665 г. посадские люди настолько обеднели, что, по донесению агентов правительства, нельзя было приступить к сбору пятинных денег с торговых людей². Особенно ярка в этом отноше-

¹ Милюков. «Государственное хозяйство», стр. 32.

² Лаппо-Данилевский. «Организация прям. обложения», стр. 348.

нии приведенная у П. Н. Милюкова таблица поступлений и недоимок в период от 1664 г. по 1671 гг.

Годы	Поступления	Недоимка
1664	61 557 руб.	1888
1665	61 177 «	2267
1666	58 255 «	5190
1667	55 810 «	7635
1668	54 507 «	8938
1669	55 160 «	8285
1670	44 253 «	19 192
1671	16 402 «	29 907

И нельзя думать, чтобы недоимки эти являлись результатом попустительства местных властей, ведающих сбором податей. Один сборщик, на упрек московской власти в запущении сборов, оправдывался: «Я, государь, посадским людям не норовил и сроков не даю: пока не было вестей о литовских людях, я правил на них твои государевы всякие доходы нещадно, побивал насмерть». Другой документ, говоря о подобной же энергии при взыскании «государевых доходов», объясняет и причины недоимок: «тех денег посадские и уездные люди не выплачивают за пустотою, потому что у них многие тягла запустели, и взять тех денег не на ком, и остальные посадские и уездные люди от немерного правежа бегут в... разные города»¹.

К тяжестям социальных отношений и податного тягла присоединялся еще гнет приказного воеводского и «излюбленного» управления. В областном управлении, по мнению таких исследователей, как Чичерин и Градовский, не было определенной системы. Компетенция земских властей и воеводы была неясно разграничена в

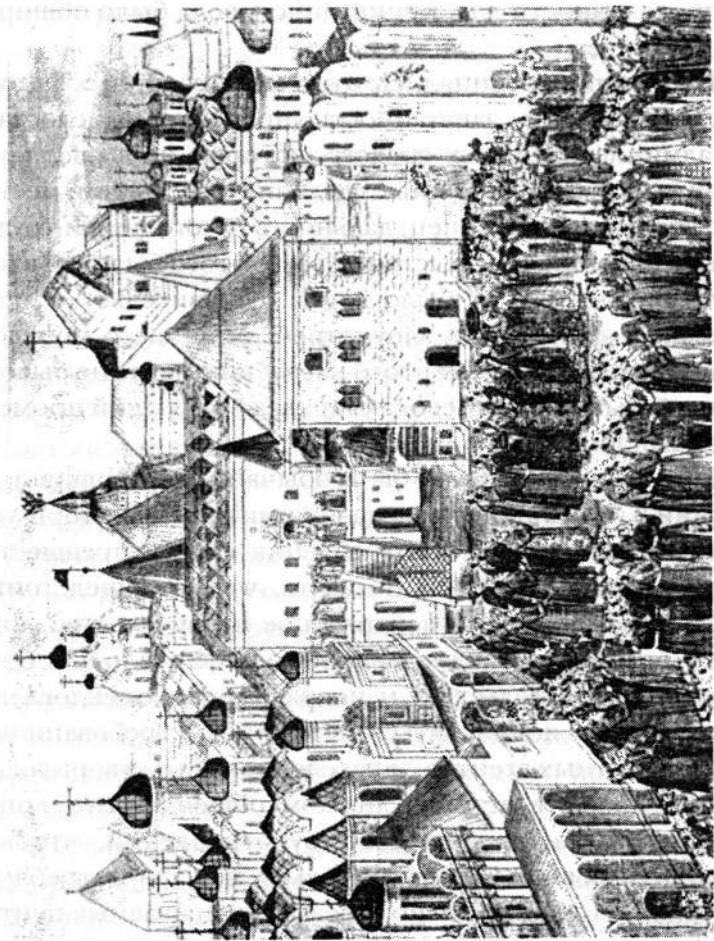
¹ А. И. В., № 48.

соприкасающихся областях; не было установлено точной субординации властей, равно как прочного территориального распределения границ власти тех же, скажем, воевод. Понятно, что при такой юридической неопределенности для личного произвола было обширное поприще.

К этому присоединялись: отсутствие законных форм делопроизводства, запутанность управления и недостаток административных средств, которые не позволяли правительству иметь точные сведения о состоянии местного управления; наконец, дальность расстояния и трудность сношений. Последствием всего этого было то, что злоупотреблениям не было конца¹. Правительство для избежания длительных злоупотреблений часто меняло должностных лиц, но от этого населению легче не было: назначенный на год воевода старался в короткий промежуток накормиться на многие годы.

При этом вошло как бы в обычай, что вновь вступающий в управление воевода яркими красками обрисовывал неправды и злоупотребления своего предшественника как бы с целью показать, что ему предстоит превзойти. Часто само центральное правительство, отзывая воеводу, во всеуслышание объявляло об его великих вымогательствах и неправдах, рекомендовало населению не повиноваться незаконным требованиям своих областных агентов, и население часто «творилось сильно» своим властям. Слишком общеизвестны конкретные случаи воеводских злоупотреблений, чтобы приводить их здесь. Отметим только, что злоупотребления эти, часто официально и резко признаваемые центральным правительством пред всем «миром», создавали у этого угнетенного мира представление, что «бояре» — главные виновники переживаемых «миром» бедствий

¹ Чичерин. «Областные учреждения России в XVII в.».

Приготовление к венчанию Михаила Федоровича. Из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича»

податного, административного и социального гнета. Они — изменники и против царя, и против «мира». «Кривой» воеводский суд в глазах населения превратился в какую-то роковую неизбежность, против которой можно бороться только сверхъестественными средствами, как, например, заговором. Некий «Федька попадьа» носил на себе в качестве талисмана письмо, а в нем написано: «кто тот свиток учнет носить при себе и на суд пойдет, и того человека кривым судом не осудят»¹.

Отмеченные тяжести народной жизни не могли, конечно, вызывать у оскорбленных и угнетенных безропотного подчинения тяжелой действительности. Бунты 1648, 1650, 1662 гг. являются хотя и единичными, чисто местными вспышками, имевшими свои частные причины, но не трудно во всех этих вспышках подметить общую черту — ненависть маломочных людей к «изменникам-боярам» и богатым людям, которые давят народ и обманывают царя: «Царь... глядит все изо рта бояр — они всем владеют: он все видит, да молчит: чорт у него ум отнял», роптал народ в 1648 г., жалуясь на злоупотребления фаворитов молодого царя. Задерживая деньги, отправленные московским правительством в Швецию, псковичи в 1650 г. говорили: «Государь этого не знает, — отпускают казну бояре». На этой же легенде об изменниках боярах и купце Шорине построена была агитация московской «гили» 1662 г.

Восстание 1648 г., окончившееся растерзанием Трахониотова и Плещеева, а также отставкой от дел ненавистного Морозова, вызвало, по-видимому, чувство удовлетворения у населения и примирение с царем.

Сенька Колтовский писал своему дядюшке Перфилю Ивановичу 26 июня 1648 г.: «Пожалуй, государь-дядюшка Перфилий Иванович, прикажи ко мне писать о

¹ Зерцалов. Материалы «о московских мятежах», стр. 230.

своим многолетним здоровьем... и нынеча государь милостив,— сильных из царства выводит, сильных побивают ослопьем да камением»,— и сейчас же приводит основания своего сочувствия «милостивому государю»: «а надежда ваша с Иваном Владычкиным вся переслылась, и вы не надеетесь нынеча: кому вы посул давали, совсем они пропали, и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарий Чистой и с деньгами пропал»¹. В Пскове, Новгороде, на Дону, в Сибири, в Москве и Поволжье,— всюду слышатся подобные речи,— речи ненависти угнетенного народа против тех, кому в то время лучше других жилось, за счет других. Стрельцы, посадские люди, мелкие торговцы, крестьяне и холопы — вот те слои, которые охотно повторяли эти речи и еще охотнее прислушивались к ним.

Да в речах ли только выливалось горькое чувство народа против угнетателей-«изменников»? И в Новгородском мятеже 1650 г., и в московской гили 1662 г., и в агитационных речах, призывавших к погромам, «животы и дома» богатых людей были объектом не одной слепой ненависти «гилевщиков», а и предметом раздела, своеобразным «потокотом и разграблением»,— недаром в старину он применялся, между прочим, и к «изменникам».

Характерным показателем народной ненависти против крепостного режима и судебной волокиты было истребление бумаг, главным образом крепостных и купчих грамот, с которыми у народа соединялись представления о переписях, описях, кабалах и других актах, навеки прикреплявших население к податному тяглу и крепостному состоянию. Так, в 1649 г. боярин Б. И. Морозов бил челом о возобновлении 43 разных грамот «для того, как в прошлом во 156 г. (1648) его боярина двор воровские

¹ «Чтен. в Об-ве Ист. и Др. Росс.», 1890 г., кн. III, стр. 21.

люди разграбили, и те грамоты и купчие с иными его крепостями в то время пропали»¹.

В этом-то настроении широких масс тяглого населения и всякого чина маломочных людей и следует искать корней «Разиновщины»: им определялось сочувствие народных масс к организованному восстанию против тяжелых социальных и государственных порядков,— сочувствие, столь грозное для государства в случае успеха революционного движения. Из этой раздраженной непосильными тяжестями среды выходили разные элементы, ставшие активными силами восстания; здесь же крылся секрет пассивного сочувствия и бездействия тех сил, назначением которых было поддержание устоев общественной и государственной жизни, как они сформировались в XVII в.

II

Ближайшими участниками дела Разина были «голутовенные» элементы казачества, тяглое население приволжских городов и уездов, поволжские инородцы и частью мелкие служилые люди — стрельцы поволжских военных крепостей.

На выяснении роли каждого из этих элементов «Разиновщины» мы и остановимся.

Главной ареной развития «Разиновщины» было Поволжье, по тогдашнему выражению — «Низ», приблизительно в пределах между Астраханью и Нижним Новгородом. Здесь были условия, особенно благоприятствовавшие развитию восстания против московских порядков и власти. После завоевания поволжских татарских

¹ Чт. в Об. Ист. и Др. Росс. за 1890 г., кн. III, стр. 231.

царств район этот с его богатыми залежами чернозема был открыт для широкой колонизации тесно сгучившегося населения главным образом «Замосковского края». Отсюда, по счастливому выражению Ю. В. Готье, население «сползало на Низ», тремя лавинами, увлекаемыми, правда, разными силами: вслед за беглой «вольницей» сюда шло правительство с своими военными базами, а за ними двигался хозяин-монастырь и служилый вотчинник и помещик. Как ни интенсивна была эта колонизация, она за сто лет не могла «обрусить» инородческого Поволжья, претворить его бытовые, национальные и хозяйственные особенности в великорусскую стихию, как это было в ростовско-суздальский период Руси.

В глубине своих лесов, вдали от главных рек, инородцы сидели сплошной массой, не зная и не видя московской власти. Перейдя от татар к Москве, инородческий мир не сразу почувствовал смену власти, и в его тайниках, еще мало доступных московскому наблюдению и вмешательству, шла своя особая жизнь. Одна из самых важных частных этой жизни заключалась в том, что татары, потеряв политическое господство в своем царстве, не потеряли экономической силы в качестве уже государевых помещиков, опиравшихся к тому же на престиж старых господ края, знавших лучше русских строй инородческих отношений. Таким образом уже со второй половины XVI в. над инородческими племенами Поволжья тяготели две силы, с которыми инородцам при их разрозненности и слабости невозможно было совладать. Закрепляя за служилыми татарами инородческие земли, московская власть одновременно передавала другие части их в обладание русским владельцам, и на этих землях их первоначальные собственники-инородцы становились «во крестьян место» и пахали землю на нового владельца. И частные московские переселенцы, «верховцы», занимали инородческие же пустоши и уголья,

оттесняя их обладателей на другие места или подчиняя их своему влиянию. С переходом Поволжья в русские руки, процесс обезземеления инородцев и потери личной самостоятельности последних усилился и ускорился, и это служило главной причиной того недовольства, с каким инородцы относились к московскому господству. У них не было сил для открытой борьбы за свою землю и не было центра, откуда бы исходил почин восстания и руководство действиями. Так объясняет проф. С. Ф. Платонов причины активного выступления инородцев во время Смуты¹.

Причины эти продолжали существовать и во времена выступления Стеньки Разина, с тою разницею, что стеснение и раздражение инородцев к этому времени усилилось вследствие естественного усиления колонизации и угнетения инородцев. Впоследствии мы увидим в рядах разиновских полчищ значительный процент инородцев.

Да и в самой среде русских колонистов в этом недавно заселенном районе нужно ожидать бóльшей «шатости» и открытой непримиримости по отношению к московским порядкам, чем это было в исконном московском центре, опиравшемся на традицию и полицейские силы государства. Не за тем шла в Поволжье «вольница», чтобы подчиниться здесь крепостным и приказно-воеводским порядкам, от которых она бежала из родных краев: слишком обширны еще были для примирения с этими порядками приволжские степи, слишком велика конкуренция хозяев-землевладельцев на рабочие руки, слишком близок был тихий Дон, являвшийся последним приютом для непримиримых врагов надвигавшегося крепостного режима. Во всяком случае в среде поволжского крестьянства и вообще уездных людей слишком

¹ «Очерки по истории Смуты», стр. 108.

обострено было отношение к проявлениям крепостного и податного режима как по воспоминаниям о своем прошлом, так и по возможности легко уклониться от него. Эти переживания были свойственны не только «повольникам», но, несомненно, разделялись и теми крестьянами и холопами, которые были переведены сюда по воле своих помещиков и вотчинников. Крепостные навыки господ, несомненно, чувствовались их «людьми», при большей свободе и просторе, болезненнее, чем в тесноте и крутости замосковского круга.

Не более надежны были по настроению жителей те новые города, которые заводились в этом краю правительством в качестве военных и отчасти промышленных форпостов правительственной колонизации. Вокруг этих городов-крепостей густо садилось русское население, постепенно продвигаясь от них в глубь инородческих поселений. Окруженные морем инородческой враждебной стихии, обитатели этих городов чувствовали себя изолированными от русской среды и не только в смысле безопасности, на случай движения инородцев, но и в экономическом отношении. Предоставленные своим ремеслам и мелким промыслам, жители этих городков должны были чувствовать гнет податных сборов не менее обитателей тех городов и посадов, из которых они «разбрелись от непомерных правей». Тяжесть же денежного кризиса и дороговизны 1659–1663 гг. тяжело переживалась обитателями особенно недавно поставленных городков (Тамбова, двух Ломовых и др.) тем более что жили здесь все люди «молодые» и «маломочные», для которых кризис был особенно тяжел.

Произвол же воеводского управления в этих удаленных от центра областях был очень силен особенно в виду чрезвычайных полномочий воеводского управления в пограничных и мало замиренных областях. «Ша-

тости» населения этих городов немало содействовало то обстоятельство, что поволжские города были в то время местом ссылки для обвиненных участников в разных мятежах этого времени. Из Москвы, Новгорода, Пскова, Сольвычегодска и Устюга были высланы в Казань, Астрахань, Терки и другие места многочисленные «воры», вырвавшиеся из рук неумолимой московской Немезиды ценою торговой казни, отсечения рук, ног, пальцев. Не с мирными чувствами к московским порядкам приходили в места невольного поселения как действительные «гилевщики», так и невинные жертвы московского сыска.

В Поволжье служилые люди, особенно «молодые» — стрельцы, были ненадежной опорой московских порядков в поволжских военных пунктах. Особенно ненадежны были так называемые «годовальщики», которые «из верхних городов годуют» в пониженных городах. Оторванные от родины службой в чужом краю, стрельцы и «годовальщики» часто не получали вовремя жалованья, и это обстоятельство, например, было решительным побуждением для астраханских стрельцов передаться Разину. Для них, несомненно, памятно было тяжелое время «дорогови» 1659—1663 гг., когда, по челобитью поволжских служилых людей, они «обедняли и обнищали, и стали наги и босы... лошадей купить не на что — на медные деньги (инородцы) не продают, а серебряных негде взять... Обнищали великими долгами, — и дворишки, и животишки, и детишки закладывали и со всякие нужды в конец погибают и помирают голодною смертью».

Отмеченные особенности жизни Поволжья необходимо иметь в виду для понимания успехов «Разиновщины» в этом районе.

III

На Дону, где зачалась «Разиновщина», в XVII в. развивались процессы, долженствовавшие неминуемо разрешиться тяжелыми для Московского государства последствиями.

Уже при избрании Михаила Федоровича, под давлением вооруженной земщины, в среде казачества восторжествовали «прямые» элементы, которые приняли участие в очищении Москвы от иноземцев и в установлении государственного порядка, потрясенного в значительной степени при участии «искателей зипунов». Правда, часть непримиримого казачества отказалась «прямить» Москве и попыталась поддержать Смуту на юго-восточной окраине государства во имя «воренка» (сына Марины Мнишек); но «прямые старые казаки» оказались дальновиднее своих беспокойных товарищей: против вооруженной земщины, руководимой инстинктом самосохранения, отбросы ее, хотя бы и сплоченные общею ненавистью к московским порядкам, были бессильны. «Прямые казаки» предпочли осесть на берегах тихого Дона в виде «вольных» слуг Московского государства, готовых за жалованье «платить головами своими, против кого государское повеленье будет». Награбленные в разное время и в разных местах «зипуны и животы», пополняемые подачками от Москвы за службу и «ростом» за ссуду, давали этому слою казачества ту солидность и удовлетворенность, которая заставляла его поддерживать с Москвой добрые вассальные отношения и показывать вид готовности действовать в интересах Московского государства даже тогда, когда действия эти причиняли Москве один вред и хлопоты.

Но это «прямое старое» казачество недолго могло задавать тон всему населению «вольного» Дона. Тяжесть

московского крепостного и податного гнета выражалась не в одних только резких словах и местных «гилях»: посадки и уезды, как мы видели, пустели вследствие побегов населения от «непомерных правежей» и кривд административного и социального строя. Население, естественно, бежит туда, где были бессильны и искусство сыщиков, и право землевладельцев, и указ государев. «У казаков де того не повелось, что беглых людей отдавать¹,— заявляли всякий раз на Дону, при попытках нарушить казацкую вольность.— А на твою государеву отчину, на реку на Дон, приходят к нам всяких чинов люди и иноземцы, и теми людьми твоя государская река наполняется и служит тебе, великий государь, заедино: и впредь милости у тебя просим,— вежливо угрожали казаки,— чтобы по-прежнему от нас с твоей отчины, с реки Дону, всяких чинов людей не имать, и чтобы всяких земель люди шли на Дон к нам без опасения, и твоя бы отчина была полна, и нам бы с твоей отчины, Дону, розно не разбрестись»². И действительно, всяких чинов беглые люди в середине XVII в. и далее «шли на Дон без опасения» и настолько «наполнили» Дон, что «на Дону стало гораздо много, а кормиться им нечем — никаких добыч не стало»³.

У нас нет данных определить в цифрах степень перенаселенности Дона в рассматриваемое время.

Опустошение Замосковного края и Севера, розыски помещиками беглых в этом направлении⁴; наконец, заявление казаков о перенаселении Дона,— все это только говорит за скопление на Дону беглых и недовольных московскими порядками, но не определяет их размера.

¹ Материалы для истории возмущения С. Разина. М., 1857 г., 46 стр.

² «Д. Д. св. Х», 1675 г., № 22.

³ «Матер.», 50 стр.

⁴ См. Готье, «Замосковный край».

Казаки в разное время по-разному определяли свое число (от 10 до 3 тыс.), смотря по тому, нужно ли было запугать своею численностью, увеличить размер государева жалованья¹, или изобразить свое бессилие пред московскими заданиями. Да и сами казаки едва ли знали себе счет не только потому, что «переписки казаком на Дону и на Яике и нигде по их казачьим правом не повелось»², но главным образом благодаря непрерывному приливу всякого чина «голутвенных людей», которые, по-видимому, далеко не все поступали в казаки: многие ограничивались скромной ролью «работников» и «батраков» у богатых казаков, и слыли за «бурлаков»³. В числе их были женщины и дети: «и во многие в донские городки пришли беглые боярские люди и крестьяне с женами и детьми, — и оттого де на Дону голод большой», сообщали официальные данные от 1667 г.

Голод был следствием крайнего развития двух вольностей Дона: права принимать беглых и запрещать земледелие.

Вызванный первую «вольностью» прирост населения не мог поддерживаться естественным развитием земледельческого хозяйства. Последнее настолько считалось не отвечающим казацким нравам, что особым приговором донское войско постановило «бить до смерти и грабить того, кто станет пахать и сеять: а кто хочет пахать, и те б шли в прежние свои места, кто где жил», высокомерно заявляет постановление.

Эта своеобразная мера была, может быть, инстинктивным опасением, как бы вслед за пахарем не пришел переписчик «живущей пашни» с его прикрепляющим пером.

¹ «Материалы», 42 стр.

² Дружинин, «Раскол на Дону», стр. 10–11.

³ Ibid., стр. 13.

Развитию голода, несомненно, содействовала система московского правительства давать донской «вольнице» чувствовать «милость государя» в зависимости от подвоза хлеба из центральных областей, — прием, столь успешно примененный когда-то «Низом» по отношению к новгородской вольнице. Начавшаяся на Дону «шатость» приостанавливала и частный подвоз хлеба и товаров¹.

Конечно, старые прямые казаки могли кое-как мириться с голодом, но что представляла из себя вновь прибывшая на Дон толпа «голутвенных» людей с их семьями? В былые времена казаки — меньшие люди между ними — выходили из подобного положения нападением на крымцев; но теперь и этот выход был прегражден. По словам казаков Разина, поход на Волгу они затеяли потому, что «на Дону им учала быть скудость большая: на Черное море проходить им немочно, — учинены от турецких людей крепости, и они де, отобрався, охочие люди, пошли на Волгу и с Волги на море, без ведома войскового атамана Корнила Яковлева, а начальный де человек у них к тому делу был Стенька Разин»².

По другим данным, между «охочими голутвенными людьми» и «старыми прямыми казаками, которые к Стенькину бунту не приставали»³, по-видимому, была затаенная вражда, — вражда голодных к сытым и сытых, которые не понимали голодных. Правительственные шпионы доносили в Москву, что «иные старшины и нарочитые казаки Стенькино воровство не хвалят и к себе его не желают»⁴.

Не оставались в долгу и «голутвенные»: по словам другого доносчика, «на Дону де в войске и во всех низо-

¹ «Материалы», стр. 201.

² «Материалы», 38 стр.

³ Ibid., 5 стр.

⁴ Ibid., 51.

П. Ф. Яковлев. Атаман *Стенька Разин* и персидская княжна

вых городах воровские казаки собираются многим собранием и хотят идти на Волгу, а на атамана де на Корнила Яковлева и на иных старшин хвалятся воровские казаки — хотят побить»¹.

IV

Мы рассмотрели те условия, которые создали элементы революции, ее образующие силы, и благоприятную почву для ее развития. Бунт должен был разрядиться даже в том случае, если бы и не было того, чьим именем этот бунт называется.

Бунт разразился в два приема. Сначала в 1678 г. в виде прорыва голутвенных людей чрез поволжские заста-

¹ Ibid., 29.

вы в Каспийское море, где казачество пограбило берега персидских владений и, добыв себе средства, а предводителю своему славу, возвратилось на Дон, получив от Москвы прощение. Через год казачество «опрокинулось» внутрь государства, Поволжья, и подняло население против московской власти, против помещиков и государственных порядков. И то и другое движение слишком известны с своей драматической стороны, чтобы ход их описывать здесь. Оба эти движения связаны с именем Степана Тимофеевича Разина, на выяснение роли которого в этом движении мы и остановимся.

Стеньке Разину посчастливилось, как немногим другим «вождям» народных движений. Фигура Разина не только в поэтическом воображении современников и потомков заслонила собою силы, вынесшие его имя из тьмы безвестности, но и в лучших «бытописаниях» земли родной вплоть до последнего труда о «Разиновщине» Степану Тимофеевичу отводится слишком видная роль в «Разиновщине». На самом деле, реальная личность Разина неизмеримо меньше его эпического и литературного образа, хотя образ этот был действительной силой уже при самом Разине.

Этот образ, ставший знаменем и девизом движения народных масс против социального и политического гнета, сложился больше из массовых переживаний и воцелений, чем из черт действительного могущества и обаяния. Разин действовал в слиянии с такими стихийными переживаниями масс, которые заставляют «камни вопиять» и «из камней делают чад Аврааму». Эти настроения, найдя иногда случайный центр для своих отражений, и составляют «прибавочную» часть настоящего деятеля, придавая его нетвердым жестам силу магического воздействия на массы, вливая в его слова и поступки содержание, более отвечающее настроению масс, чем мыслям их автора, и превращая даже пошлые и

слабые стороны «героя» в иносказательные символы, в полные смысла и глубокой мудрости действия.

И историка трудно отделить реальное значение данного исторического деятеля от его «прибавочного» веса, трудно выделить личность от знамени, волю отдельного человека от связанных с нею стихийных волевых импульсов масс, то гипнотизирующих деятеля своими желаниями, то самогипнотизирующихся через него.

Мы интересуемся личностью Разина и его традиционным образом постольку, поскольку в его действительных поступках и приписываемых ему качествах и поведении отразились существеннейшие черты «Разиновщины», наметились ее ход, воодушевляющие массы лозунги и смысл событий, выразителем чего случайно стал донской казак Стенька Разин.

Из ряда многочисленных мятежей, придавших царствованию Алексея Михайловича характер «бунташного времени», «Разиновщина» выделялась своею длительностью, обширностью захваченного района и разнохарактерностью вошедших в смуту сил.

Эти свойства «Разиновщины» едва ли можно приписывать организаторскому таланту Стеньки Разина. Мы уже видели те силы, которые «указывали путь до великого до дела» удалому молодцу. На этот путь стал не один Разин: к нему примкнули с самостоятельными шайками уже отчасти ранее известные атаманы: Сережка Кривой (с 700 человек) и Васька Ус, мастер по устройству восстаний земского люда и, на наш взгляд, лучше Разина понимавший, где находится центральный источник революционных настроений и сил.

Случайность помогла Разину стать первым на фоне развертывающихся событий.

Разин обладал двумя особенно ценными в его положении качествами, — умением применяться к обстоя-

тельствам и внушать к себе доверие, часто граничащее с суеверным преклонением. Для первого нужно было обладать ясным и достаточно гибким умом, для второго требовалось знание среды воздействия, ее настроений, при некоторой находчивости умение вовремя принять соответственную позу и сделать жест, импонирующий толпе. По части ярких демонстративных жестов и поз Стенька был большой мастер.

Вовремя ввернуть многозначительное по своей неопределенности словечко, демонстративно оттаскать воеводу за бороду в присутствии жертв воеводского управления; блеснуть шелковыми парусами и канатами, а также драгоценностями своего наряда, с тем чтобы сейчас же презрительно продать их за гроши или милоливо раздать просителям; даже с ухарским самоотвержением бросить в воду свою возлюбленную, как бы в угоду казацким нравам и ожиданиям чрезвычайного со стороны толпы,— все это делалось, несомненно, с сознательной целью окружить себя ореолом «необычного», если все это действительно так делалось, а не разукрашено стоустою молвой.

Успех предприятия, обусловленный стихийным сочувствием масс, казался не только загипнотизированной толпе и суеверным воеводам¹ проявлением чудесной силы в Разине, но, кажется, и самому Разину: по крайней мере свое поражение и раны под Симбирском он открыто признал за роковое отступление от него чудесной силы.

Впрочем, думается, даже в описании этих поз и жестов Разина многое следует отнести на счет прикрас народной молвы и слишком повышенной восприимчи-

¹ Царицынский воевода выдал Разину «наковальню и мехи и кузнечную снасть, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пищаль, ни сабля ни што не возьмет, и все де войско они берегут». Матер., 23 стр.

ности лиц, описывающих событие со слов других или под влиянием сильных потрясений. Даже в самых красочных выступлениях Стеньки Разина можно открыть побуждения, не столь героические, и поступки, которые всего меньше говорят о чрезвычайных способностях Разина.

Кажется, всеми исследователями «Разиновщины» придается особое значение рассказу разных источников о мрачной расправе Стеньки с персидскою княжней. Одни видят в этом желание Стеньки поразить воображение очевидцев, другие — угождение казацким нравам, третьи — проявление вообще капризной и неподходящей под общие рамки натуры Разина. Не говоря уже о том, что рассказ этот крайне фантастичен, а свидетельства очень сомнительны, как-то все исследователи упускают при этом из виду одно официальное известие, что возвратившийся из персидского набега Разин готовился встретиться с своею законной женой. Везти с собою на Дон персидскую пленницу не только не отвечало казацким нравам, — жена Разина жила с ним в Кагальнике, но и обычаям семейной жизни. Обычно Стеньку представляют «не верящим ни в сон, ни в чох, а только лишь в червлёный вяз»; но это представление является прямым сближением Стеньки с Васьюкою Буслаевым, и тем ясно показывается, что историки склонны смешивать личность Разина с эпическим его образом.

Обыкновенно в подтверждение «вольнодумства» Разина ссылаются на официальное сообщение правительства, извещавшего, что Разин предается анафеме, между прочим, за то, что «он, Стенька, износил на имя Господне, на Его св. церковь хулу, и священников с Дону учал сбивать, хотя жить без браку»... Но это вольнодумство принимает несколько другой оттенок, если мы выясним, о чем говорит правительство. К Разину, вербовавшему новую шайку для похода на Волгу, обратились с

просьбой — пожертвовать из своих персидских добыч часть на возобновление сгоревшей церкви в Черкасске. Стенька не жалел средств для привлечения к себе военного люда, но жертвовать на церковь считал делом, не входящим в его план, тем более что духовенство часто выступало против него с обличениями¹. Разин отказал: «На что церкви? К чему попы? — говорил он набожным ходатаям.— Венчать, что ли? Да не все ли равно: станьте в паре подле дерева, да пропляшите вокруг него — вот и повенчались!»². Если даже эти выражения доподлинно принадлежат Разину, то не надо забывать, что они близки к народному языку³ и в казацкой бродячей жизни имели особый смысл. С другой стороны, то обстоятельство, что Стенька путешествовал в Соловки и истово крестился перед казнью, едва ли говорит о нем, как человеке, который отрешился от власти обычая, обряда, общественного мнения. Нам кажется, наоборот, что секретом успехов Разина было как раз умение приспособляться к обстоятельствам, среде и обстановке, искренно проникаться настроением окружающих и наилучшим образом выражать его. В Разине нет постоянства и выдержки. В зависимости от обстановки он то дерет за бороды воеводу и грозит тряхнуть Москвою, то трусливо склоняется пред астраханским воеводой и дает со скрежетом зубов взятку, не имея мужества отказать воеводе, сказавшему, что ссориться с ним, воеводою, не выгодно, так как он может в Москве склонить настроение в пользу или во вред Разина. Выставляя себя великодушным победителем, дающим право побежденным следовать за ним или уходить к врагу, Разин жестоко расправляется с теми, кто уходил от него. Выставляя себя публично врагом

¹ Матер., 123 стр.

² Матер., 192 стр.; Ригельм., «История Войск. Донск.», 61. Доп. VI, 57.

³ Припомним пословицу: «Венчали вокруг ели, а черти пели».

личных почестей и защитником невинных, отказываясь от мысли стать царем, Разин не упустил случая наделить себя пышными титулами в переписке с персидским шахом; и когда последний в ответном письме обозвал Разина «дикой свиньей, за которую он, шах, пошлет своих охотников», Разин чисто по-персидски обиделся за оскорбление своего величия, приказав изрубить привезшего грамоту ни в чем неповинного казака и тело его выбросить птицам.

Большим достоинством Разина было его чисто практическое умение соединять расточительную щедрость с умением в кредит или на чужой счет содержать своих «голутвенных» товарищей. В персидский поход Разин выступал без всяких средств. Мы недоумеваем, на какие же средства мог вооружить и содержать Разин эти 1¹/₂—2 тыс. товарищей, пошедших с ним в Персию. Оказывается, снаряжение в поход было не столько делом Разина, сколько добрым казацким обычаем смотреть на воровские походы, как на доходное предприятие, в которое состоятельные донцы не прочь были внести свой вклад в виде ссуды «голутвенным удалцам» оружия, пороху, одежды и т. п., в расчете на половину добычи. Любопытное явление вскрывается из донесения московского агента о том, что «к Стеньке идут голутвенные люди и многие донские казаки, которые, нужая (ссужая?) воровских казаков голутвенных людей ружьем и платьем, как они пошли с Дону на Волгу с Разиным, отпускали их для добыч из полу, — и при нем (доносителе) донские казаки с теми посыльщиками (кредиторами) делили добычу»¹. Едва ли этот казацкий обычай вкладывания капиталов в рискованное казацкое предприятие был нов для времен Разина; не новы были и способы прокармливания товарищей за счет чужого имущества, встречающегося и на

¹ Матер., 49 стр.

суше и на воде. Разин не только грабит суда богатого и непопулярного купца Василия Шорина, но государевы и митрополичьи посадки и улусы кочевников. Впрочем, Разин видел и в торговле необходимое подспорье для продовольствия своих шаек. Возвратившись из персидского похода на Дон, Разин задержал «торговых людей, которые в судех с товары и со всякими запасы ехали с верховых городов на Дон, чтобы торг для всякой живности у него был»... Торговые люди, не видя особой для себя опасности от перенесения торговли из Черкаска в Кагальник, а даже большую выгоду, потому что казаки Разина расплачивались щедро награбленным добром, охотно везли свои товары на рынок Кагальника, где Стенька устроил свое пребывание во время приготовления ко второму походу на поволжские города¹.

Богатая добыча, полученная Разиным на персидских берегах Каспия, дала ему средства для снаряжения сильного войска пушками и другими оружием, а еще больше дала его имени то магическое обаяние, которое сыграло в дальнейшем развитии «Разиновщины» большую роль, чем сам Разин. Имя это стало общим знаменем, под которое стягивались недовольные разных категорий, имевшие разных врагов и неодинаковые стремления, но видевшие в Разине общего вождя. И к чести Разина, он сумел для каждого из своих союзников дать наиболее понятный для него лозунг, не заботясь особенно о последовательности в своих заявлениях и выступлениях.

Гнет в его политических, социальных, податных, религиозных и др. проявлениях был тем общим врагом, которого все чувствовали, только представляли его в разных видах. Стенька Разин объявил себя освободителем от этого всеобщего врага. Воля и равенство — вот конечная цель его выступлений. В достижении их, по

¹ Матер., 189 стр.

убеждению Разина, нуждался раб столько же, сколько царь, и государев стрелец не менее вольного казака. Особенно ярки были лозунги борьбы за казацкую вольность. Московский политический режим уже наложил свою тяжелую руку на западную часть казачества, которая стала на торный путь закабаления сословий в Московском государстве. Непримиримые части запорожцев ушли на Дон; но и здесь, как мы видели, образовалась уже партия, склонная за подачки и покой променять казацкую вольность. Только голутвенные люди да осоюзившиеся с ними запорожцы не допускали мысли о конце казацкой вольности, и Разин явился ярким выразителем этой именно группы казачества, которая под его руководством образовала самостоятельное войско, действующее вне зависимости от «прямых старых казаков».

Разин говорил атаману последних, Корнилу Яковлеву: «Ты владай своим войском, а я де владею своим»¹. Он резко отпарировал попытки Москвы наложить руку на вольности казачества. На требования астраханского воеводы переписать казаков Разина, по случаю полученного ими прощения, Разин отвечал: «переписки казакам на-Дону и на-Яике и нигде по их казачьим правом не повелось»². На требование выдать перебежчиков Разин ответил: «У казаков того не повелось, чтоб беглых людей выдавать»³.

Когда же воевода чрез посланного немца попытался «словом угрожительным» побудить атамана выдать приставших к нему государевых людей, Разин «вспыхнул: по своему обычаю прежде всего помянул родительницу немца, потом схватился за саблю и чуть было не перекрестил ею посланного.

¹ Матер., 196.

² Ibid., 42.

³ Ib., 46.

— Как же ты смел, — закричал он, — прийти ко мне с такими непочтительными словами. Чтоб я выдал друзей своих, которые ко мне пристали ради любви и приятства! Ты еще смеешь грозить немилостью! Хорошо! Скажи же воеводе, что я не боюсь ни его, ни кого-нибудь повыше его... Дурак он, трус этакий! Он теперь надеется на свою силу и дерет нос да еще хочет со мной обращаться, как с холопом, когда я от рождения вольный человек! У меня силы и власти больше, чем у него. Я расплачусь с этими негодьями, как следует расплачусь!»¹

Разин не только отражал прямые попытки Москвы наложить руку на вольности казачества, но, по-видимому, хотел прекратить всякие дипломатические сношения Дона с Москвою. Это ярко обнаружилось из приема Разиным московского посла Герасимова, которого он утопил, обвинив его в том, что он подосланный боярами «лазутчик»².

Перебросившись за границу вольного Дона, Стенька и здесь объявил поход против неравенства и угнетателей.

Идти против московских порядков в Поволжье значило идти против царя. Разин не решался действовать в открытую и воспользовался старым обходным приемом, объявив царя в неволе у изменников-бояр. Взятым в плен стрельцам Стенька и все казаки его войска говорили, что де они, стрельцы, бьются за изменников, а не за государя, а он, Стенька, бьется с войсками за государя³. Подобно гилевщикам московским, заставившим сына Шорина свидетельствовать об измене отца и бояр, Разин выставил против бояр, овладевших волею царя,

¹ Костомаров. Бунт Ст. Разина, 278 стр.

² Матер., 195 стр.

³ Матер., 7 стр.

мнимого сына Алексея Михайловича, умершего царевича Алексея. Рядом с ним был поставлен патриарх Никон, вторая жертва боярской злобы и ненависти. От лица этих гонимых особ Разин звал народ искоренять «всех бояр, думных людей, воевод и приказных людей, потому что они все изменники и народные мучители, а как царевич воцарится вместо безвольного отца, то будет всем воля и равенство»¹.

Любопытно, что, призывая вступить за гонимого Никона, агенты Разина возбуждали раскольников «нико-нианскую ересь» и звали их против общего врага. Исследователи считают за большую политическую ошибку Разина, что он вмешал в агитацию непопулярное имя Никона; но, думается, упрек напрасен: в это время раскол еще не распространился, как активное явление, в области Дона и Волги настолько, чтобы имя Никона могло отвлечь индифферентные в вопросах веры народные массы²: а, с другой стороны, призывы Разина не объявлялись во всеулышание и распространялись только в той среде, для которой данные лозунги были наиболее выразительными.

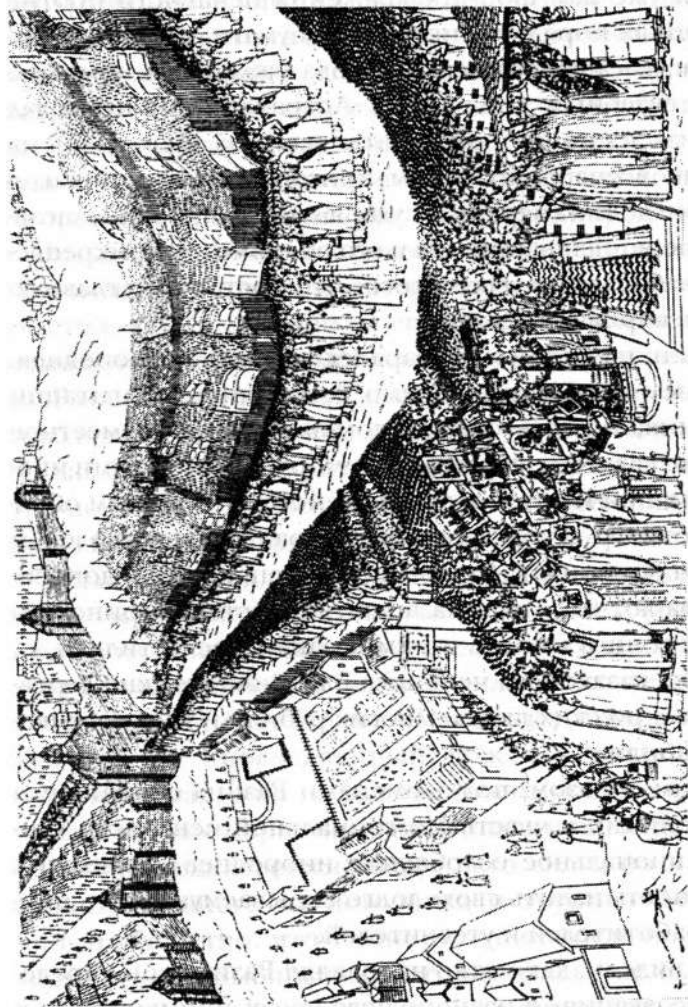
Объявляя бояр, думных, приказных людей и воевод главными изменниками и мучителями народа, Разин в своем кругу, в Царицыне, звал сторонников «вверх по Волге под государевы города воевод из городов выводить и к Москве идти против бояр»³.

В рассылаемых по уездам и чрез агентов грамотах Разин обращался к крестьянам и ко всяким людям с требованием истреблять всех владельцев-помещиков и вотчинников, потому что они все изменники и народные мучители: причем казаки и народ вешали дворян и

¹ Костомаров, *op. cit.*, стр. 312–13.

² С этим согласны, кажется, сами исследователи раскола. См. Дружинин. «Раскол на Дону», стр. 90.

³ Матер., 15 стр.

*Встреча Михаила Федоровича и инокини Марфы за земляным городом.
Из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича»*

приказчиков разных вотчин и поместий¹. Возбуждая чувства социальной ненависти у закрепощаемых слоев против крепостников и их агентов, Разин прибегал к известной уже нам форме выражения ненависти против крепостных порядков, истребляя бумаги, по всей вероятности, касавшиеся всякого рода кабальных, крепостных и судебных дел. Так, в Астрахани он приказал вытащить из приказной палаты все дела и сжечь их на площади всенародно, а сам приговаривал: «вот так я сожгу все дела на верху у государя». Дела, конечно, касавшиеся переписи населения и его обложения, прикрепления и кабал,— т. е. всего того, что составляло главную тяжесть народной жизни.

Разин, по-видимому, старался поднять и инородцев. У нас нет документов, прямо говорящих об агитации среди них, но есть факты, показывающие совместное действие казаков с черемисами, мордвою и другими инородцами; причем и те и другие действуют главным образом против русского уездного мира, грабя жителей и убивая начальников. Ядринские жилецкие люди доносили государю, что, «видя казацкое воровство, Ядринского уезда черемиса многие к ним казакам прельстились, и, увидев их казаков, та черемиса разорили русские деревни и нас... русских людей многих рубили и всякую животину грабили»².

Таким образом, под знаменами Разина с казацкими побуждениями и чувствами социальной ненависти слилось национальное озлобление инородцев, увидевших возможность излить свою долго скрываемую месть против поработителей и угнетителей.

Мы видели, как метко направлял Разин свои «прелестные воззвания» в разнородную среду, примкнувшую к

¹ Матер., 21 и 81 стр.

² Матер., 148 стр.

руководимому им движению. Это разнообразие агитационных лозунгов и целые мешки «прелестных писем», развозимых по градам и весям восточной, южной и даже центральной России¹, заставляют нас думать, что или Разин был талантливый агитатор, или у него были самостоятельные помощники, которые за свой риск и страх и обращались к разным слоям населения с наиболее возбуждающими данную среду воззваниями во имя того вождя, имя которого само по себе стало символом восстания. Скорее можно допустить последнее ввиду противоречия в самых агитационных воззваниях, ввиду сложности затронутых восстанием интересов, а — главное — ввиду участия в возбуждении крепостного населения таких помощников Разина, как Васька Ус, прославившийся еще до Разина организацией шаек из беглых крестьян, истреблявших помещиков, и других видных агитаторов. Но как бы то ни было, агитация была направлена на готовую почву, если мы вспомним взаимоотношение разных слоев населения пред «Разиновщиной».

Агитация, поддержанная успешным занятием Царицына, Астрахани, Саратова, Самары и др. городов, вызвала восстание почти всего крепостного и инородческого Поволжья, и бунт уже находил себе сочувственные отклики на юге (в Чугуеве, Белгороде) и даже в самой Москве, но прославленный вождь в решительный момент оказался не на высоте своего положения, — не только не сумел организовать в планомерное движение стихийно поднявшиеся вокруг него силы, но и не мог оценить главного их источника и трусливо бежал на Дон. Любопытно, что Разин отступил после первой же неудачи под Симбирском, которая далеко не была, как принято думать, разгромом его наличных сил в момент сражения. В жарком бою под Симбирском, продолжав-

¹ Матер., 12, 16, 180, 200, 233 и 263 стр.

шемся целый день, Стенька был ранен, и к ночи только отступил в башню. Разинцы за этот день потеряли только 4 пушки, знамена, литавры и сто двадцать пленников; убитых было с обеих сторон не менее. Что победа кн. Барятинского над Разиным была далеко не решительная, видно из того, что Барятинский не осмелился преследовать Стеньку и ограничился скромною задачей — выручить гарнизон Симбирска, что ему и удалось. На третий день (3 сентября) Стенька даже приступил к штурму города. Зашедший в тыл осаждающим полк Андрея Чабурова, не решаясь напасть, издавал только громкие возгласы. И Стенька, не осведомившись даже о количестве нападавших и не увидев пороха и сабли, решил бежать с своими донцами, оставив в качестве громоотвода построенных в боевой порядок крестьян и инородцев. Наутро, когда союзники Разина заметили вероломное бегство вождя и его казаков, они в беспорядке бросились к Волге, чтобы захватить оставленные суда. Барятинскому оставалось хватать и вешать тех, кто не успевал утонуть в Волге. И после этого еще говорят о разгроме кн. Юр. Барятинским сил Разина. Это был «разгром» популярности Разина, как лица: пред ним теперь закрывали ворота занятые им раньше города; его теперь могли безбоязненно схватить «старые прямые казаки» на Дону, потому что были разгромлены его ближайшие помощники — казаки и перешедшие на его сторону стрельцы низовых городов; но при большем присутствии духа Разин обошелся бы и без их поддержки, так как вызванные его движением потенциальные силы возмущения даже после бесславного бегства Разина разрастались в пожар, охвативший громадный район современной Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Самарской, Саратовской и др. губерний. Горсть казаков, не последовавшая за своим робким атаманом, рассеявшись по уездам и городам, возмущала кре-

стьян, занимала крепости и города, истребляла воевод и служилых людей одним именем Разина и слухом об его появлении в окрестностях, об его мнимом распоряжении сдать. И Разин народного воображения продолжал свое страшное дело, в то время, когда настоящий Разин, растерявшийся пред стихийным движением, бежал в узкий круг своих казацких городков, где сторонники его были подавлены призраком неудачи, а враги, лишённые подвоза съестных припасов с верха и расчётом на подачки от великого государя, без боя поймали «знаменитого» атамана и выдали его на казнь правительству. Существует мнение, что неудача Разина объясняется тем, что его казацким шайкам и крестьянским ополчениям не под силу было сражаться с государевыми войсками, состоявшими из рейтар, драгун и других солдат, обученных регулярному и огненному бою. Мнение на наш взгляд ошибочное, и вот почему: во-первых, победа над Разиным под Симбирском едва ли может считаться торжеством «войска» Барятинского над «шайками» и «ополчениями» Разина: она скорее плод странной растерянности Разина и трусости его казацкого войска. Во-вторых, регулярных московских войск было в Поволжье так мало, что их едва хватало для подавления восстания отдельных городков и деревень, которые опять бунтовали вслед за уходом экзекуционных отрядов в другое место. Начальные лица прямо заявляли, что «шатость» в их уездах и городах объясняется отсутствием гарнизонов, а «стрельцы и люди не надёжны». Не опасны были для «Разиновщины» силы правительства ещё и потому, что между воеводами шла обычная распря, мешавшая единству действия, и энергия воевод рассеивалась больше на доносы и отписки в Москву, чем на выработку общего плана действий. Не утрашали взбунтовавшееся население и невероятно многочисленные и жестокие казни без суда и следствия. Не успевали остыть трупы казнённых,

как их единомышленники вновь поднимались именем того, кто был уже бессилен, как активный вождь.

«Разиновщина» была задавлена не силою московского правительства и не стотысячной гекатомбой повешенных, четвергованных, сожженных и т. д., а тем, что в самый разгар восстания сломалось хрупкое древко знамени, которое объединило разнородные элементы населения в общем движении против тяжелого гнета московского режима. Не по Стеньке-казаче оказалась та шапка, которая принадлежала идеальному Разину, как исторической проекции массовых переживаний народа, как центру, сосредоточившему в себе те сложные движения, на которые распадался поток народного недовольства. Этот Разин не был побежден и четвергован: он остался жив в народном воображении и его любимых песнях; он явился через сто лет в лице Пугачева.

В. Уланов

ПАТРИАРХ НИКОН И ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

На патриарха Никона наши исследователи до сих пор смотрят только как на церковного реформатора, который произвел у нас исправление церковно-богослужбных книг, церковных чинов и обрядов по греческим, ради чего у нас и появился раскол старообрядства. Эта сторона деятельности Никона обыкновенно и привлекает все внимание наших исследователей. А между тем в деятельности патриарха Никона есть и еще одна в высшей степени важная и характерная сторона, касавшаяся вопроса об отношении церкви к государству. Решение этого вопроса Никон считал главнейшею и существеннейшею задачею своего патриаршества и употреблял все усилия порешить его так, как считал это более правильным и согласным с интересами церкви. Эту характерную сторону в деятельности Никона я постараюсь осветить в настоящей статье.

Патриарх Никон

Когда в Москве возникла и окончательно укрепилась власть великого князя, как главы всей тогдашней Руси, тогда и кафедра русского митрополита, назначаемого константинопольским патриархом, перенесена была в Москву, и русский митрополит стал называться московским и всея Руси. Московские великие князья скоро достигли того, что митрополиты стали избираться из русских, ставиться

в Москве собором русских иерархов, совершенно независимо от константинопольского патриарха. Митрополит теперь избирался из подданных великого князя, избирался по желанию и указанию последнего и, став митрополитом всея Руси, по-прежнему оставался подданным великого князя, всегда и во всем зависящим от него. Если бы так избираемый и поставляемый митрополит стал в чем-либо противиться воле и хотению великого князя, а потом царя московского, последний всегда мог заменить его более угодным ему лицом. Собор русских иерархов, подданных московского государя и поставляемых под его воздействием, или по его прямому указанию, всегда готов был исполнить волю и желание великого государя. Благодаря указанным обстоятельствам московские митрополиты превратились в покорных и нередко раболепных слуг — «потаковников», как их тогда называли, московского государя, потеряв всякую самостоятельность и независимость перед окрепшею властью светского великого государя.

Учреждение в Москве патриаршества, превратившего московского митрополита в патриарха, несколько не

изменило существовавших ранее отношений между светскою и духовною властью в Москве. Московские патриархи точно так же, как ранее митрополиты, избирались у нас и низвергались светскою властью, которая, преследуя свои цели и виды, распоряжалась патриаршею кафедрою по своему усмотрению и произволу, никогда не встречая себе в этом какого-либо противодействия ни со стороны собора русских иерархов, ни тем более со стороны народа. Что же касается самого патриарха, то он решительно не имел в своем распоряжении никаких средств, чтобы хотя сколько-нибудь оградить себя от произвола и насилий светской власти. Первый московский патриарх был избран и поставлен царем Федором вместе с Годуновым. Когда умер Борис Годунов, а его сын был убит, то сейчас же насильственно низвергается с патриаршего престола и ставленник Годунова — Иов. Лжедмитрий, вместе с своими сторонниками, ставит патриархом, вместо низверженного Иова, греческого митрополита Игнатия. Шуйский, низвергнув Лжедмитрия, сейчас же низвергает и его ставленника — патриарха Игнатия, и ставит патриархом своего избранника Гермогена. Шуйский низвергается с престола, и на его место избирается польский королевич Владислав. Тогда патриарх Гермоген низводится с патриаршего престола и умирает насильственною смертью, а на его место патриархом опять делается низложенный ранее Игнатий. Но Игнатий чрез несколько месяцев бежал в Литву, и патриаршая кафедра в течение нескольких лет остается незанятою, пока не возвратился из плена отец нового государя, Филарет Никитич, который и стал патриархом московским.

Московский патриарх, во всем и всегда зависимый от царя, обязанный ему всегдашним подчинением и повиновением, не был свободен и самостоятелен даже в управлении своею собственною патриаршею областью,

так как, наравне с другими епархиальными архиереями, находился и в своем епархиальном управлении под постоянным бдительным контролем светской власти.

В Древней Руси архиерейский дом и все архиерейское управление были устроены по образцу княжеского двора и управления. У архиерея был многочисленный класс светских служилых людей, которые жили при архиерейском доме, имели в своем пользовании архиерейские земли и несли за это при архиерее разные службы: были органами его управления архиерейским двором, архиерейскими землями, крестьянами и самим духовенством, которое по отношению к архиерею было тяглым податным сословием, обязанным вносить в архиерейскую казну определенные подати. Из светских архиерейских служилых людей избирались архиерейские бояре, дьяки, десятильники, тиуны, праветчики и доводчики, приставы или недельщики, дворецкие, волостели, приказчики, стольники, кравчие, конюшие и проч. Самыми важными и влиятельными в архиерейском управлении были: бояре, дворецкие и дьяки. Бояре составляли при архиереях судебное отделение по всем делам, подлежащих архиерейской юрисдикции, не исключая и дел духовных. Когда у великих князей, а потом царей московских, появились особые правительственные учреждения, называемые приказами, то, по их образцу, патриарх Филарет Никитич устроил такие же приказы и в патриаршем управлении, и в управлении всех епархиальных архиереев. С этого времени все епархиальные судебные и административные дела патриаршей области ведались в особом патриаршем приказе, называемом «Разряд», который всецело находился в ведении патриаршего боярина. Вслед за боярами особенно видное и важное значение в архиерейском управлении имели дворецкие. На обязанности дворцового лежало заведование всем архиерейским домом в

хозяйственном отношении, управление всеми архиерейскими землями и имениями, как теми, которые находились в непосредственном ведении архиерея и его так называемых домовых монастырей, так и теми, которые отдавались в пожизненное владение различным служилым лицам при архиерее. Дворецкий же судил всех лиц, живших на архиерейских землях. После бояр и дворецких особенно важное значение в архиерейском управлении имели дьяки, люди совершенно необходимые во всяком деле, требующем знания законов, старины, письменного канцелярского искусства, без подписи которых ни одна бумага не могла получить официального характера, и без деятельного, а часто и руководящего участия которых не делалось ни одно сколько-нибудь важное дело.

Архиерейские бояре, дворецкие и дьяки держали в своих руках все архиерейское управление, так как к ним нередко поступали на рассмотрение и собственно духовные дела. Высшее светское правительство прекрасно понимало то важное значение, какое указанные чиновники имели во всем епархиальном архиерейском управлении, а потому оно постаралось этих важных и влиятельных архиерейских чиновников поставить в прямую зависимость от себя, чтобы чрез них подчинить своему влиянию и контролю все епархиальное архиерейское управление. Стоглавый собор постановил, что архиереи сами — единолично, без согласия и одобрения царя, не могут назначать своих бояр, дворецких и дьяков, и что в случае неимения архиереем лиц, способных занять эти должности, царь назначает их из своих чиновников. Точно так же, без согласия и воли царя, архиереи не имеют права увольнять по своему усмотрению назначаемых к ним царем чиновников от занимаемых ими должностей. По словам Флетчера, эти архиерейские чиновники обязаны были давать отчет в своем управлении не епископу,

а государю, так что в лице этих назначаемых царем архиерейских чиновников при каждом древнерусском архиерее постоянно находилось три маленьких нынешних обер-прокурора, при существовании которых не могло быть и речи о какой-либо действительной самостоятельности архиереев в их епархиальном управлении.

Наши церковные древнерусские соборы, нормировавшие весь строй и все течение нашей церковной жизни, во всем безусловно зависели от государей. Инициатором всех соборов XVI и XXII столетий всегда был царь, без его воли и согласия они не могли состояться. Царь назначал всех лиц, которые должны были участвовать в соборных заседаниях — без его особого приглашения ни один архиерей не смел явиться на собор. Царь наперед подготовлял все материалы, которые должны были быть предметом соборных обсуждений и решений, причем он внимательно следил за всею деятельностью собора и давал ей то или другое направление, соответственно своим видам и намерениям. Царь, по своим видам и целям, исправлял и даже видоизменял соборные решения и иногда передавал их на рассмотрение и окончательное утверждение Боярской думы. Всякое постановление церковного собора, чтобы получить силу обязательного закона, нуждалось в утверждении царя, который всегда мог не признать состоявшихся постановлений церковного собора, и они тогда уже не имели никакого практического значения. Словом, наши церковные московские соборы XVI и XVII столетий были только простыми совещательными учреждениями при особе государя, они были только органами царского законодательства по делам церковным. Единственным источником всякого закона, как государственного, так и церковного, был у нас царь, который государственные законы издавал, «поговоря» с своими боярами, т. е. с Боярскою думою, церковные законы издавал, «посовето-

вавшись» с своими царскими богомольцами: патриархом, архиереями, архимандритами, игуменами и со всем Освященным собором. Различие между Боярскою думою и Освященным собором заключалось, собственно, в том, что Боярская дума была постоянным, непрерывно действующим при государе учреждением, тогда как церковные соборы созывались только на время, для обсуждения и решения вопросов вновь возникавших и чрезвычайных, обычное же течение церковных дел регулировалось обычною патриаршею и архиерейскою епархиальною властью.

Таким образом, все церковное управление на Руси в XVI и XVII столетиях находилось под постоянным, очень бдительным и действительным контролем государственной власти, так как избирал и назначал и патриарха, и всех епархиальных архиереев государь: он, через назначаемых к ним архиерейских бояр, дворецких и дьяков, наблюдал за всею их иераршею деятельностью, и в любой момент мог оказать на нее то или другое давление, чтобы направить ее согласно со своими видами и целями. О какой-либо самостоятельности и независимости в Древней Руси патриаршего и просто архиерейского епархиального управления от светской государственной власти не может быть и речи, все зависело от одного государя, который в действительности управлял не только государством, но и самою Церковью через своих высших духовных сановников-архиереев.

Указанное отношение светской власти к духовной Никон находил совершенно неправильным и ненормальным и решился, когда сделался патриархом, коренным образом изменить его.

Главною задачею своего патриаршества Никон поставил реформировать указанные исторически сложившиеся у нас отношения светской государственной власти к духовной в том смысле, чтобы в лице патриар-

ха освободить духовную власть от всецелого подчинения ее власти светской, поставить власть патриарха во всех церковных делах и управлении независимо от царской власти, а во всех делах государственно-общественных устроить патриарху право иметь над ними высший духовный контроль, чтобы они совершались согласно Слову Божию, правилам св. апостолов и св. отцов, вселенских и поместных соборов и законам древних благочестивых греческих царей. Именно поэтому Никон, при своем избрании в патриархи, торжественно потребовал, чтобы царь, бояре и весь народ дали ему публичную клятву, что они будут соблюдать все заповеди Божии, все церковные правила и законы, и по всем делам веры и церкви будут слушать его, Никона, «яко начальника и пастыря и отца краснейшего».

Исходною точкою для выступления Никона в качестве горячего и энергичного сторонника возвышения духовной власти в государстве, в видах ее полной самостоятельности и независимости от власти светской-государственной, служил особый взгляд, какой Никон имел на царя и патриарха в их взаимных отношениях. Этот взгляд Никона изложен, во всеобщее сведение, в напечатанном по его благословию предисловии к служебнику 1655 г. В нем заявляется, что Бог даровал России «два великие дара» — царя и патриарха, которыми все строится как в церкви, так и в государстве. Ввиду этого все православные русские торжественно приглашаются «восхвалити и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людем своим сию премудрую двоицу: великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха, иже... праведно и подобно преданные им грады украшают, к сим суд праведен... храняще, всем всюду сущим под ними тоже творити повелеша... Да даст же им, государем, по пророку, желание сердец их... яко да под единым их государским по-

велением вси, повсюду православнии народи живуще, утешительными песнями славити имут воздвигшего их истинного Бога нашего».

Никон, сделавшись патриархом, быстро достиг своей заветной цели. Пользуясь особым исключительным доверием молодого государя и своим огромным влиянием на него, он сделался совершенно независимым от царя господином всего церковного управления, в которое царь уже не вмешивался. Но этого мало. Царь сделал Никона, рядом с собой, великим государем, и великий государь-патриарх стал теперь принимать активное участие в государственных делах наравне с настоящим государем, и даже иногда, как замечали некоторые, стал заслонять собою настоящего государя. Во время почти двухлетнего отсутствия Алексея Михайловича в войну с поляками, Никон, в качестве великого государя, один управлял всеми государственными делами, причем знатнейшие бояре, ведавшие различные государственные приказы, должны были ежедневно являться к нему с своими докладами. Нередко Никон заставлял бояр долго ждать своего приема на крыльце, хотя бы в это время был сильный холод, и затем, приняв их, выслушивал доклады стоя, не сажая докладчиков, которые должны были делать ему земной поклон. У Никона совсем закружилась голова. Он стал думать, что дарованная ему царем исключительная власть и положение в государстве принадлежат ему по праву, что светская власть так именно и обязана относиться к власти духовной, как высшей ее по своему существу и происхождению. Никон не понимал, что его особое положение, как великого государя, не имеет под собой никакой другой реальной почвы, кроме увлечения и просто каприза молодого царя, что он в этом случае не более как случайный временщик и что с изменением его личных отношений к царю неизбежно должно измениться и его государственно-общест-

венное положение, а окончательный разрыв с царем неминуемо должен был повести Никона к окончательному падению. Такой разрыв с царем, действительно, произошел, и Никон, этот великий государь, сразу пал, как и всякий обыкновенный временщик.

Будучи великим государем, Никон пользовался своим исключительным положением только фактически, считал его только своим личным делом, только принадлежащим лично ему, Никону, вовсе не думая и не заботясь придать ему характер законности и обязательности, с тем чтобы свои исключительные права и положение передать своему преемнику, как право, принадлежащее всякому патриарху, по самому существу и природе патриаршества. Но когда Никон по неудовольствию на царя неожиданно оставил свой патриарший престол, а царь не обнаруживал никакого желания снова призвать Никона на патриаршество, тогда он, как человек очень честолюбивый, увлекающийся и неуступчивый в своих домогательствах, решил, и после оставления им патриаршей кафедры, бороться с царем и всем доказать, что высокое исключительное положение в государстве его, Никона, не было следствием милости или каприза царя, а принадлежало ему по праву, как главе церкви, как верховному представителю духовной власти, которая по самому своему существу и происхождению во всех отношениях выше власти светской.

Свои воззрения на отношение царства и священства Никон очень откровенно и определенно выразил в своем обширном сочинении под заглавием: «Возражение или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисе Лигаридиусу и на ответы Паисеовы».

В этом сочинении Никон доказывает прежде всего ту общую мысль, «яко священство и самого царства чест-

нейший и большие есть начальства», так как, заявляет он, «аще бо и честен вам престол царский является от приложенных ему камней и обдержаша и злата, должен есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получил есть строителствовати, и множае сия власти не имать ничтоже». Другое дело священство: «его престол на небеси посажден есть», и кого священство свяжет на земле, тот будет связан и на небе. «Сего ради, — утверждает Никон, — и царие помазуются от священническую руку, а не священники от царствия руки, и самую царскую главу под священников руце принося полагает Бог, наказуя нас, яко сей она больши есть властник, меньшее бо от большого благословляется». Никон заявляет: «Господь Бог всесильный, егда небо и землю сотворил, тогда два светила — солнце и месяц на нем (небе) ходяще, на земли святити повеле: солнце нам показа власть архиерейскую, месяц же показа власть царскую, ибо солнце вьщи светит во дни, яко архиерей душам, меньшее же светило в нощи, еже есть телу». Ссылаясь на разные библейские примеры, Никон обращается к Паисию Лигариду с вопросом: «како убо глаголеши, совопрониче, яко царь вручи Никону досматривать всяких судеб церковных? не виде в вышеописанных, яко не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются, тем же явлено есть множество, яко священство царства преболее есть». Никон подробно говорит об учреждении ветхозаветного и новозаветного священства, о распространении по разным странам христианства, вместе с которым повсюду распространялась и церковная иерархия, рассказывает, как она возникла и распространилась на Руси, и из всего сказанного делает такое заключение: «что священство не от человек, ни человеком, но от Самого Бога и — нынешнее, а не от царей, но паче от священства царство преизыде и ныне есть. Священство всюду пречестнейше есть царства, якоже

выше на знаменах от божественного писания, и ныне паки речем: царство, аще и от Бога дадеса в мире, но во гневе Божии, и се чрез священство помазуется чувственным елеем, священство же помазание Св. Духом непосредственны. Власть священства толико гражданские лучши есть, елико земли небо, паче же и много вящше... Яко же капля дождя от великия тучи — то есть земля от небеси мирится, тако и царство уменьшится от священства». С сильным негодованием Никон спрашивает: «да почто сам царь поповы руки целует, которые нами посвящены и, ко благословению приходя, и сам главу свою преклоняет? И мы тому чудимся: почто царь архиереом и ереом нудит руки своя целовать, не суть архиерей, ни иерей?» С гневом и угрозой, обращаясь к царю, Никон пишет: «аще и ему, государю, за премногую его гордость, мнится священство менши царства, познает тогда различие царства и священства, егда познани будем от нелицемерного судии — Христа и Бога нашего». О себе, как патриархе, Никон пишет: «патриарх есть образ жив Христов и одушевлен, делесы и словесы в себе живописуя истину». В другой раз Никон говорит: «первый архиерей (т. е. патриарх) во образ Христов, а митрополиты и архиепископы и епископы в образе учеников и апостолов». В виду всего этого Никон пишет государю: «молим твое благородие на нас, богомольцев, не послушати клеветы от лихих человек, и не прикасатися нам, помазанникам Божиим, судом и управою чрез каноны».

Таким образом, Никон употреблял все усилия доказать, что то необыкновенно высокое положение, какое он, будучи патриархом, занимал относительно светской власти, вовсе не было случайным, зависящим от того или другого расположения к нему царя, но что оно принадлежало ему, как главе церкви, по праву, так как священство выше царства, и притом настолько, насколько небо выше земли. Священство — это душа, царство — те-

ло. Как душа есть высшее в жизни человека начало, руководящее и регулирующее жизнь тела, так духовная власть, как высшее начало, должна руководить светскою властью, которая, как низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всем сообразоваться с ее требованиями и указаниями, — законы и правила церкви, по самому своему происхождению, святы, непогрешимы, и потому они всегда должны быть незыблемою, уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Значит, всякая попытка светской власти подчинить себе духовную, поставить ее в полную зависимость от себя, а тем более воздействовать на нее, в своих мирских интересах, видах и целях, принудительным образом, есть явление не просто незаконное, но прямо преступное, за которое светская власть должна подвергнуться тяжкой ответственности.

Высказанные Никоном воззрения на отношения между светскою властью и духовной были так новы и необычны для русских, так сильно расходились с тем, что давала и завещала им и византийская и своя история, так далеки были от исторически сложившихся воззрений на нашу высшую духовную иерархию, что никак, по-видимому, не могли рассчитывать на какое-либо сочувствие с чьей бы то ни было стороны в среде всего русского народа. Но в действительности у нас нашлись горячие поборники воззрений Никона, что священство выше царства. Такими горячими поборниками воззрений Никона на отношение царства и священства оказались все тогдашние русские архиереи. Правда, тогдашние архиереи считали Никона своим поработителем, всячески желали и добивались его окончательного низвержения, но зато относительно высказанных Никоном воззрений на отношение царства и священства они решительно стали на его сторону, и даже торжественно и официально отважились выразить и защищать это на соборе 1667 г., на

котором председательствовали два приехавших в Москву восточных патриарха — Паисий александрийский и Макарий антиохийский.

За это дело взялись, главным образом, два русских архиерея, выдававшихся своим умом, относительною образованностью, своим нерасположением лично к Никону и в то же время горячим сочувствием к его церковной реформе и к его воззрениям на отношение царства и священства. Эти два архиерея были: Павел, митрополит крутицкий, тогдашний местоблюститель патриаршего престола, и Иларион, архиепископ рязанский, за которыми последовали и все другие русские архиереи.

Действительно, на соборе 1667 г., в течение нескольких заседаний происходили очень горячие прения о власти царской и патриаршей, причем русские архиереи употребляли все усилия доказать на основании по преимуществу свидетельств из отцов церкви, что священство выше царства. Они дружно и решительно заявляли, что Златоуст и другие святые отцы «яснее солнца утверждают, что степень священства выше степени царской». Напротив, присутствовавшие на соборе греческие иерархи явились энергичными защитниками царской власти, они всячески стремились доказать, что царство выше священства, «что те никонствуют и паиствуют, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство». Ввиду упорства русских архиереев присутствовавшие в Москве восточные патриархи удалили с соборных заседаний и даже на время запретили священнодействовать крутицкому митрополиту Павлу и рязанскому архиепископу Илариону, причем Павел отстранен был от местоблюстительства патриаршего престола, и на его место местоблюстителем патриаршего престола назначен был проживавший в Москве сербский митрополит Феодосий. Тогда, рассказывает Паи-

сий Лигарид, иерархи Павел и Иларион, желая оправдать свое поведение перед патриархами, явились к ним ночью и говорили, что «Златоустый еще сказал: священство выше царской власти». В подкрепление себе приводили и тот древний обычай, издревле употреблявшийся при хиротонии архиерейской, что хиротонисуемый архиерей становится ногами на двуглавого орла — римский знак самодержавной власти. Приводили и то, что неприлично и даже преступно архиереям целовать десную руку царя... Вы, продолжали говорить архиереи патриархам, вы, находясь под насильственным владычеством христоненавистных агарян, за свое терпение и страдание, несомненно, имеете получить награду и венец от праведного мздовоздаятеля и венценосца Спасителя. А мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся в самых недрах христианства, терпим великую нужду в своих епархиях и всякие затруднения, и хотя много тяжкого поневоле переносим терпеливо от властей (светских), но страшимся еще худшего впереди, когда утверждено будет, что государство выше церкви, хотя и не имеем в уме той мысли, чтобы пришлось нам терпеть такие несправедливости и оскорбления в благополучное царствование благохранимого и добропобедного царя нашего, государя Алексея Михайловича, боимся за будущее, опасаемся, чтобы последующие государи, не зная смысла патриаршего постановления, не погрешили, следуя просто букве, которая часто убивает».

Так как обе стороны на соборе — русская и греческая, расходились между собой в решении вопроса об от-

*Патриарх Никон
в облачении.*

(Из альбома Мейерберга)

ношении власти царской и патриаршей, то собор после горячих прений, продолжавшихся несколько заседаний, счел за лучшее избрать средний, примиренческий путь. Патриархи, в конце концов, заявили: «да будет признано заключение, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — в церковных, дабы таким образом сохранить целою и непоколебимою вовек стройность церковного учреждения. Все воскликнули: «сие есть мнение богоносных отец! Так мыслим все! Да живет на многие лета добропобедный и непобедимый наш царь! Да продлится на многие лета и ваша жизнь и благоденствие, святейший и блаженнейший!»¹

Так был решен собором 1667 г. вопрос об отношении власти царской и патриаршей,— вопрос, только в этот единственный раз официально возникавший у нас в течение всей нашей истории и единственный раз публично обсуждавшийся на соборе. Но решение собора и самые соборные рассуждения по этому вопросу не вошли, однако, в соборные официальные деяния, не были закреплены подписями присутствовавших на соборе, а потому и не получили официального и практического значения.

Русские свободолюбивые архиереи могли думать, что на соборе 1667 г. они достигли очень важных для себя результатов: церковная власть, в своей специально церковной сфере, были признана собором совершенно самостоятельной и независимой во всей своей деятельности от светской государственной власти, вмешательство которой в общецерковные и частнопатриархальные дела собором признано было незаконным. Так, действи-

¹ Подробно воззрения Никона на отношения царской и патриаршей власти и прения на соборе 1667 г. по этому вопросу изложены в моей книге: «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», т. 2-й, гл. III, IV и V.

тельно, и представляли себе дело некоторые русские архиереи после собора 1667 г. Чудовский архимандрит Иоаким, поставленный новгородским митрополитом, в своем поучении к пастве, в 1672 г., требует от нее, чтобы она во всем покорно подчинялась существующим властям, причем он рассуждает: «но убо власть есть сугуба: ова гражданская, ова же церковная. И внешний убо начальник грешащия емлет, вяжет, мучит и главосечет: разбойники тати, прелюбодеи; духовный же начальник многим вящий его: грешащего бо словом наказания лучша творить, не главу, но недуг отсекает, изгоняет и от таин и от церковных оград, и оставив его и от злобы свободив и душу от скверны омыв и лучша бывша покаянием нова из ветха человека соделовает. И елико разнствует тело души, толико и паче много вящше разнство и расстояние внешния власти и церковныя. Кто же власть церковная? Суть богопоставленнии архиереи и ереи, иже немощные врачуют, иже мраком сует мира сего ослепшие, зарями богодухновенных словес просвещают... Сию и сицевую власть имущим, долженствуют подвластнии со всяким смирением и покорением подчинятися»...

Конечно, русские архиереи, после Никона и состоявшихся на соборе 1667 г. постановлений об отношении власти светской и духовной, могли мечтать, что они — архиереи, с патриархом во главе — сделались теперь, по крайней мере в церковной сфере, вполне автономными правителями, совершенно независимыми от светской государственной власти, могли утешаться такими приятными для их самолюбия заявлениями, что «духовный начальник много вящий светского», что «елико разнствует тело души, или, елико отстоит небо от земли, толико и паче много вящше разнство и расстояние внешния власти и церковныя», что «церковную власть имущим, долженствуют подвластнии со

всяким смирением и покорением подчиняться». В действительности же все это оказалось одними мечтами, только красивыми словами, а не делом. Фактически и по существу положение дела в этом отношении и после собора 1667 г. осталось прежнее, по-прежнему патриарх и все архиереи находились в полной безусловной зависимости от царской власти. Царь Алексей Михайлович, после оставления Никоном патриаршей кафедры, управлявший всею русскою церковью почти десять лет, так как нового патриарха он не считал пока удобным избирать, спокойно мог бы и совсем прекратить у нас существование патриаршества, — никаких серьезных препятствий к этому он ниоткуда бы не встретил. И если он решил, наконец, на место Никона поставить в патриархии старого, болезненного и совершенно безличного Иосафа, то единственно потому, что Алексей Михайлович хотел быть царем по примеру древних благочестивых греческих царей, рядом с которыми всегда обязательно был и патриарх. Но не так смотрел на дело его сын — император Петр I.

Петр Великий, несомненно, хорошо знал историю Никона, в которой так резко сказались столкновение царской власти с патриаршей, знал, за какую из борющихся сторон стояли тогда все русские архиереи. Он, вопреки своему отцу, не считал старую Византию за образец для себя и не считал необходимым существование патриаршества для полноты русского православного царства, а потому решил окончательно уничтожить у нас патриаршество.

Император Петр I смотрел на патриаршество, как на очень вредное и даже опасное для государства. Этот свой взгляд на патриаршество он выразил в Духовном Регламенте, где, между прочим, говорится, по поводу учреждения, вместо уничтоженного патриаршества, Духовного Коллегиума: «велико и сие, что от соборного

правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной, но, великого высочайшего пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть-то второй государь, самодержцу равносильный, или больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл. Что же егда еще и плевельные властолюбивых и духовных разговоры приложатся и сухому хврастию огонь подложат? Тако простые сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего, яко на верховного пастыря в коем-либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно, согласуют, и за него поборствовати и бунтовати дерзают... Что же когда и сам пастырь, таковым о себе надмен мнением, спать не похощет, изрещи трудно, великое всюду бедствие бывает! И не вымыслы то дал бы Бог, чтоб о сем домышлятися только можно было, но самою вещью не единожды во многих государствах сие показалось, вникнуть только в историю константинопольскую, нижеа Иустиниановых времен, и много того покажется. Да и папа не иным способом толико превозмог, не точию государство римское полно пресече и себе великую часть похити, но и иные государства едва не до крайнего разорения не единожды потрясе. Да не вспомянутся подобные и у нас бывшие замахы». Далее Духовный Регламент говорит, что «единый самовластный пастырь», т. е. патриарх, в случае проступка, может не захотеть «от подручных себе епископов судитися», и принудить его к этому очень трудно, ввиду людской молвы. «От чего деется, — говорит Регламент, — что на злого такового единовластителя нужда есть созывати собор селенский, что и с великого всего отечества

трудностию и с немалым иждивением бывает, и в нынешние времена (когда восточные патриархи под игом турским живут, и турки нашего государства вящше нежели прежде опасаются) отнюдь, мнится, быти невозможно».

В Духовном Регламенте находятся и очень характерные суждения о рядовых архиереях вообще. В нем говорится: «ведал бы всяк епископ меру чести своея, и не высоко бы о ней мыслил, и дело убо великое, но честь ни каковая». Говоря затем, что епископы только орудия спасающей благодати Божией, Духовный Регламент замечает: «се же того ради предлагается, чтоб укротити оную вельми жестокою епископов славу... честь (епископов) умеренная есть, а лишняя и, почитай, равно царская, — да не будет».

Учреждая, вместо уничтоженного патриаршества, Духовный Коллегиум (превратившийся потом в Святейший Правительствующий Синод), Духовный Регламент узаконяет, чтобы члены Духовного Коллегиума назначались государем и чтобы каждый из них, пред вступлением в должность, давал нарочно для них составленную присягу, в которой, между прочим, говорилось: «исповедую же с клятвою крайнего Судию Духовных сея Коллегия быти Самого Всероссийского Монарха, Государя нашего Всемилостивейшего».

Очевидно, и после собора 1667 г. никаких существенных и заметных перемен в отношениях светской и духовной власти у нас не произошло, по-прежнему все духовные власти находились в крепких руках светской, должны были во всем ей подчиняться, служить покорным орудием ее целей и видов. Значит, борьба Никона с царем в конце не только не привела к возвышению духовной власти над светскою-государственною, а как раз наоборот: она всюду в государственной сфере возбудила и укрепила сознание, что существование у нас

рядом двух великих государей — светского и духовного, для правильного и здорового государственного и общественного развития, дело решительно вредное и потому вовсе нежелательное, что в интересах государства и общества всегда следует иметь только единого светского великого государя, представители же духовной власти, как бы они ни назывались, должны быть всегда и во всем зависимы от главы государства, во всем и всегда беспрекословно подчиняться ему.

Правда, хотя патриархи Древней Руси и зависели во всем и всецело от светской власти, но все-таки, несмотря на это, их влияние в то время, как верховных представителей церкви, несомненно, было гораздо сильнее и заметнее на всю нашу общественную жизнь, чем в синодальный период влияния Св. Синода. В лице патриархов наша церковь пользовалась со стороны светской власти большим вниманием и почтением, чем это было после учреждения Св. Синода. Но это явление, которое обыкновенно приписывалось только самому факту существования у нас патриаршества, объясняется, однако, совершенно другими обстоятельствами, к которым существование или не существование у нас патриаршества не имело, собственно, никакого прямого отношения. Тут дело, по моему мнению, заключается единственно в следующем: наши государи Московской Руси были, в большинстве случаев, завзятыми, искренними церковниками, воспитывавшимися на неопустительном посещении разных церковных служб, на строгом соблюдении во всем, начиная с своей обыденной обстановки, церковного устава и разных церковных постановлений и требований. Они обучались, как и все тогда, по Псалтыри, прочитывали, в видах своего развития и обогащения знаниями, известный круг церковно-богослужебных и церковно-учительных книг, сборники из св. отцов и учителей церкви, разные жития святых, благочестиво-

назидательные сказания и хронографы, благодаря чему благочестивые московские государи нередко были хорошими начетчиками, знали церковный устав часто не хуже любого архиерея и, в конце концов, как знатоки и любители всего церковного, которое всегда было для них очень близким и дорогим, в высшей степени интересовались всеми даже малейшими подробностями церковной жизни, обязательно вмешиваясь в ее ход и события. Вопросы о хождении посолонь, о сугубой аллилуйи, о церковных звонах, о единогласии или многогласии в церковном пении и т. п., — все это для наших московских государей были настолько живые и затрагивающие их вопросы, что они интересовались ими не менее вопросов чисто государственных и потому принимали в их решении самое горячее и деятельное участие. Словом, церковная жизнь, с ее специальными требованиями и уставами, имела для московских государей доминирующее значение, а потому и высший представитель этой жизни — патриарх, должен был обязательно занимать тогда особое, очень видное и заметное положение при царском дворе, тем более что и все окружающие царя и близкие к нему лица стояли на том же самом уровне понимания и интересов, т. е. все были более или менее церковниками.

Но если прежде царь-церковник постоянно чувствовал нужду иметь около себя близкое ему духовное лицо: духовника ли, патриарха ли, или кого-либо из других выдающихся духовных, чтобы посоветоваться с ним, побеседовать об одинаково интересующих обоих церковных и душевспасительных предметах и т. п., — то со времени императора Петра I обстоятельства резко изменились. Наши цари стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели их московские предшественники, а вследствие этого у них образовался на все иной круг воззрений, иное понимание окружающего, иные вкусы и интересы,

очень далекие от прежних, причем и их прежняя церковность необходимо все более и более отодвигалась на задний план, а вместе с нею отдалялись от царского двора и ее представители, скоро и совсем забывшие прежнюю торную для многих из них дорогу в царский дворец.

Проф. Н. Кантлер

ВЛАСТЬ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ В XVII В.

В яркой полемической литературе и дипломатической переписке XVI в. хорошо отразились сложившаяся уже практика власти московских государей и ее идейно-правовое обоснование. Официальным идеологам этой власти было из чего выбирать эмблемы, регалии и «чин» этой власти вместе с истолкованием их превысшрненного смысла.

«Государи всея Руси» вырабатывали идеи своей власти на преданиях вымершего византийского цезарепапизма и татарского цесаризма, ретроспективно относя ее к эпохе Рюриковичей вплоть до Владимира Св., а чрез Рюрика даже до «Кесаря-Августа», мнимого его предка.

Уже оба Ивана Васильевича постарались забыть период ханских ярлыков и басм и почти в одних и тех же выражениях объявляли себя «Божией милостию государями на своей земле изначала от первых своих праро-

дителей», и «поставление свое» происходящим «от Бога» в качестве Его «ключников и постельников» на земле. Византийский титул «автократор» был усвоен московскими государями, назвавшимися «самодержцами» сейчас же после того, когда они перестали чувствовать себя подручниками татарских ханов и заняли их положение в русской земле.

Но официальные идеологи власти сейчас же подчеркнули превосходство русского самодержавия пред другими подобными ему видами автократии. Русские самодержцы являются таковыми не в отдельных своих представителях, а в отчинном родовом преемстве этого титула и его значения. «Кроме нас да турецкого султана,— писал Грозный,— ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет; а мы от государства господари, начавши от Августа-Кесаря из начала веков, и всем людям это известно».

Этот вотчинно-теократический взгляд на происхождение власти московских государей помогал последним строить свое отношение к подданным на безусловных началах независимости власти.

Не без цели унижить избранного сеймом короля Батория, Иван Грозный в письме к нему именовал себя «дедичем, отчичем и наследником прародительских земель Божиим изволением, а не многмятежного человечества хотением».

Эта зависимость власти от «хотения человечества», в глазах Грозного, унижала власть и заставляла его заносчиво объясняться со многими западными государями. Узнавши о значении английского парламента, Грозный писал королеве Елизавете: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь, а у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». От такого понимания самодер-

жавия (в смысле независимости государя ни от другого властителя, ни от подданных) был один шаг к выводу о самодовлеющем значении высшей власти, и Грозный, не останавливавшийся пред крайними выводами из общепринятых предпосылок, не замедлил заявить, что «государь — государства больше», и воля его выше всяких норм жизни: «государь повелевает хотение свое творити от Бога повинным рабам».

Божественное происхождение, внешняя независимость, внутренняя неограниченность и наследственность власти в одном роде, — вот те теоретические обоснования власти московских государей, которые сложились перед Смутой, отчасти в силу действительного положения вещей; отчасти под влиянием образцов угасшей власти византийского императора и татарского хана, наследником которых в теории, а отчасти в силу завоевания был признан московский государь.

Смутное время внесло глубокие изменения в эти понятия о власти московских государей. Прекращение династии вырвало основной фундамент изложенной теории власти — ее вотчинную наследственность «милостью Божией», так как с прекращением династии сама собою выдвинулась необходимость избрания царя «хотением многоятежного человечества». Практика соборного избрания царей на соборах 1584, 1589, 1613 гг. настолько проникла в сознание русского народа и самой власти, как единственно правильный источник получения этой власти, что даже случаи преемства власти по наследству от отца или брата (1605, 1645, 1682) и не совсем правомерного достижения или лишения ее (1605, 1610 гг.) все же базировались на народном «хотении», хотя бы и фиктивном.

Шуйский в дипломатических переговорах прямо превозносил господство народной воли над вотчинным правом государей. Послы Шуйского в оправдание убий-

ства Лжедмитрия I говорили в Польше: «Хотя б был и прямой прирожденный государь царевич Дмитрий, но если его на государстве не похотели, то ему силою нельзя быть на государстве».

Практика избрания и свержения государей повела за собою и практику их ограничения в пользу подданных, лучше сказать, господствующей группы их в момент избрания. Достаточно здесь напомнить ограничительную запись В. И. Шуйского, договор 4 февр. 1610 г. с Сигизмундом и известное из позднейших сообщений ограничение власти царя Михаила. Как бы ни смотрели на достоверность последнего сообщения, для нас в настоящем случае важен факт распространенности мнения об ограничении царя Михаила в XVII и даже XVIII вв. Если бы даже было с несомненностью доказано, что Михаил Федорович никаких записей на себя не давал и не мог давать, — это обстоятельство только сильнее подчеркнуло бы происшедший после Смуты в сознании русского общества переворот во взгляде на характер власти московских государей.

Вместе с понятиями о вотчинности и неограниченности царской власти заколебалась после Смуты и идея ее божественности и неприкосновенности. Свирепые и развратные дела Грозного вызывали горькие упреки, обличительные речи и подчас откровенную полемику, но ни одного непочтительного, бранного слова, ни одного оскорбительного, угрожающего жеста. Царю смелейшие указывают на затемнение в нем образа Божия, царского и человеческого, но безропотно, как «от Бога повинные рабы», подчинялись «хотению» «Божия ключника и постельника». Не то мы слышим и видим в Смуту и после нее. Годунову дают «поносные» прозвища («лукавый хитролис» «рабо-царь»), Шуйского в глаза ругают «клятвопреступник», «пьяница», «блудник»). Больше того, правителей силою сводят с трона, удаляют из дворца,

отсылают к иноземцам-врагам на явное поругание (В. И. Шуйского), убивают (Федора Годунова и обоих Лжедмитриев).

Это было то самое настроение, которое хорошо охарактеризовала Марфа, мать Михаила, говоря, что Московского государства люди «измалодушествовались», царей не почитают, и, несмотря на клятвенное заявление соборных представителей, что это прошло и русские люди пришли в единомыслие, русские люди долго не могли проникнуться к носителям царской власти прежним благоговением.

Вполне естественно, что при таких условиях одного авторитета царской власти, хотя бы и восстановленной в лице законно избранного государя, волею всей земли, пришедшей «в единомыслие», было недостаточно для водворения расшатанного порядка. Смута не только разрушила авторитет царя, но и разгромила те орудия, средства и силы, которые организовали и которыми располагали последние Рюриковичи на московском престоле. На восстановление их, с громадным напряжением народных сил, была направлена государственная деятельность правительства и соборов всей первой половины XVII в.

Почти непрекращавшиеся в первой половине XVII в. войны, сначала оборонительные, а потом наступательные, напрягали и без того истощенный народный организм до чрезвычайности, и только авторитетная для земли поддержка ее представителей у трона могла мирить тяглое и служилое население с требованиями государственной власти. В этом весь смысл усиленной деятельности соборов первой половины XVII в. Отражая в своем составе, главным образом, средние слои русского общества, которые все более и более выдвигались на первый план реальными условиями русской хозяйственной и социальной жизни того времени, зем-

ские соборы укрепляли власть во имя нужного для них порядка и укреплялись сами при благосклонном содействии власти, на фундаменте прикрепления тяглых классов к государеву тяглу и землевладельческому хозяйству. Это единение интересов власти и командующих классов и вместе с тем общность средств достижения этих интересов — я разумею крепостной строй — объясняет нам необычайное на первый взгляд явление: верховная власть во всех своих важнейших проявлениях направляется волею земли в лице ее выборных представителей на соборах, но не только не тяготится этою опекой, а сама вызывает ее и обращается к ней не только по вопросам основного характера, но и текущего управления. Это участие соборов в управлении не было формальным правом земли, а скорее тяжелою обязанностью, как не было оно формальным ограничением верховной власти в пользу управляемых, хотя в глазах позднейших поколений и казалось таковым (см., напр., у Фоккеродта). Насколько соборы XVII в. содействовали укреплению порядка и развитию самодержавия на Руси, видно из простого перечня дел, которые разрешались в XVII в.: при ближайшем участии земских соборов, иногда по непосредственной инициативе последних, производились выборы царей, установление внутреннего порядка в государстве, народная и поземельная перепись в связи с установлением налогов, вопросы войны и мира, международной торговли, установление социальных норм жизни и землевладельческого права, кодификация права и, наконец, воздействие на мятежников (1650).

Особая роль в укреплении власти московских государей XVII в. принадлежала духовенству, точнее сказать — высшим иерархам и монастырям. Еще до Смуты духовенство подсказывало московским государям библейские и византийские теоретические начала власти.

Введение патриаршества означало не освобождение русской церкви из-под опеки восточных патриархов, а формальное подчинение ее власти царя. Митрополит московский, ставившийся восточными патриархами и подчинявшийся им в вопросах церковных, был более независим от светской власти, чем патриарх. Это подчинение главы русской церкви главе Московского государства было выражением обмирщения церкви, ставшей слугою государства, в качестве одного из видных землевладельцев. Уступая церкви земельный капитал вместе с доходами и льготами, московские государи сознательно или бессознательно делали вклады про черный день. И не ошиблись. В Смуту духовенство много сделало духовных и материальных усилий и жертв для восстановления порядка и власти. Всем известна относящаяся сюда роль патр. Гермогена и Троицко-Сергиевой лавры. Мирские интересы главы церкви совпали с интересами верховной власти в не меньшей степени, чем эти последние с отмеченными потребностями тех светских чинов московских людей, которые доминировали на соборах. С этой точки зрения соправительство патриарха Филарета царю Михаилу было не только выражением их кровного родства, но относится к тому же порядку явлений, как соправительство земских соборов и царя.

Кровное родство царя и патриарха вызвало со стороны царя-сына безграничное доверие и почтение к патриарху-отцу, для которого интересы церкви едва ли были выше династических интересов. Этим только объясняется определение царя Михаила по поводу спора о местах между рындами царя и патриарха: царь решил, что никакого спора о местах между рындами, на основании преимуществ царской власти над патриаршей, быть не может: «каков он, государь, таков и отец его государев (заметьте: отец, а не патриарх); их государское величество нераздельно». Но уже при том же царе Михаиле, под

воздействием светских чинов собора, чины избирательных соборов, в поисках облегчения непосильного тягла и службы, настоятельно указывали царю на втуне «лежащую домовую казну» патриарха, архиереев и монастырей, на взимание даточных людей с монастырских вотчин, на незаконное расширение последних за счет служилого землевладения. И цари новой династии уже в 1648 г. «собором уложили» запретить церковным учреждениям приобретать и принимать в заклад служилые вотчины.

В следующем году церковные власти вынуждены были выпустить из своих рук суд над духовенством по недуховным делам и заведование церковными вотчинами, что составило компетенцию монастырского приказа, с обычным приказным составом, без участия духовного представителя. Так падал экономический фундамент, на котором вначале установилась солидарность между государством и церковью. Власть, под влиянием государственной необходимости, склонилась на сторону сильнейших элементов собора, и слабейшие должны были наиболее пострадать. Никон переоценил свой удельный вес, когда от объявления себя «богоизбранною двоицею» с царем перешел к «панежским замахам», объявляя «священство выше царства». Неудача его «замаха» состояла в том, что ему пришлось строить свой авторитет на зыбкой почве «собинной дружбы» с царем, а эта почва была еще более преходящим явлением, чем кровное родство. Главной же опоры, какая была у патриарха Филарета, в виде независимости экономического и правового положения церкви в государстве, под Никоном уже не было. Потеря расположения царя была не только главной причиной падения Никона, но и показателем подчинения церкви государству.

Развитие власти московских государей стояло в непосредственной зависимости, между прочим, и от разви-

тия органов управления на Руси, центральных и областных, как орудий этой власти. Новая династия унаследовала от Рюриковичей довольно громоздкую систему управления, которая находилась далеко не в окончательной стадии своего формирования при последних Рюриковичах, а в Смуту была приведена в полное расстройство. Правительству первых Романовых, при содействии земских соборов, пришлось почти заново отстраивать «распавшуюся храмину». Дело это не было, конечно, реформой, преобразованием учреждений по новому плану и на новых началах. Строителям приходилось реставрировать старые привычные учреждения и пользоваться уже выработанными практикой началами и привычными дельцами. Но при всем том, может быть, помимо сознательных реформаторских стремлений, правительство вливало новое вино в старые мехи и создавало даже чрезвычайные учреждения в ответ на новые запросы и требования жизни.

Общей особенностью развития центральных и областных органов управления России после Смуты являются две черты: во-первых, развитие в составе этих учреждений приказного (бюрократического) элемента за счет сословно-общественного и, во-вторых, заметное улучшение техники управления в смысле большей систематичности и лучшего распределения компетенций между инстанциями.

Это справедливо прежде всего относительно Боярской думы. Учреждение это, представлявшее из себя до Смуты и во время Смуты политический орган боярства, как класса, на основании обычая и даже договора, — при первых Романовых теряет свой классовый характер, вследствие разрушения боярства как правительственного класса. Она «перестает быть участницей верховной власти, становясь только ее орудием, остается во главе управления, как его привычный рычаг, но из политиче-

ской силы превращается в простое правительственное средство»¹. Состав ее становится более бюрократическим, чиновным, чем аристократическим.

Но бо́льшая определенность в компетенции Боярской думы еще не знаменовала усиления ее авторитета в отведенной ей области. «В присутствии государя дума могла иметь только совещательное значение. Приговор, произнесенный боярами без государя, становился окончательным решением, в силу постоянного на то полномочия, и тогда дума действовала, как законодательная власть. Когда такие приговоры восходили на утверждение государя, то в этих случаях дума получала совещательное значение»... Это право постановлять окончательные решения лишь по уполномочию низводило думу с места, ей ранее принадлежавшего в составе законодательной власти, и единым источником последней становился тот, от кого дума получила свои полномочия, т. е. государь. Больше того, уже Алексей Михайлович не считал нужным посвящать думу в некоторые дела управления и решал их помимо нее. По словам Котошихина, «как царю лучится о чем мыслити тайно, и в той думе бывают те бояре и окольные, ближние, которые пожалованы из спальников, или которым приказано бывает приходить; а иные бояре, и окольные, и думные люди в ту полату, в думу, и ни для каких ни буди дел не ходят, разве царь укажет».

И это, по-видимому, считалось бесспорным правом самодержцев XVII в. Мы не слышим, по крайней мере, протестов против этого в XVII в., подобных тем, которые раздавались в начале XVI в. против отца Грозного за то, что он все дела вершит, сам-третей запершись у постели.

Сказанное относительно Боярской думы еще в большей степени приложимо к приказам, этим центральным и центрально-областным учреждениям.

¹ В. О. Ключевский. «Боярская дума», изд. 3, 383 стр.

Состав их еще более случаен и подчас совсем лишен аристократического элемента, вытесненного приказными дьяками. Во главе приказов часто стоят стольники, дворяне и дьяки. Даже в тех приказах, которые поручались родовитым боярам, главное производство сосредоточивалось частью в руках их товарищей, которые бывали чаще всего из думных и простых дьяков, но главным образом лежало на подьячих, заведовавших канцелярией и фактическим делопроизводством¹. Само собой понятно, что эти приказные дельцы, карьера которых зависела только от воли государя и его фаворитов, были прямыми родоначальниками позднейшей бюрократии и вполне покорным орудием в руках московского самодержца. Во всяком случае, им были чужды какие бы то ни было классовые притязания, столь раздражавшие последних Рюриковичей и Годунова в родовитых сотрудниках их управления.

Развитие приказного управления содействовало росту власти московского государя еще и в другом отношении.

Количественное развитие приказов происходило за счет дел, раньше вершившихся в областях местными учреждениями или лицами с судебными и податными иммунитетами. Теперь дела эти переносятся в центр, и области непосредственно сливаются с центральными органами верховной власти. Вместе с тем постепенно намечается круг дел, которые начинают самостоятельно вершить приказы, освобождая таким образом верховную власть от множества мелких, второстепенных дел, которые раньше восходили до государя, иногда как к первой инстанции. Запутанность распределения дел между отдельными приказами вы-

¹ Владимирский-Буданов. «Обзор истории русск. права», изд. 3, стр. 209.

звала уже при Алексее Михайловиче попытку упрощения управления путем слияния однородных дел в общем ведомстве. Так, в ведомстве разряда стало постепенно стягиваться военное управление, первоначально разбросанное в рейтарском, военном и других приказах. В результате всего этого достигались сравнительная стройность и централизация управления, а московский государь получал более гибкое и самостоятельное орудие своей власти, оставив за собой, главным образом, регулирующую и принципиально определяющую деятельность.

Росту бюрократической централизации вместе с развитием власти царя за счет общественного самоуправления немало содействовал институт воевод. Вызванный потребностями военного времени после Смуты, институт этот поглотил выборное самоуправление, учрежденное еще при Грозном, уничтожив его совсем или превратив в подручные органы воеводской власти, ограниченной к тому же приказно-дьячьим сотрудничеством.

В лице воевод центральная власть приобрела в областях сильных агентов, сосредоточивших в своих руках суд, административно-полицейскую расправу, податные функции и военную охрану областей от внешних и внутренних врагов, при содействии войск новой формации (стрельцов и рейтар).

Через воевод, с которыми правительство поддерживало деятельную переписку, оно могло считать себя осведомленным о местных делах, а в местных поручительствах оно теперь стало нуждаться менее, раз эта местная власть была достаточно сильна, чтобы выколотить правожом все сборы и повинности, налагаемые на местах. «Прежде правительство стягивало представителей отдельных самоуправляющихся миров к центру, теперь оно стало в эти миры посылать представителей цент-

ра»¹. Во всяком случае, в лице воевод государь имел более надежных представителей своих интересов в области и более доступных контролю, чем выборные от населения разные излюбленные головы, старосты, целовальники и т. п.

Рознь интересов, разделившая общество на местах, не могла объединять его и в центральном представительном учреждении: на соборах все чаще и чаще обнаруживалось стремление отдельных классов и сословий свалить тяжесть повинностей с себя на других, все меньше и меньше случаев единодушной поддержки требований государства, все резче раздавались критика и жалобы на приемы приказно-бюрократического управления. Распалась солидарность общественных классов, разошлись интересы власти и общества, и окрепшая в своих основах и органах власть прекратила созыв земских соборов, как не совсем удобного для себя вспомогательного орудия управления. Царская власть стала управлять землей при помощи постепенно сложившейся приказно-воеводской администрации бюрократического характера и постоянного войска на жалованье, обученного по западному образцу.

Психологию этих профессионалов военного дела превосходно выразил Шакловитый, подговоривший стрельцов просить царевну Софью венчаться на царство мимо законных государей, уверяя, что препятствий не будет, зато будет награда. «А патриарх и бояре?» — возразили стрельцы. «Патриарха сменить можно, — отвечал Шакловитый, — а бояре — что такое бояре? Это зяблое палое дерево». О других общественных силах преторианцы даже и вспомнить не пожелали...

Уже Котошихин дал довольно точное разъяснение на вопрос: «Для чего пишется самодержцем» современ-

¹ М. М. Богословский. «Из истории верховной власти в России», 31 стр.

ный ему московский царь (Алексей Михайлович). Потому что, писал он, «государство свое правит по своей воле. И с кем похочет учинить войну и покой, и по покою что кому по дружбе отдати или какую помощь чинити, или и иные всякие великие и малые своего государства дела похочет по своей мысли учинити, з бояры и з думными людьми спрашивается о том мало: в его воле, что хочет, то учинити может, однако кого из бояр и из думных и из простых людей любит и жалует, спрашивается и советуется с ними о всяких делах» (VIII, 10–20).

Дальнейшая формулировка создавшейся верховной власти московских государей была дана Петром Великим в его регламентах, законе о воле монаршей и в целом ряде указов и актов, изданных по разным случаям организационного характера, но в этих определениях сказалось уже влияние западных образцов.

В. Уланов

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	7
Три столетия. <i>А. Е. Пресняков</i>	9
Московское государство	
первой половины XVII в. <i>А. Е. Пресняков</i>	13
I. Итоги «великой разрухи» Московского государства в начале XVII в.	13
II. Новая династия	46
III. Восстановление государства	62
1. Власть и управление	62
2. Первые годы царя Алексея	96
IV. Международное положение Московского государства в первую половину XVII в.	102
Царь Алексей Михайлович. (Опыт характеристики). <i>Проф. С. Ф. Платонов</i> ...	114
Земские соборы. <i>А. И. Заозерский</i>	151

Соборное Уложение 1649 г. <i>Проф. С. В. Рождественский</i>	222
Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 г. <i>В. Я. Уланов</i>	243
«Разиновщина». <i>В. Я. Уланов</i>	278
Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. <i>Проф. И. Ф. Каптерев</i>	313
Власть московских государей в XVII в. <i>В. Я. Уланов</i>	336

Литературно-художественное издание

ТРИ ВЕКА

РОССИЯ ОТ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В 6 ТОМАХ

ТОМ 1

Выпускающий редактор *В. Н. Костромская*
Художественное оформление: *Т. Ю. Прокуратова*
Корректор *М. Г. Лобанова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.05 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleC».

Печ. л. 11,0. Тираж 10000 экз.

Заказ № 96.

Отпечатано в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

КНИЖНЫЙ СЕЗОН

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

ISBN 5-29600-083-3

9 785296 000835